

МОСКВА
ДОЛГО-
ЛЕТНЯЯ

КОМПЛЕКС
СОЦИАЛЬНОГО
РАЗВИТИЯ
МОСКВЫ

Проект Мэра

МОСКОВСКОЕ
ДОЛГОЛЕТИЕ

МОСКВА ДОЛГО- ЛЕТНЯЯ

УДК 082
ББК 94.3
М82

В сборнике произведения представлены в авторской редакции.

М82

Литературно-художественный сборник произведений лауреатов литературного конкурса «Москва долголетняя» / сост. Л. Черненко ; – М. – Московское долголетие, 2023. – 208 с.

ISBN 978-5-7151-0614-8

В сборник вошли произведения 51 автора – лауреатов и финалистов конкурса «Москва долголетняя», впервые организованного редакцией газеты «Московское долголетие» и Союзом журналистов города Москвы. Участники конкурса – непрофессиональные писатели, занимающиеся в литературных клубах и мастерских в рамках проекта «Московское долголетие».

Сборник адресован широкому кругу читателей.

УДК 082
ББК 94.3

ISBN 978-5-7151-0614-8

Содержание

01

Этот город – наш с тобою

- Место силы и вдохновения** 11 ВДНХ
О ВДНХ рассказывает её ровесница, легендарный диктор ЦТ Дина Григорьева
- Игорь Крючков 17 Улица Новый Арбат
Когда Новый Арбат был новым
- Евгений Константинов 20 Улицы Арбат, Красная Пресня
На Калининский – за винилом и марками Пресня, которая Красная Перекус, достойный легенд
- Алексей Колесник 23 Новинский бульвар
А я иду, шагаю по Москве...
- Юрий Говердовский 27
Эстетический удар
- Ольга Нестерова 35 Садовая-Спасская улица
Вот эта улица, вот этот дом
- Елена Котова 41 Таганский район
У Рогожской заставы
- Наталья Швец 46 Сиреневый бульвар в ВАО
Сиреневые мгновения весны
- Илона Комарова 50
Подари себе праздник
- Елена Ткачевская 54
А в этом пресненском дворе легко стих пушкинский слагался
- Истории «Пешего лектория» от экскурсовода** 59 Район Сокол
Василия Вербина
- Ирина Прокофьева 65 Бауманская улица
Всему начало – отчий дом

02

По волнам
моей памяти

- Людмила Маркушева **69** Район Лефортово
Мне двор казался целым миром
- Татьяна Чистякова-Буренкова **76** СЗАО
Тушино – моя отдушина
- Галина Попкова **79** Цветной бульвар
Центр притяжения
- Назира Новоселова **82**
Целевая точка будущего
- Лидия Абрамова **84** Район Крылатское
Крылатское дало мне крылья
- Ирина Шибанова **88** Шлюз на Карамышевской набережной
Остров моего детства
- Борис Келексаев **91** Неглинная улица
В Сандунах все равны
- Елена Князь **95** Улица Сретенка
Сухарева барышня
- Анна Соседова **99**
В сердце и в песне
- Марина Ровнова **104** Улица Солянка
Мне снится космос
- Анатолий Модылевский **108**
Фидель Кастро в Братске
- Любовь Васютина **112** Останкино
В центре событий – телецентр
- Лариса Бачевская **117**
Машина времени
- Герман Арутюнов **121**
Дверь в иное измерение
- Феликс Филатов **125**
Версия доктора Филатова
- Сергей Проскурин **130**
Фото из детского рая
- Ирина Красильникова **134**
Совсем как живые...

03

Любовь
в большом городе

Татьяна Мясникова **139** Царицыно
Воспоминания навеял листопад

Галина Цыганкова **147**
Нас обручил фестиваль

Любовь Кузнецова **150**
Мы у судьбы отмолим нам свидание

Елена Серова **157**
Встречи волшебной ночи

Светлана Ачмиз **161** Мосфильмовский пруд
...А белый лебедь на пруду

Татьяна Аверкина **163**
Поцелуй в снежном хороводе

04

Эти слова – о тебе, Москва.
СТИХИ

Игорь Мухин **170**

Белла Полонская **172**

Светлана Кукарина **174**

Галина Науменко **180**

Наталья Кузнецова **181**

Карл Шейнбаум **182**

Владимир Богачев **183**

Елена Томилова **184**

Раиса Богданова **187**

Александр Подволоцкий **188**

Галина Балашова **190**

Сергей Сафонов **191**

Наталья Богданова **194**

Наталья Баранова **195**

Раиса Квартникова **197**

Наталия Шишкарева **203**

Дорогие друзья!

Мы рады представить вам уникальную книгу «Москва долголетняя», изданную по итогам одноименного литературного конкурса.

Литературное творчество – одно из любимых направлений деятельности участников нашего проекта «Московское долголетие»! У нас в долголетии более 60 литературных клубов и мастерских, где занимаются более 4000 авторов «серебряного возраста». Занятия с начинающими авторами проводят мастера слова, писатели и литераторы. И поэтому совсем неудивительно, что на литературный конкурс, который организовали редакция газеты «Московское долголетие» и столичный Союз журналистов, пришло более 1000 работ самой разной тематики. Работы, отобранные авторитетным жюри конкурса, вошли в этот сборник.

Эта книга – попытка запечатлеть глазами очевидцев исторические вехи столицы, передать неповторимый колорит Москвы второй половины прошлого столетия и до наших дней, взглянуть на судьбоносные события страны глазами разных поколений. Книга получилась и исторически ценная, и душевно теплая.

Большинство наших авторов – непрофессиональные писатели, это люди самых разных профессий, среди них инженеры и военные, учителя и бухгалтеры, врачи и программисты... Но всех их объединяет любовь к слову и нашей любимой Москве!

В «Московском долголетии» раскрываются новые таланты, проект меняет жизнь москвичей к лучшему, наполняет новыми смыслами и активностями. Приходите в проект и убедитесь сами. Пусть искренние работы «серебряных» авторов вдохновят вас!

Евгений Стружак,

Министр Правительства Москвы,
руководитель Департамента труда
и социальной защиты населения города Москвы

Ни дня без строчки

Конкурс «Москва долголетняя» мы провели впервые. Он совершенно необычен тем, что его участниками являются читатели газеты «Московское долголетие», москвичи «серебряного» возраста, которые только пробуют свои силы на литературном поприще.

Литературный конкурс «Москва долголетняя» был посвящен столице, событиям, меняющим ее облик, людям, которые внесли большой вклад в ее развитие. Проходил он в течение трех месяцев и по числу авторов, приславших свои работы, стал рекордным. В конкурсе приняли участие более 300 авторов старшего поколения, которые прислали более 1000 работ разных жанров. Все материалы конкурса – это целое многотомное собрание сочинений, которое для газеты «Московское долголетие» станет ценнейшим источником для будущих публикаций.

Москвичам старшего поколения есть что вспомнить и о чем написать. Они рассказали о своей жизни в великой стране, о ярких, поворотных событиях исторического значения, свидетелями которых они стали. И особая ценность материалов, присланных на конкурс, в том, что все они опираются на богатейший жизненный опыт. У наших авторов яркие биографии, в которых отразилась вся география страны. Юрий Говердовский полвека работал на Дальнем востоке, участвовал в строительстве Байкало-Амурской магистрали, Анатолий Модылевский трудился на великих сибирских стройках, возводил Братскую ГЭС, где стал участником встречи с Фиделем Кастро, о которой и написал...

Еще один источник творческого потенциала долголетов и их литературных способностей – в высокой образованности, начитанности, воспитании на книжной культуре. Люди были приучены не только читать, но и писать. Сначала были школьные сочинения и заметки в стенгазету, потом – письма друг другу. А это тоже своего рода творчество.

Наши авторы – непрофессиональные писатели. Елена Ткачевская – ученый-химик, доцент. «А на лирику, на поэзию меня вдохновил Пушкин, – рассказывает Елена Петровна. – Оказалось, что дом, где я жила, был во дворе, который часто посещал Александр Сергеевич. Он даже посвятил этому

месту свои стихи». Елена, окончив курсы по литературному мастерству в «Серебряном университете», теперь пишет стихи, публикуется в литературных сборниках и альманахах.

Среди лауреатов конкурса – заслуженная артистка России, легендарный диктор Центрального телевидения Дина Григорьева. Она – ровесница ВДНХ, всегда жила и работала в этом районе. На ее глазах создавалась главная выставка страны, переживала свой расцвет, упадок и новое возрождение, о чем она и рассказала в своем очерке.

Наталья Швец провела целое исследование о московской сирени, о селекционере-самоучке Алексее Колесникове, который вывел 300 уникальных сортов сирени и основал на востоке столицы Сиреневый сад. Ольга Нестерова занимается семейной родословной, историей Садовой-Спасской улицы, где прошло ее детство. Свои краеведческие заметки, присланные на конкурс, она проиллюстрировала собственными рисунками.

Удивительную семейную историю рассказала Галина Цыганкова. Ее родители познакомились на Всемирном фестивале молодежи и студентов в 1957 году. А в 1985 году на Всемирном фестивале в Москве она встретила своего будущего супруга. И ее дочь в 2017 году также познакомилась со своим парнем на фестивале молодежи и студентов в Сочи.

Большинство наших авторов – активисты «Московского долголетия». Дина Григорьева учит москвичей старшего поколения навыкам выступлений перед публикой. Наталья Швец руководит литературной студией «Живые строчки». Юрий Говердовский в Центре московского долголетия «Свиблово» – лидер клуба «Литературный календарь». Галина Цыганкова занимается латиноамериканскими танцами и зумбой. Илона Комарова посещает театральную студию, Игорь Крючков – шахматный кружок.

Литературный конкурс «Москва долголетняя» еще раз показал высокий творческий потенциал москвичей старшего поколения. Неслучайно творческими активностями в проекте занимаются тысячи людей. Это еще раз доказывает, что попробовать свои силы и в литературном творчестве можно в любом возрасте!

Лев Черненко,

главный редактор газеты «Московское долголетие»,
председатель жюри литературного конкурса
«Москва долголетняя»

01

Этот город – наш с тобою

Место силы и вдохновения

В этом году ВДНХ исполнилось 84 года. А легендарному диктору ЦТ Дине Анатольевне Григорьевой, которая всю свою жизнь живет и работает в этом районе, исполнилось 83 года.

Свидетель перемен

Для кого-то ВДНХ сегодня – это место для душевных и эстетичных прогулок, активных занятий спортом, познавательных походов на выставки и лектории, кто-то любит прийти сюда и вспомнить прошлое, а для Дины Григорьевой, заслуженной артистки РСФСР, бесценной ведущей всех правительственных концертов в Кремлевском Дворце съездов и Большом театре (вела их в течение 26 лет!), вся трудовая жизнь которой прошла на Центральном телевидении и Всесоюзном радио, район ВДНХ стал и малой родиной, и местом работы, и местом силы и вдохновения. Всю свою жизнь она живет рядом с Выставкой достижений народного хозяйства, не меняя адреса.

С ВДНХ они ровесники. Григорьева была свидетелем всех этапов развития грандиозного архитектурного символа советской эпохи. Он померк в 90-е годы, когда монументальный ансамбль социалистических трудовых

Дина Григорьева

телеведущая, педагог, заслуженная артистка РСФСР, диктор высшей категории. Окончив ВГИК, Дина Анатольевна в 1964 году стала диктором Всесоюзного радио и затем – диктором Центрального телевидения. С 1965 года – бессменная ведущая правительственных концертов в Кремлевском Дворце съездов. Долгое время Дина Анатольевна вела информационную программу «Время». И проводить церемонии открытия и закрытия значимых для страны событий – Олимпиады-80, Игр доброй воли, Всемирного фестиваля молодежи – доверяли именно ей. Сейчас Дина Анатольевна ведет преподавательскую деятельность в проекте «Московское долголетие».

достижений превратился в барахолку заграничного ширпотреба. И только масштабная реконструкция, проведенная командой Мэра Москвы Сергея Собянина, возродила этот знаковый московский бренд.

Сегодня преподаватель «Московского долголетия» Дина Григорьева проведет для наших читателей экскурсию по своим любимым и памятным местам главной выставки страны.

Окраина Москвы, ставшая парадом достижений

– Конечно, я помню это место совсем другим, – начинает наше путешествие Дина Анатольевна. – Там, где сейчас стоит знаменитая ракета – памятник «Покорителям космоса», располагался дом, в котором я родилась. Раньше это было село Алексеевское с кривыми улочками и такими же домишками – одноэтажными избушками с завалинками, маленькими садами, закоулками, среди которых так здорово было нам, детворе, играть в прятки и казаков-разбойников. Это же была самая настоящая окраина Москвы. Единственный большой дом был у тети Маши. Мы ее звали «царица села Алексеевского»: она одна оставалась «из помещичьих», а ее сын был священником. В селе был еще Храм иконы Тихвинской Пресвятой Богородицы, поговаривали, что он имел подземный ход аж до Кремля.

– Мое самое первое яркое детское воспоминание о ВДНХ, – продолжает рассказ наша героиня, – когда мне шесть лет, и мама после работы ведет меня в драмкружок художественной самодеятельности при Доме культуры тогда еще Всесоюзной сельскохозяйственной выставки (ее переименовали в ВДНХ в 1959 году). Представляете, только окончилась война, и сразу же для трудящихся открыли драмкружок, который со временем стал народным театром.

Для постановки пьесы «Платон Кречет» на роль Майки нужна была девочка 6–7 лет, и мама предложила попробовать меня, я как раз подходила по возрасту. И меня взяли. Так началось мое знакомство со сценой.

И сегодня в отреставрированном, сияющем белоснежными колоннами здании Дома культуры поддерживаются традиции семидесятилетней давности – опять идут театральные репетиции, ставятся спектакли, работают и другие кружки.

– Репетиции заканчивались не раньше одиннадцати вечера, – продолжает делиться воспоминаниями Дина Анатольевна, – мы с мамой возвращаемся по безлюдным и заснеженным аллеям выставочного комплекса, а вокруг сияют фонари и медленно падают снежинки. Какое же это было блаженство, настоящая ночная сказка!

Дворец мороженого

– Помню, как возводили Дом печати, где регулярно проводились дни радио, и я была ведущей встреч со слушателями, а позже уже и со зрителями Центрального телевидения.

А какое здесь было вкусное мороженое и пирожки с повидлом! Ведь многие приходили на ВДНХ, чтобы отведать знаменитое сливочное мороженое в шоколадной глазури на палочке. Считается, что за 80 лет существования выставки половина страны попробовала эскимо именно на ВДНХ! Его продавали и с тележек, и в киосках, и в павильоне «Мороженое», который вначале назывался «Главхладпромом».

– А какое мороженое было самым любимым? – спрашиваю Дину Анатольевну.

– Я была всеядна, потому что помню голод. Впервые попробовала мороженое лет в семь, когда были отменены карточки. Помню, это было молочное мороженое в брикетах и в бумажной упаковке. После появились стаканчики, а уж потом – знаменитое эскимо в шоколаде. Это был фантастический вкус! Но лакомиться часто не приходилось, потому что с деньгами в семье было туго и заветный стаканчик был для нас с сестрой как поощрение. Мама нас воспитывала одна, папа погиб на фронте.

Взгляд с высоты

Мы проходим мимо самого большого в Европе колеса обозрения, и я интересуюсь у Дины Анатольевны, часто ли она сама на нем каталась и боялась ли высоты? Правда, сейчас колесо располагается в другом месте, и оно гораздо больше предыдущего.

Знаменитый диктор хитро улыбается:

– Не могу сказать этого про себя, потому что с 14 лет занималась в первом аэроклубе на Сущевке, который в свое время посещала и первая женщина-космонавт Валентина Терешкова. А в первый раз, когда каталась на колесе обозрения, то почему-то на его высшей точке больше всего я запомнила бескрайнее зеленое море лесов и парков Сокольников и Измайлова. Тогда эта картина бесконечной природы поразила мое воображение.

Роскошь передвижения

ВДНХ – сейчас не только история, достижения, наука и техника, но и спорт – здесь оборудованы прекрасные велодорожки, и посетители с удовольствием тут катаются.

– А вы, Дина Анатольевна, тоже любили кататься по аллеям Выставки?

– Впервые я села на велосипед в 12 лет, и он был соседский. А так я начала кататься на велосипеде в 16 лет, мне его давала старшая сестра Валерия, которая занималась велоспортом в секции при оборонном заводе, где она работала фрезеровщицей два года. Ей был необходим стаж для поступления в институт. Велосипед в наше время – это была роскошь!

Про романтические свидания

– Обычно свидания назначались у фонтана «Каменный цветок». Первый поцелуй в 14 с половиной лет был у меня с первой любовью – Валея Зубенко. Остальные воспоминания уже не были такими яркими.

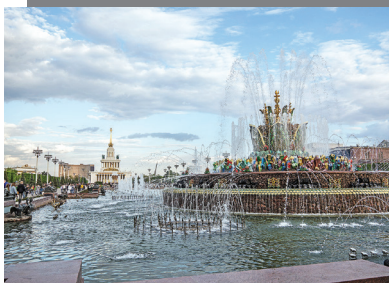
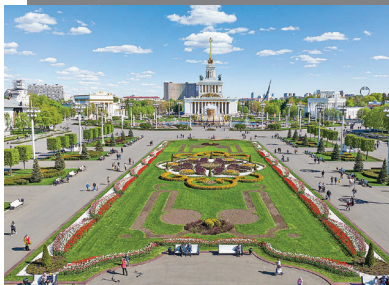
Теперь же на ВДНХ в основном я гуляю с внуками, Этьеном и Авророй, и нашим любимым времяпрепровождением стало посещение «Москвариума»: прозрачное стекло, захватывающие виды, какая тебе рыба понравится, зови ее и целуйся с ней. Здорово же!

Второе призвание – педагогика

На пенсии открылось второе призвание Дины Григорьевой – педагогика. С 2018 года она проводит занятия «Искусство коммуникации» в проекте «Московское долголетие», где обучает москвичей старшего поколения навыкам самопрезентации и выступления перед публикой.

– Честно говоря, не очень люблю это слово – коммуникация. На мой взгляд, звучит оно несколько формально. Для меня, скорее, оно несет технический смысл – провода, штыри... Своим подопечным я всегда говорю – у нас с вами общение, общие интересы и общий возраст. Я с большим удовольствием с ними встречаюсь, у меня такие замечательные пенсионеры! Вот совсем недавно ходила на занятия одна женщина, хмурая, как туча. А потом призналась, что в семье ее все затюкали – никто не хочет общаться, а все только предьявляют претензии – и дочь, и зять, и сын с невесткой. Я же убедила ее, что в каждом возрасте есть своя изюминка. Она заслужила к себе более уважительного отношения, согласись. И через какое-то время говорит мне – сработало! Она воспользовалась нашими уроками и прочитала родным наизусть целую поэму Сергея Есенина.

Дина Григорьева – большой друг нашей газеты. Как преподаватель проекта «Московское долголетие» не раз была героиней наших публикаций. Она активно участвовала в заседаниях читательского клуба редакции. А в сентябре 2019 года легендарный диктор вела программу мероприятий газеты «Московское долголетие» на фестивале столичной прессы, была гостем церемонии «Человек года – 2019» проекта «Московское долголетие».

В 2013 году комплекс Всероссийского выставочного центра был передан правительству Москвы. В 2014 году выставка вернула свое историческое название – ВДНХ. Начались возрождение и реставрация павильонов, фонтанов, благоустройство территории и наполнение исторического общественного пространства новыми смыслами. При этом сохраняется его первоначальный вид и создается современное пространство.

Сергей Собянин: «Уже обновлено больше 10 исторических павильонов и 26 объектов культурного наследия. В этом году планируем завершить реставрацию и строительство больше десятка павильонов, среди них «Мясная промышленность», «Атом», Выставочно-культурный и экспозиционный центр Республики Узбекистан. На ВДНХ откроются новые достопримечательности – парк «Орион» и «Лента Мебиуса».

Сегодня на территории выставки расположено 49 объектов культурного наследия. Уже завершилась реставрация более половины объектов, в том числе арки Главного входа, павильона № 34 «Космос», павильона № 58 «Земледелие», павильона № 14 Азербайджанской Республики, фонтанов «Золотой колос», «Дружба народов», «Каменный цветок» и 14 фонтанов Центральной аллеи.

Лайфхак от Дины Анатольевны Как расположить к себе собеседника

– Смотрите на человека заинтересованными, горящими, обожающими и преданными глазами, потому что преданность – это больше, чем доверие. В общении очень важна и искренность. Заинтересуйте собеседника тем, что вам самим интересно! Как можно кого-то удивить?! Когда сам удивишься!

Когда Новый Арбат был новым

Новый Арбат... Помнишь: сперва до тебя доходили слухи, чарующие, как сказки «Тысяча и одной ночи»? Потом все чаще вокруг стали звучать восторженные свидетельства очевидцев: мол, появился неподалеку от стен Кремля соблазнительный сладостью запретного плода «кусочек Америки». Той самой, что манила с телевизионных экранов стреляющими в заоблачные выси стекольно-бетонными карандашами небоскребов и бесстыжей пляской неоновой рекламы учиняла непрерывный праздничный салют в небе, затаянном гладким миллиардным сукном сумерек.

Предвкушение грядущего пиршества

Путешествие на Новый Арбат в то время было сродни нынешней экскурсии в Диснейленд: по азарту предвкушения грядущего пиршества для глаз и плоти, по остроте бурно переживаемых эмоций, по нетускнеющей яркости впечатлений, что непременно унесешь с собой, покидая этот ареал чудес, вытянувшийся сладковучной струной между отчим тебе роддомом имени Грауэрмана и Садовым кольцом. Магазины теснились вдоль

Игорь Крючков

родился в 1954 году и постоянно проживает в Москве. Мечтал о Литературном институте, но выбрал профессию экономиста, написал и защитил кандидатскую диссертацию по экономике. Работал в Госснабе СССР, после 1991 года – в частных торговых фирмах. Посещает шахматный кружок в проекте «Московское долголетие».

широченных обочин. Разнообразием и изобилием товаров торговые ряды легко приводили в шок даже обитателей отдаленных районов столицы, не говоря уже о гостях, прибывших в Москву из провинции с пустыми мешками и чемоданами, внутри которых гулко перекачивалось эхо накопленных мечтаний.

Паломничество в «Октябрь»

В ассортименте потребностей советского человека, удовлетворить которые наперебой предлагали новоарбатские заведения, нашлось место не только телесным, но и духовным чаяниям. Киноконцертный зал «Октябрь», храм важнейшего из искусств, манил всякого прохожего фейерверком афиш, увенчанных легендарными именами звезд мирового и отечественного кинематографа. Паломничества в «Октябрь» ты совершал, как правоверный мусульманин – в Мекку. Просторные фойе, сверкающие латунью и никелем балюстрады, удобные кресла в залах, ряды, располагавшиеся с небольшим подъемом от первых до самых дальних от экрана, так чтобы головы впереди сидящих зрителей не превращались в источник раздражения, а то и перебранки во время сеанса, – эти и иные, подчас даже не осознаваемые составные элементы комфорта, превращали, казалось бы, рядовой воскресный поход в киношку в праздничное событие, предвкушаемое всю будничную неделю.

Гвоздь буфетной программы

Буфетное меню «Октября» поражало не столько разнообразием бутербродов, выпечки и кондитерских изделий,

сколько их свежестью и благоуханием ароматов, устремлявшихся с подносов и тарелок в ноздри изнемогающей слюноотечением очереди к прилавку. Для тебя же и для твоей постоянной спутницы гвоздем буфетной программы, конечно же, был головокружительный, но безобидный, как аттракцион в Парке культуры, коктейль «Шампань-коблер», подаваемый за невообразимую цену (помнится, что-то в районе трех рублей, что в разы превышало стоимость билетов в кино) в узком фужере, внутренняя кромка горловины которого была оторочена застывшей сахарной глазурью, а пластиковая трубочка, опущенная в ароматную жидкость, позволяла до умопомрачения длить удовольствие от поглощения напитка.

«Шампань-коблер»: дама и кавалер

Однажды в числе поклонников коктейля ты заприметил черноокого, с элегантной проседью в свежестриженной шевелюре, грузинского красавца – актера и по совместительству эстрадного певца Бубу Кикабидзе. Тот на расстоянии всего каких-то полутора метров от тебя смущал некую юную деву пылким монологом, слов которого было не разобрать. Едва заметным кивком и мимикой ты обратил внимание спутницы на неожиданно образовавшееся соседство с богемным идолом, она поняла и приняла твой восторг, напиталась им, и глаза ее, обычно переливавшиеся оттенками серо-голубоватой дымки, вдруг блеснули радужной вспышкой. Ты воздушно приобнял спутницу за талию, и вы отправились в зрительный зал, как жених и невеста в зал торжественной регистрации брака. По крайней мере, такое сравнение моментально посетило тебя, и потом, при обстоятельном размышлении, ты пришел к бесповоротному выводу, что этой и другими романтическими метаморфозами сознания, которые посещали тебя во время визитов в «Октябрь», ты, конечно же, обязан чудодейственной силой коктейля.

...А между визитами в «Октябрь» мы выбрали в Грибоедовский Дворец бракосочетаний, где, обменявшись кольцами и прослушав марш Мендельсона, сорок последовавших лет бережно хранили обретенный тогда матримониальный статус, хоть и обходилось это хранение неимоверными порой усилиями. А Садовое кольцо стало обручальным – ресторан «Лабиринт», где гуляла свадьба, располагался как раз на пересечении Нового Арбата с Новинским бульваром.

На Калининский – за винилом и марками

Евгений Константинов

родился в 1959 году в Москве.

Окончил музыкальную школу по классу баяна.

Свой профессиональный путь начал токарем, затем работал инкассатором.

Евгения всегда тянуло к творчеству, и он окончил

Литературный институт им. А.М. Горького. Далее свой

профессиональный путь Евгений Михайлович связал

с творчеством. Работал

заместителем главного редактора в журналах

«Охотник» и «Рыбалка на Руси».

Написал и опубликовал 12 романов,

более 60 рассказов.

Является мастером спорта международного класса

по рыболовному спорту и 2-кратным чемпионом

мира по спиннингу.

В 70-е мой учитель в музыкальной школе перевелся в музыкальную школу в районе Арбата. После чего я уже 2–3 раза в неделю ездил туда, чтобы помузицировать на баяне. Тогда по Арбату ходили троллейбусы, а улица-то узкая, пробки, проще от метро «Смоленская» пешком дойти. Вот я и ходил – в вечернее время, в любую погоду. Но это было вынужденно. А вот параллельный старому Арбату Калининский проспект я посещал с огромным удовольствием и довольно-таки периодически.

Понятное дело, что кинотеатр «Октябрь», понятное дело – магазин «Мелодия», в котором я, отстояв не слишком-то длинную очередь, приобрел винил Давида Тухманова «По волне моей памяти». Сегодня это воспринимается как-то наивно, я и диск сто лет тому назад подарил другу. Сейчас диск пылится у него на даче, но тогда...

А на Калининском проспекте висел огромный экран, на котором вечерами показывали мультики. К примеру, «Ну, погоди!». Люди оставались на улице и смотрели, и я был в числе этих зрителей...

Главным же на Калининском для меня был «Московский дом книги»,

в котором находился отдел «Филателия». Я приезжал туда и покупал почтовые марки. Народ у прилавков толпился, но и я втискивался и приобретал марки. В основном по тематике, связанной с космосом. Но и не только. Нравилась мне почтовые марки. Да и сейчас нравятся, как и Калининский проспект. Который переименовали...

Пресня, которая Красная

Для меня Красная Пресня – не только район Москвы. Это Особенная часть столицы. Именно с большой буквы. Сравнить с чем-то другим не надо. Во всех прекрасных городах нашей страны есть замечательные места, а Красная Пресня – это завод «Рассвет», на котором я работал токарем. Он на улице Малая Грузинская, где неподалеку жил Владимир Семенович. Это Ваганьковское кладбище, на котором похоронили и Высоцкого, и Есенина, и Андрея Миронова, и Олега Даля, и... многих других замечательных, талантливых людей.

Красная Пресня – это Зоопарк и Планетарий! Красная Пресня – Дом кино на Васильевской и Тишинский рынок. А это отдельная песня. Это и парки с прудиками и памятниками. Это еще и высотка на Баррикадной, в которой снимали фильм «Москва слезам не верит». Но главное, что в той высотке был кафетерий, в котором помимо кофе с молоком продавали вкуснейшие пирожки с мясом ценой всего-то по десять копеек! И Белый дом, а сейчас еще и Москва-сити. Но я-то живу не просто на Красной Пресне, но еще и на Шелепихе, а Шелепиха – отдельная страна. Не от Москвы, но... отдельная... Александр Лазарев спел песню – «Шелепиха – мать Москвы»... Не знаю. Я-то здесь родился. Как мои родители и мои дети. Родина...

Перекус, достойный легенд

Мне уже доводилось писать, как можно было утолить голод в Москве в советские годы. Речь не про рестораны, которые не люблю из-за пафоса. Мы, инкассаторы, в дневной период просто заезжали куда-нибудь перекусить. Высотка на Баррикадной – с кафетерием, где кофе с молоком и пирожки с мясом, достойна легенд!

Однако поблизости была забегаловка под названием «Вареники». Но мы наслаждались там пельменями! Они были

наваристыми, вкусными, потому что варились в одном и том же бульоне. А к ним еще и сметанка, и горчишка, и уксус...

В том же районе, неподалеку от Тишинки, располагалось кафе «Момент». И там, помимо прочего, – заливное мясо! У меня до сих пор слюнки текут... Впрочем, иногда просто заезжали в овощной на Красной Пресне, чтобы попить томатного сока – по два стакана! Кстати, пельмени мы ели и на Кутузовском, напротив дома Брежнева. Их там почему-то готовили жареными. Но – нормально, вкусно. Правда, однажды там ко мне подошел серьезный человек и поинтересовался, мол, чего это у тебя ствол под рубашкой? Но у меня-то как у инкассатора документы в порядке. Отстал, служба...

Две сосиски-гриль, кусочек черного, кружка пива – всего-то 51 копейка. Это про «Закусочную» на Октябрьском поле. Бесподобной была «Блинная» на Соколе. Бифштекс, запеченный в тесте, с жареным яйцом! Цена – чуть более 60 копеек. Дайте мне это блюдо сейчас, дайте!

Но вершиной всему был, конечно же, «Зеленый мыс», что на бульваре Карбышева. Сложно перечислить все деликатесы, имеющиеся в меню, за не очень-то большие деньги. Но упомяну хотя бы два. Это ассорти мясное на сковороде, в которое входили... внимательно! – жареная картошечка с грибами, кусочек свинины, кусочек говядины и котлетка на маленькой сковородочке. Цена – чуть более рубля. А еще была «Похлебка русская». В глиняном горшочке – наваристый куриный суп с грибами.

Все, дальше не могу рассказывать, побежал пить томатный сок с хорошей порцией соли...

А я иду, шагаю по Москве

Рассказ о том, как причудливо проявляются в жизни человека, бегущего по своим делам в Москве, реальное и виртуальное, настоящее и прошлое, политика и поэт, и о чем он расскажет своим близким, если захочет поделиться увиденным.

Ну, расскажите мне: «Кто гуляет в рабочие дни по Москве? Приезжие? Пенсионеры?». Взгляните в лица людей, идущих по улице. Подавляющее большинство из них – это спешащие куда-то люди. Людской поток за пределами начала рабочего дня, замедляясь, не иссякает. Но и тогда редко можно увидеть праздную гуляющую фигуру. Конечно, перейдите с улиц на бульвары или в скверы Москвы – и все резко меняется. Спешность пропадает, уступая место мамочкам с колясками и беседующим на лавочках пожилым людям, дамам и гранд-дамам с собачками и без. Москва так многолика и многообразна, что порой перестаешь удивляться ее посланиям отдельным спешащим.

Алексей Колесник

родился в 1947 году на Курилах. Более 45 лет посвятил экологии и природопользованию – от инженерной экологии до сферы государственного управления природопользованием Российской Федерации. Работал в инженерных структурах Миннефтехимпрома СССР, преподавал в Казанском инженерно-строительном институте и РАНХиГС, был депутатом Верховного Совета ТАССР. Алексей Алексеевич является автором шестнадцати изобретений, массы научных работ. Имеет звание «Заслуженный деятель науки и техники Республики Татарстан», многочисленные благодарности. Награжден ведомственными наградами и почетными знаками министерств. И в настоящее время Алексей Алексеевич ведет активную экологическую деятельность. В «Московском долголетии» занимается генеалогией, посещает занятия йогой, прошел курс итальянского языка.

В кругу домашних забот

Прогулки – роскошь для пенсионера, у которого забот полон рот. Утром отправишь дитя в школу, проводишь супругу по делам – и разгребашь кучу мелких забот. Забираешь готовые очки из магазина оптики, забегаешь в аптеку со списком, в книжный магазин – надо купить «Мертвые души». По программе, куда же денешься. Не искать же в доме притаившийся где-то на многочисленных книжных полках томик Гоголя. К возвращению из школы сочиняется обед. И пошло, и поехало. Все время в спешке. Надо уложиться по времени, чтобы успеть встретить ребенка из школы. А дальше – новый круг домашних дел.

Притяжение мест силы

Но мы не сдаемся. Так нас научили жить. Мы и бегом по делам успеваем устроить себе прогулку... Прошлая была на встрече с местом литературной силы Антона Павловича Чехова. Разве вспомнишь, что назначаешь встречу где-то рядом? Подсознательно – и все. Открываешь глаза – и вот она, завораживающая картина этого красивого бордово-красного домика, как бы прислонившегося к своим более могучим братьям на Садовой-Кудринской улице. Знаменательное место, которое после назначенной и прошедшей встречи вновь обсмотрел как мог. Все удивительно. И память о прошлом, и неожиданное настоящее на вывеске о профсоюзе предпринимателей во дворе там же. Вот уж времена! А память гонит дальше. Здесь же задается направление на Музей военной формы исторического общества в Трубниковом переулке. Сразу же в памяти всплывает его послание. Забежал бы на часик-полтора. Давно и очень хочется узнать, что это за знак отличия на лейтенантской гимнастерке отца? Он постоянно привлекает к себе мое внимание, когда рассматриваю эту его довоенную фотографию. Время, время. Оно заставляет быть скрягой. Относим посещение музея в планы. Это как бы бегом и без волнений.

Взгляд на Бродского через «Оптику»

Но бывает и встряхивает. Встряхивает сильно и неожиданно. Отправляюсь по мелким своим делам на Новинский бульвар. Предвкушаю чашечку кофе у музея П.И. Чайковского. Однако по задачам бегом туда, а удовольствия – на обратном пути.

Разве мог предположить, что буквально споткнусь взглядом о скульптурную группу на этой стороне бульвара? Видел, пробегая. Не однажды. Видел и останавливался. Тоже не однажды. Но как-то так, с мыслями о текущем. Сегодня это оказалось неожиданным и каким-то очень задевающим. Настроение, что ли?

Но нет. Все в порядке. Бегу забирать свой заказ в оптику. Подобранные очки нравятся. Времени завал. Так почему же тогда этот тычок в память цепляет? Плита, а на ней, как видится, поэт, про которого писали и говорили, что он один в толпе и среди завистников. Но это же все – тоже вечное. Еще со времен Пушкина: «А у какого поэта было иначе?». К дару всегда есть придача в виде тех, кто воспринимает дар в других как личное оскорбление. Ну и что? Не пиши и сиди тихо. Не будет ни врагов, ни завистников. Вообще ничего не будет. Это как крайность.

Да, да. Все уже догадались. Это скульптурная композиция, стоящая на Новинском бульваре напротив торгового центра, который смотрит на фигуру Бродского. Главная фигура композиции, задрав лик к небесам, развернута в сторону посольства США. Нет. Она, композиция, не напротив посольства, как повторяется из сообщения в сообщении, сделанных в день открытия памятника. Для отношения к поэту, отношений с США это было бы совсем просто. Ближе к определению «напротив посольства» – это дом 18, строение 1 по Новинскому бульвару, который ни к Бродскому, ни к США не имеет отношения. В этом доме нужный мне магазинчик оптики.

Все это пронеслось в миг и меня насторожило. Фигура Бродского в этой композиции не просто плоская, как и все остальные. Еще раз делаю круг, поднимаюсь на плиту. Рассматриваю. Она полая. Пустая. Частью имеет объем, но в основном это барельеф без стены. Той самой стены, что задает обычно монументальность всему слепку барельефа. В таком изображении, с фасада всего монумента, это образ Бродского со всеми чертами его несносного характера. А стоит присмотреться, взглянуть иначе – и видишь, что толпе и всем завистникам он предстает как бы с изнанки и пустым. Не в этом ли причина враз испортившегося настроения и поразившая меня?

Памятник превратился в гротеск

Считавшийся, по крайней мере для меня, памятник как дань поэту вмиг превратился в гротеск, чуть ли не в карикатуру.

И все один к одному. И место, и вид, как в упрек, как в назидание. Хотели – получите. Смотрите и радуйтесь на приобретенного вами лауреата Нобелевской премии. Он как вы. Один человек – два образа. Наполненный и пустой. Казаться, а не быть. Осталось только решить – кому быть и чему казаться? Улетучивается поэтика, а в голову назойливо ввинчивается политика. Та самая, которая, даже созидавая, разрушает. Становится совсем не уютно. Спускаюсь с пьедестала, прерывая ход своих мыслей. Но память все толкает и толкает. Вспоминается Булат Окуджава все того же Франгуляна. На него смотрел одиннадцать лет, изо дня в день. Стоящий на высоком пьедестале, весь такой бронзово-беззащитный, но устремленный и с гитарой, ставшей оружием поэта в создании лучшего мира для всех, а не только для себя. И ни где-то там, а здесь.

Полегчало. Мне подумалось и почти произнеслось: «Мало ли что может померещиться бегущему по домашним делам пенсионеру на прогулке в удивительном городе Москве. Ведь это город, где политика и поэтика сражаются всегда, оставляя зримые следы на улицах и в жизнях».

Эстетический удар

После окончания Комсомольско-на-Амуре политехнического института меня как перспективного выпускника, защитившего диплом на исследовательскую тему, пригласили преподавать в альма-матер и направили на предшествующую поступлению в аспирантуру годичную стажировку в столицу нашей Родины.

По прибытии в Московский авиационно-технологический институт я приступил к исполнению обязанностей стажера: слушал лекции профессоров, в том числе сына авиаконструктора Туполева, усердно занимался переводами на русский язык статей из научно-технических журналов, проводил со студентами лабораторные работы, готовился к кандидатским экзаменам.

В награду – поездка в Москву

До стажировки я лишь однажды и совершенно неожиданно побывал в столице – в награду за победу во Все-союзном конкурсе сочинений школьников «Моя советская Родина». Тогда все было внове, будоражило. До сих пор вспоминаю первую ночь в гостинице «Юность». Проснулся рано (на Дальнем Востоке уже был день) от ожившего радиодинамика – диктор торжественно, под перезвон курантов, произнес:

Юрий Говердовский

родился в 1950 году. Почти полвека прожил на Дальнем Востоке. Окончил Комсомольский-на-Амуре политехнический институт. Работал в филиале ЦНИИ технологии судостроения, руководил проектом, связанным со строительством подводных лодок. Позже стал журналистом. Участвовал в освещении строительства крупных объектов, в том числе Байкало-Амурской магистрали. Член Союза журналистов и Союза писателей России. В проекте «Московское долголетие» организовал клуб «Литературный календарь» в Центре московского долголетия «Свиблово» (СВАО).

«Говорит Москва...». Спросонок, еще не очнувшись, вздохнул – где она, эта прекрасная, недостижимая Москва?! За горами, за долами, за тысячи верст от нашей дальневосточной таежной берлоги! Потом огляделся и, наконец, включился – боже мой, да я ж в этой самой Москве и нахожусь! Вон она – за окном!

В январские дни нас, победителей конкурса со всей страны, беспрерывно возили и водили на разные мероприятия и встречи: в Лужники с новогодней елкой, в Горки Ленинские, Мавзолей, Алмазный фонд, в Центральный Дом литераторов...

Автограф от «поэта-паразита»

У меня сохранилась записная книжка с автографами стремительно восходящего тогда «поэта-паразита» (его каламбур) – пародиста Александра Иванова, пианиста Алексея Скваронского. Есть в ней страничка с надписью – «А. Пахмутова, Н. Добронравов, на память о вечере в ЦДЛ». Когда давали свои автографы авторы популярных песен и Николай Николаевич спросил: «Вы откуда?», а я ответил: «Из Комсомольска-на-Амуре», брови поэта-песенника радостно взметнулись. Реакция понятная – сколько патриотических, комсомольских, молодежных песен создал этот дуэт, а здесь – посланец орденоносного «города юности»! А в нашем домашнем – гостиничном конференц-зале – мы запросто общались с Львом Кассилем, Анатолием Алексиным, Юрием Яковлевым и другими известными в стране писателями...

Вот билет на балет...

Теперь, приехав на стажировку, я вновь окунулся в культурную жизнь столицы – театры, музеи, выставки. Добираясь из общежития на Мичуринском проспекте до института и обратно, я не пропускал киосков, усеянных афишками. Часто мне везло, удавалось вырвать только что выброшенный в продажу недорогой билетик на интересный спектакль, оперу, балет.

В московских театрах нравилось все: особенно старинные и порой обветшалые интерьеры с портретными галереями актеров со времен Чехова и до наших дней, роскошный и просторный Дворец съездов, где шли спектакли Большого театра, а в буфетах всегда продавали пышные печеные блины с семгой, черной и красной икрой. При ценах того времени даже сторублевой стажерской стипендии хватало и на театры, и на блины.

Вождеденной мечтой было попасть на спектакли Большого театра. Моя мечта сбылась! Впечатления – неизгладимые! Случались моменты, когда хоть смеяся, хоть плачь. В опере «Князь Игорь» половецкий хан Гзак выехал из-за кулис верхом на живом белом коне! Зал оживился, мой сосед раскрыл программку и стал лихорадочно водить пальцем по страницам, бормоча:

– Князь Игорь... хан Кончак... Ерошка... Чага... Куман... Наездник... – и разочарованно вздохнул.

– Что, нет его? – сочувственно спросил я.

– Кого? – уставился на меня сосед.

– Коня.

– Представьте себе, нет, – еще раз разочарованно вздохнул сосед.

– Красавец! – причмокнул я и серьезно добавил: – Вполне достоин звания заслуженного, а то и народного.

Сосед прищурился, изучающе поглядел на меня и так же серьезно произнес:

– Я с вами полностью согласен...

В нагрузку к Баланчину – «Бешеные деньги»

В прошлом наш соотечественник, петербуржец Георгий Баланчивадзе (Джордж Баланчин), исколесивший Европу и основавший в 30-е годы американский балет, привез в Москву труппу «Нью-Йорк Сити балет». Очаровали поставленные им «Драгоценные камни» на музыку русских композиторов Стравинского и Чайковского. Каким-то чудом я попал на этот балет – в театральном киоске успел вырвать единственный билет на него, правда, с неизбежной нагрузкой, которая оказалась тоже хороша, – «Бешеные деньги» в театре Ермоловой. Помню, как я шагал от выхода из метро до Кремлевского Дворца съездов сквозь живой коридор – люди тянули руки, даже с денежными купюрами в пальцах, и с отчаянием вопрошали о лишнем билетике. Теперь «Драгоценности» Баланчина называют не иначе как шедевром. В качестве непосредственного очевидца подтверждаю это. По словам Стравинского, хореография Баланчина дает возможность «слышать музыку глазами». Удивительно точно сказано!

Поразила Светлана Коркошко в спектакле «Мария Стюарт» своей неистовой, запредельной страстью в роли королевы

шотландской. Я сидел во втором ряду партера и отчетливо различал каждую черточку на лицах актеров, выражение их глаз, даже едва уловимые вздохи. Малейшая фальшь не ускользнула бы от внимания. Коркошко играла потрясающе! Буквально жила на сцене. И вместе с ней, волшебным образом переместившись в другую эпоху, сопереживали мы – зрители...

Говорят: если гора не идет к Магомеду, то Магомед идет к горе... Так однажды и получилось. Это я к тому, что не только сам ходил по театрам, но и театр однажды пришел ко мне, точнее, к нам – в институт.

Физики и лирики

Накануне какого-то праздника молодые преподаватели и девушки – сотрудницы кафедры, на которой я проходил стажировку, решили устроить дружескую неформальную молодежную вечеринку. Пригласили поучаствовать и нас, стажеров. Буквально за считанные часы до мероприятия один из наших коллег принес приятную весть:

– К нам придут гости. Знаете кто? – он обвел нас победоносным взглядом, выдерживая интригующую паузу. – Актеры Таганки!

– А Высоцкий будет? – спросил кто-то.

Коллега беспомощно развел руками:

– У него сегодня спектакль...

Вечер в учебной аудитории пролетел, как чудное мгновение. Перед небольшим импровизированным залом с расставленными в беспорядке стульями актеры рассказывали о спектаклях и буднях театра, отвечали на наши вопросы, пели под гитару, импровизировали. Я люблю юмор, наверное, поэтому запомнил Семена Фараду, который до слез смешно изображал выступающего с отчетом председателя совхоза:

– В позапрошлом годе мы засеяли двести га конопля, и всю ее сожрала тля. В прошлом годе мы засеяли четыреста га конопля, и ее снова сожрала тля. В этом годе мы засеяли восемьсот га конопля, – здесь актер гневно выпучивал глаза и патетически восклицал: – Подавись, гадина!..

Дружеское общение продолжилось в режиме фуршета. Разошлись, когда дала о себе знать охрана института...

Майские праздники прошли для меня в минорном настроении – из военкомата пришла повестка, после Дня Победы

я уходил на действительную военную службу. Все сильнее мучила тоска предстоящего расставания с такой чудесной московской жизнью. На кафедре напутствовали, настаивали, чтобы я обязательно возвращался и поступал в аспирантуру. Мой руководитель искренне сожалел, что уйду в армию. Прощаясь, по-отечески приобнял:

– Если вам будет что-то нужно, не стесняйтесь, пишите. Чем смогу – помогу. Попадете служить поблизости, будете в увольнении – приезжайте в Москву и обязательно заходите на кафедру. Я буду рад вас видеть...

Увы, служить пришлось далеко от Москвы – на Урале. В столицу я вернулся только год спустя.

Стихи

Какие прекрасные дамы
Буквально на каждом шагу!
Сюжет водевиля иль драмы
В мгновенье готов на бегу.

Фантазия вихрем уносит
В очах затаившийся мир
И очень настойчиво просит
Вмешательства музы и лир.

Скорей бы до дому добраться!
Скорей бы бумагу, перо!
Все это, открою вам, братцы,
Я утром увидел в метро.

* * *

Мой старый двор...
Знакомых кленов лапы.
Угомонились птицы меж ветвей.
И в поздний час устало мамы, папы
Зовут домой любимых сыновей.

...Был страшный год.
Из дома парень вышел
В грохочущий июньский неуют.
Он, знаю, до сих пор оттуда слышит,
Как мать с отцом домой его зовут...

* * *

Все прошло. И дождь некрупный
По лицу скользит.
Не сверну во двор на Трубной,
Не куплю гвоздик.

Не приду на ту аллею,
Вглядываясь в даль.
Все прошло. Я не жалею.
Мне пока не жаль.

* * *

Городов каторжанин...
Мне так сладок их клич!
Нынче я – парижанин,
Завтра – снова москвич.

Полюбились мне Краков,
Несвиж в древней тиши,
Где отборнейших раков
Лидским пивом глушил.

Осень красила рыжим
И белила зима
От Москвы до Парижа
Переулки, дома.

Я – простой горожанин,
Словно в стенке кирпич.
Иногда – парижанин,
И навечно – москвич.

* * *

Час пришел – от новых впечатлений,
Признаюсь, уже слегка устал.
В прошлое с печалью, сожаленьем
Пристальнее вглядываться стал.

И теперь грущу все пуще, пуще,
Понимая раз и навсегда,
Что, по правде, было самым сущим,
Что ушло, как талая вода.

Я признаюсь вам без мелодрамы
(В этот раз уже не промолчу),
Что печалюсь вдалеке от мамы,
Что увидеть девушку хочу.

Нет, она мне вовсе не подруга,
Толком с ней мы как-то не сошлись,
Не сказали нежных слов друг другу,
Но теперь она мне – та же жизнь.

Вот и все.
В Москве, во сне притихшей,
На Мичуринском в ночи окно горит.
Я молчу, и так сказал с излишком.
Пусть одно лишь сердце говорит.

* * *

Возвращаются люди домой.
Разбежались, как веер, дороги.
Ковыляет неспешно хромой,
Энергично бежит крепконогий,

Бомж бутылку жестяной скоблит,
Предлагают поделки умельцы,
Словно сине-молочный болид,
Поезд мчит по струне монорельса,

Автопробка надсадно гудит,
Пес в кустах территорию метит..
Потеряв в облаках бигуди,
Небо всем одинаково светит –

Без учета грехов и наград,
Без подглядки – ты чист или в гриме.
И я этому искренне рад
В нашем странном и сказочном мире.

Прародитель

Он не сгинул в тленном прахе,
Он по-прежнему живой.
Он в кольчуге, он в рубахе,
Прародитель древний мой.

То за плугом он на пашне,
Там – за крепостной стеной,
То в дозоре он на башне
Охраняет край родной.

Что века?! И нынче жив он
И всегда придет домой.
Он и видит нас, и слышит
Прародитель древний мой.

Вот эта улица, вот этот дом...

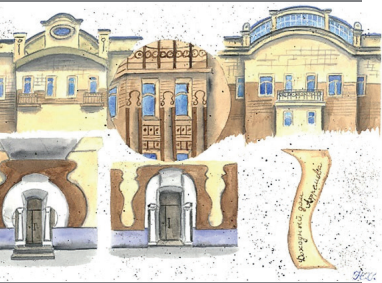
Вспоминаю чудесный фильм «По семейным обстоятельствам» с Евгением Евстигнеевым, Роланом Быковым, Галиной Польских, Евгением Стебловым, Владимиром Басовым и другими актерами. Образ логопеда из этого фильма, который не выговаривает половину букв алфавита, пошел в народ. Но я о другом. Там есть эпизод, где мама художника Изольда Тихоновна, в исполнении Евгении Ханаевой, советует новоиспеченной жене немолодого художника составить список старых улиц Москвы, которые скоро будут реконструированы и исчезнут навсегда. Для примера она приводит Домниковку, которую сын писал с «уходящей натуры» по ее совету. Действительно, этой улицы больше нет. Сначала она получила новое имя «Маши Порываевой», а затем от нее почти ничего не осталось после строительства проспекта Сахарова. Мне она интересна только потому, что она проходила через Садовую-Спасскую...

Да и сама Садовая-Спасская, которая находится между площадью Красных Ворот и Большой Спасской, сильно изменилась в результате реконструкции XX века, но для любопытствующих здесь есть на что посмотреть, есть о чем поговорить. Когда-то, в 1912 году, согласно «Путеводителю по Москве», доехать сюда можно было на трамвае

Ольга Нестерова

родилась в 1962 году в Москве. Почти сорок лет она проработала в школе учителем истории и обществознания, пройдя профессиональный путь от вожатой до учителя. Выйдя на пенсию, она пришла в проект «Московское долголетие», где занимается рисованием, гимнастикой и литературным творчеством. Ольга Николаевна увлекается генеалогией, много работает в архиве, собирает информацию о тех местах, откуда родом ее родители, и мечтает издать книгу. В своем произведении Ольга Николаевна предлагает нам совершить прогулку по Садовой-Спасской улице и иллюстрирует текст собственными рисунками.

№ 8, который шел от Тверской заставы до Ярославского вокзала. В 60-е годы XX века по площади еще ходили трамваи, и мы ездили на них в Сокольники.

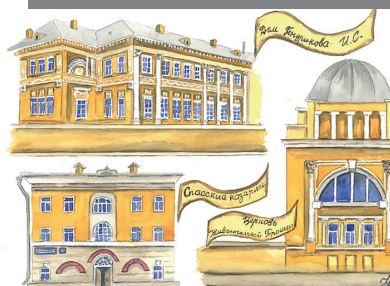
Улица, по московским меркам, небольшая, и путешествовать лучше начинать от выхода из метро «Красные ворота» со стороны высотки. При выходе вы сразу перед собой видите небольшой мемориальный сквер, заложенный еще в 1914 году, с памятником «того самого мужика в пиджаке» (архитектор И. Бродский, 1965 год), а на самом деле – в мундире Тенгинского полка – молодого М.Ю. Лермонтова. Дом Лермонтова (генерала Ф.Н. Толя), в котором родился поэт, стоял на месте высотного дома. Данная высотка была построена в 1949–1953 годах группой архитекторов – А. Душкиным, В. Мезенцевым, инженером В. Абрамовым. Центральная часть достигает 140 метров и имеет 24 этажа. С самого начала часть здания предназначалась под Министерство транспортного машиностроения, в 7-этажных боковых корпусах находятся жилые квартиры с помещением для прислуги. Вообще о высотках много разной информации. Повторяться не буду. Выйдя из метро, можете попасть на Новую Басманную и Каланчевскую улицы. Но мы двигаемся дальше по Садовому кольцу.

За Красноворотским проездом стоит большой доходный дом (№ 19) в стиле модерн, построенный по заказу винного короля Ф.И. Афремова архитектором О.О. Шишковским в 1904–1905 годах. Не дом Нирнзее в Большом Гнездиновском переулке, а именно этот стал первым высотным зданием Москвы. На крыше «тучереза» находилась смотровая площадка. Вспоминают, что первое время москвичи боялись не то что проходить мимо этого дома, но даже проезжать мимо на трамвае. Многие

спорили о том, удастся ли владельцу сдать все 160 квартир. В 8-этажном доме в каждом ряду по 40 окон. Как и положено по стилю, центральная часть имеет красивую волнообразную форму, в оформлении использованы разные материалы. Двери с криволинейными филенками (форма украшения) и витражные окна считаются фирменным стилем Осипа Осиповича. Константин Станиславский вспоминал, что появление высоты вызвало радость у Антона Чехова. Он рассказывал своим гостям, что в строительстве есть «предвестия будущей русской и всечеловеческой культуры, не только духовной, но даже и внешней». В доме жили в свое время многие известные люди, в 30-е годы здесь работала группа ГИРД во главе с Ф.А. Цандером и С.П. Королевым, которые занимались созданием ракетных двигателей.

Прошло совсем немного времени, и купцы Орлики стали строить рядом новый дом (№ 17) и потребовали от архитектора И.И. Флоренского, чтобы он был выше соседского (1915 год). И он действительно стал выше... на 2 метра. Теперь и переулок перед домом носит одноименное название.

Одним из украшений улицы стало здание Наркомзема (дом № 11) 1928–1933 годов архитектора А. Щусева. Трудно представить, что это замечательное конструктивистское здание строил тот же самый архитектор, что и Мавзолей В.И. Ленина. Одними из типичных черт стиля являются длинные застекленные поверхности, пересекаемые сплошными горизонтальными лентами. Закругленная поверхность здания – одно из самых впечатляющих украшений строения. В Министерстве до сих пор работают лифты-патерностеры, то есть непрерывного действия.

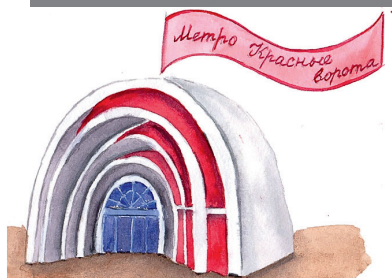
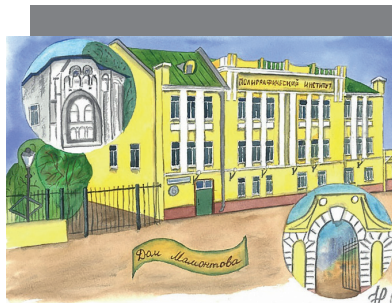
Перейдем проспект Сахарова (бывший Новокировский). Здесь находилась и часть той самой Домниковской улицы. В 1970 году на месте казарменных конюшен архитектор Н. Чернявский построил два 14-этажных бескаркасных крупнопанельных дома гостиничного типа, а между ними – двухэтажное здание магазина (дома № 3). Я сюда часто приезжала в Дом Военной книги, в котором всегда можно было найти что-нибудь интересное. А еще в магазине был классный кафетерий со свежими эклерами. Полезное с приятным.

Прежде чем начнем гулять по четной стороне улицы, поговорим о Большой Садовой. Здесь находилась Слободская церковь Спаса Преображения, благодаря которой улица и получила свое название. Сохранились воспоминания И. Кондратьева в книге «Седая старина Москвы» о храме конца XIX века: «В последнее время церковь реставрирована, и при ней на средства фабриканта Фомичева построена новая прекрасная колокольня и повешены благозвучные колокола». Но полностью храм не исчез в 30-е годы XX века. Около дома № 15 по Большой Садовой, где стояла церковь, сохранился дом притча и ворота, а красивая ограда перенесена к храму Петра и Павла на Новую Басманную.

А на Садовой-Спасской опять забор. И опять чье-то ведомство (дом № 2). Это особняк В.С. Казаковой, свадебный подарок чаеоторговца С.В. Перлова своей дочери (это ему принадлежит домик «Китайская пагода» на Мясницкой). А.А. Остроградский и А.О. Гунст использовали систему параллелепипедов и кубических объемов как основу архитектурного замысла строения. Одним из украшений особняка являются стилизованные под лебедей кронштейны под крышей, их хорошо видно с улицы. По мнению профессионалов, особняк Варвары Сергеевны – один из последних образцов модерна в Москве (1908 год). Говорят, отлично сохранился внутренний интерьер, но подтверждения этому нет, внутрь никого не пускают, что сегодня становится не очень понятно, когда открывают для зрителей, хотя бы несколько раз в год, многие памятники в Москве. Слухи о прежних жильцах ходят разные. Один из самых фантастических – здесь проживал народный комиссар внутренних дел Николай Ежов.

Но еще более интересна история следующего здания, на котором крупными буквами написано «Полиграфический институт» (дом № 6). Не поверите, но в его основе лежит особняк Саввы Ивановича Мамонтова, известного покровителя искусств и мецената, создавшего первую частную оперу в России. Дом был подарен в 60-е годы XIX века отцом Саввы на свадьбу сыну. Многие

в доме перестраивалось, постепенно становясь настоящим семейным гнездом и культурным клубом. Не хватило бы места на фасаде особняка для мемориальных досок тем людям, которые здесь бывали: И.Е. Репин, В.М. Васнецов, В.Д. Polenov, В.А. Серов, К.А. Коровин, Ф.И. Шаляпин и многие другие. В 1899 году имущество Мамонтова было описано, а сам он пережил разорение и одиночество. Многие из тех, кому он помогал начать карьеру и стать известными, покинули его. Дом и необыкновенная коллекция пущены с молотка за бесценок. Сначала его купил некий Ф.Н. Кудряшов, который затем перепродал дом М.А. Страховой. Архитектор А.Н. Зелингсон, по заказу последней, почти уничтожил первоначальное строение и построил учебное здание. В нем стала работать частная гимназия. Год обучения в младших классах стоил 170 рублей, в старших – 270 рублей, это было немало. Здесь учились, например, актер Малого театра Анатолий Петрович Кторов, конструктор Александр Сергеевич Яковлев. Особенную известность гимназия приобрела в 1916 году, когда в одно из ее помещений переехал Московский шахматный кружок. В честь новоселья 13 сентября 1916 года знаменитый гроссмейстер А.А. Алехин дал сеанс одновременной игры на 37 досках. Впоследствии кружок собирался дважды в неделю – по понедельникам и пятницам, с восьми вечера до часу ночи. После революции какое-то время дом использовали как школу, потом передали Полиграфическому институту. Как-то я специально записалась на занятие сюда, чтобы попасть внутрь. Одно разочарование – казенное учреждение. Но... Если вы снова выйдете за ворота, пройдете по улице и повернете за угол, то увидите

небольшое здание в русско-византийском стиле. Это флигель, построенный Мамонтовым по эскизам Врубеля и специально для Врубеля, в котором он жил и работал. Внутри сохранились отдельные детали интерьера. Возможно, когда-нибудь мы их увидим. Всего несколько лет назад флигель занимал детский сад. Сегодня он на реставрации.

Далее по улице идет школа № 53 (дом № 8), построенная в 1936 году, с углубленным изучением немецкого языка. Мой брат Саша и сестра Наташа посещали ее. Я тоже бывала здесь в раннем детстве. Когда меня не с кем было оставить дома, сестра брала с собой. Я тихо сидела где-нибудь на задней парте. Чем была занята, не помню, но скучно мне не было. Свою маленькую племянницу Ирину по той же причине тоже брала с собой уже в свою школу. И знаете что, дорогие товарищи, трудно представить, что это возможно в современной столичной школе сегодня. И еще несколько слов о школе. Ее архитектором был тот самый А.Н. Душкин, который 15 лет спустя построит на другой стороне улицы высотку к юбилею Москвы. Проект школьного здания, скорее всего, был просто одним из первых его московских заданий после переезда с Украины на работу в 3-ю мастерскую Моссовета. А как еще объяснить, что автор очень многих престижных проектов, таких как станции метро «Сокол», «Маяковская», «Кропоткинская», «Аэропорт», здание «Детского мира» на Лубянке, железнодорожный вокзал в Днепропетровске и многих других, лауреат трех Сталинских премий, занимался столь простым проектом. В последние годы школа, как и другие московские школы, с кем-то как-то объединилась и стала № 1284.

Завершает улицу арочный вход станции метро «Красные ворота» архитектора В.А. Ладовского (1935 год). Если вы не спешите, то зайдете в сквер, разбитый перед южным вестибюлем метро. Здесь поставили памятные знаки на месте Церкви Трех Святителей в Огородниках, снесенной вместе с Красными воротами в 30-е годы.

А если пройдете чуть дальше в Хоромный тупик, то подойдете к дому Авдотьи Петровны Елагиной, у которой в 1820–1840 годах собирався самый известный в столице литературный салон. Его посещали А.П. Чаадаев, Н.П. Огарев, Е.А. Баратынский, А.С. Хомяков, В.А. Жуковский, К.Д. Кавелин и другие. Известные славянофилы Иван и Петр Киреевские – ее сыновья от первого брака. Читали в салоне и первые стихи юного Лермонтова. Дом А.П. Елагиной имеет статус объекта культурного наследия федерального значения.

У Рогожской заставы

Все мы видим, как за последнее время в лучшую сторону изменилась и продолжает меняться Москва, как она хорошеет, становится все более комфортной для жизни. Столица приобрела новые территории, на месте пустырей и бывших промышленных зон один за другим вырастают современные жилые кварталы. Многоэтажные дома передового дизайна бликуют огромными окнами в пол, покоряют открытой планировкой. Жизнь не стоит на месте.

Душевная, уютная, колоритная

А я с большой нежностью и любовью вспоминаю Москву моего детства и юности, когда она еще не была мегаполисом, душевную, уютную, с неповторимым колоритом. Родилась я в Москве в тот год, когда моя семья переехала из деревянного дома с собственным вишневым садом на Рогожском Валу в пятиэтажную «хрущевку» на Рабочую улицу (в прошлом – Коломенка), что недалеко от площади Ильича в Ждановском районе. Впоследствии, в 1989 году, Ждановский район был переименован обратно в Таганский, а в 1994 году площади Ильича возвращено историческое название – площадь Рогожская Застава.

Елена Котова

родилась в 1963 году. До выхода на пенсию работала ведущим инженером в ЦНТИБ филиала ОАО «РЖД». В «Московском долголетии» занимается в литературной мастерской «Живые строчки».

Мои самые ранние воспоминания, несомненно, – это двор с густо заросшими палисадниками, с лавочками у подъездов, разного вида качелями, песочницей. Рядом с большой круглой беседкой находилась клумба с цветами, которая зимой превращалась в ледяную горку. Вся детская жизнь проходила в играх с друзьями в этих дворах между пятиэтажками.

Наш дом стоял поблизости от железнодорожной станции Москва-Товарная. Можно сказать, что я росла под перестук колес составов, под звуковые сигналы электричек и свистки локомотивов, хотя мой слух этого совсем не замечал. Вблизи платформы располагались деревянные магазинчики: галантерея, булочная, где мне покупали вкусные ржаные лепешки. Почему-то именно они привлекали меня больше других аппетитных изделий, лежавших на открытых стеллажах, застеленных пергаментной бумагой.

«Серый», «Птичка» и «Детский мир»

Вскоре стал меняться вид района в целом. Уходили в прошлое деревянные дома и магазины, окрестность застраивалась панельными и кирпичными пятиэтажками с редкими вкраплениями многоэтажных домов. Память одну за другой перелистывает странички жизни... Вот я маленькая уже самостоятельно иду в детский сад, находившийся на той же Рабочей улице, где ребятам зимой давали столовую ложку рыбьего жира, а летом закаляли, обмывая ноги прохладной водой. Невзрачное двухэтажное здание за невысоким забором сохранилось до сих пор. Оно неизменно притягивает мой взгляд, напоминает о беззаботном детстве, и от этого становится тепло на душе.

А вот мне уже дозволено ходить с подружками на площадь за мороженым. Киоски с этим лакомством и газированной водой с сиропом находились подле большого, как нам тогда казалось, трехэтажного универмага, который снабжал местное население всем необходимым. Он был построен в 1928 году по проекту архитектора Владимира Владимировича и носил название Рогожско-Симоновский, в народе – «Серый». Здание являлось интересным образцом архитектуры конструктивизма, однако было безжалостно уничтожено в 1987 году, к явному огорчению местных жителей.

Как не вспомнить про старый птичий рынок – «Птичка», так его называла вся Москва. Минут пятнадцать ходу от родного

дома и оказываешься на Большой Калитниковской улице среди шума людских голосов, лая, мяукания, птичьего гомона. Здесь было интересно просто побродить между рядов, посмотреть на живность. Ни зной, ни стужа не могли испугать посетителей самого известного зоорынка в стране. Мой папа – заядлый рыбак, и к тому же у нас в квартире был аквариум с разными рыбками и водными растениями, конечно же, маршрут до такого притягательного места я выучила чуть ли не с пеленок.

В Москве моего раннего детства до всего можно было добраться пешком или на наземном транспорте. На одном из троллейбусов, делающих остановку на площади Ильича, мы с мамой доезжали до площади Дзержинского (ныне – Лубянская), и я с нетерпением и предвкушением праздника торопилась попасть в главный детский магазин страны – «Детский мир». Как магнитом меня тянуло к большому деревянному сказочному терему и к ладье, на которой жил доктор Айболит и прыгали по мачтам смешные обезьянки. Каждый час настенные деревянные часы-избушка, в центре которых было изображено солнце, показывали представление: открывались створки с кукушкой, а по бокам выезжали и танцевали фигурки куколок.

От разнообразия игрушек на первом этаже разбегались глаза, а на прилавках можно было найти продукцию почти всех производителей детских товаров в СССР. Взрослые и дети со всей страны стремились приехать в центральный магазин за покупками, прокатиться на эскалаторах, посмотреть на оформление и поесть необыкновенно вкусное мороженое, за которым выстраивались длинные очереди.

От Москвы две версты

В первый класс я пошла в школу, находившуюся на соседней Международной улице (в прошлом – Носовиха). В памяти остались огромные кусты сирени вдоль всего здания под окнами первого этажа, небольшой фруктовый сад, грядки с нехитрыми посадками овощей. Ученики ухаживали за деревьями, пропалывали сорняки, здесь же иногда проводились уроки природоведения.

Каждый новый учебный год открывала торжественная линейка у памятника В.И. Ленину, стоящему в сквере на площади. Я заранее учила стихотворение к этому событию и с волнением читала перед всей школой и гостями, собравшимися на праздник в этот первый сентябрьский день. Много изменилось с тех пор. Однако реликвия советского времени – бронзовый на гранитном постаменте памятник Владимиру Ленину, возведенный в 1967 году, и сейчас стоит на своем месте, оживляя воспоминания о той поре. Там же, в сквере, установлен настоящий артефакт – один из сохранившихся в Москве верстовых столбов, установленный в 1783 году, с надписью «От Москвы две версты».

Неспешно текли школьные годы, мы учились, занимались в кружках, посещали театры, музеи, выставки столицы. С улыбкой вспоминаю экскурсию в цех по изготовлению мороженого, это был настоящий праздник. Наш класс побывал на всех производственных линиях. Мы видели, как получают изумительно вкусные розочки для стаканчика за девятнадцать копеек, наелись шоколада, вафель, устали и были счастливы.

Атмосфера ушедшего времени

От площади Ильича до ближайшей станции метро «Таганская», расположенной на старейшей площади Москвы, можно было добраться за пять минут на троллейбусе или пройти двадцать минут пешком. Конечный отрезок пути пролегал по Большой Коммунистической улице (ныне – улица Александра Солженицына), которая является одной из немногих улиц Москвы, в целом сохранивших застройку XVIII–XIX веков. Мне нравилось не спеша гулять по этой улице, любоваться старинными двухэтажными усадьбами, утопавшими в зелени деревьев, наслаждаться атмосферой давно ушедшего времени.

В самом центре Таганской площади находился небольшой уютный сквер с лавочками для отдыха. В дни праздников прямо за ним стояли пусковые установки для салюта. Мы компанией друзей прибегали туда заранее, чтобы занять места поближе к пушкам. Во время выстрелов закрывали ладонями уши, кричали и всеми возможными способами выражали восторг от яркого представления.

Я выросла, школьные годы подходили к концу. Москва все шире раскрывала мне свои объятия, дарила новые яркие впечатления, мы продолжали с ней знакомиться. Центральный парк культуры и отдыха, ВДНХ, улица Горького (ныне – Тверская), сквер около Университета со смотровой площадкой, Чистые пруды – эти места становились привычными для прогулок по Москве.

Бывало, мы с друзьями могли пешком от Таганки по знаменитым набережным Москвы-реки дойти до исторического центра столицы – Красной площади. Легкой походкой юности мы шли по этим уникальным местам, восторгались достопримечательностями, мечтали.

Знаменитая высотка на Котельнической набережной завораживала своей красотой и монументальностью. На Москворецкой набережной взгляд привлекала гостиница «Россия», кинотеатр «Зарядье», чуть дальше открывался живописный вид на Московский Кремль, Храм Василия Блаженного. Мы гуляли по Красной площади, слушали чистый звук кремлевских курантов на Спасской башне, нам открывалась величественная красота родного города, его мощь, приходило ощущение исторической связи поколений.

Мы верили, что впереди нас ждет время, полное побед и сбывшихся желаний. Пролетели школьные годы, начинались восьмидесятые. Впереди открывалась дорога во взрослую самостоятельную жизнь, в которой Москва начнет проверять меня на прочность. Но это совсем другая история.

Сиреневые МГНОВЕНЬЯ ВЕСНЫ

Наталья Швец

родилась в Москве в 1960 году. До выхода на пенсию работала заместителем главного редактора окружной газеты «Сокольники и весь Восточный округ». В «Московском долголетии» руководит литературной мастерской «Живые строчки». Автор книг «Агафья – хранительница тайных врат», «Шуша и три кота», «Марсианкины хроники», «Цветочная история», «Платок княжны».

На востоке столицы, кроме целых шестнадцати Парковых улиц, есть Сиреневый бульвар и Сиреневый сад. Это чудесное место появилось на карте Москвы благодаря селекционеру-самоучке Леониду Алексеевичу Колесникову. Это он оставил после себя прекрасный сад с выведенными им красивейшими сортами сирени. Время, когда расцветает сирень – самые яркие, благоухающие мгновенья весны.

Колесников вывел более 300 сортов сирени. Для сравнения: старейшая французская фирма Виктора Лемуана, имея профессиональных селекционеров, сотни садовников и рабочих, гектары земли и хорошее финансирование, за 100 лет вывела 214 сортов сирени.

Сирень Колесникова украшает Букингемский дворец в Лондоне, здание Конгресса США в Вашингтоне и самые известные ботанические сады мира... А вот на родине сирени Колесникова почти нет. К сожалению, к сегодняшнему дню осталось лишь около полусотни сортов, да и те собирают, как говорится, по веточкам.

Мне трудно сказать, почему так получилось. Недавно услышала мнение, что причиной тому стала обычная человеческая зависть. Селекционеры и садоводы

с образованием никак не могли простить Колесникову, что у него дело шло куда лучше. А когда в 1952 году Леонид Алексеевич был удостоен Сталинской премии, и вовсе захлебнулись злобой... Делали все, чтобы уничтожить его труд.

«Красавица Москвы» – лучшая сирень в мире

Большую часть своей жизни Леонид Колесников, ветеран Первой мировой, Финской и Великой Отечественной войн, работал шофером, а селекцией занимался в свободное время на участке у своего дома, расположенного в нынешнем московском районе Сокол. Многие из выведенных сортов называл именами героев Великой Отечественной войны – маршала Жукова, маршала Василевского (остальные сорта из «маршальской» серии утрачены), Алексея Маресьева, Полины Осипенко, Марины Расковой, Николая Гастелло...

В 1947 году, к 800-летию столицы, он создал сорт «Красавица Москвы», который по сей день считается одним из лучших в мире. Невероятно роскошные соцветия! Цветки махровые, розовато-белые с чуть проступающим лиловым налетом, к концу цветения – белые, крупные – диаметром до 2,5 см, и очень ароматные. «Красавица Москвы» была отмечена наградой Международного союза сиреневодов «Золотая ветка сирени».

Конечно, его успехам завидовали. Самым любимым занятием у недоброжелателей было сообщать анонимно в милицию, что Колесников спекулирует сиренью. Ему даже приходилось брать расписки о том, что не продает, а дарит свои саженцы. В 1964 году

разрастающаяся Москва вплотную подошла к его дому и сиреневому саду. И его чудесный сад, в котором работали академик Петр Анохин и скульптор Вера Мухина, где с сиренью фотографировался Юрий Гагарин, решено было уничтожить.

Хотя и с оговоркой: все кусты предложили пересадить в питомник, место под который выделили в селе Калошино – сегодня это часть района Гольяново. Селекционеру дали неделю на все про все. Сирени собрал на шесть грузовиков, но до будущего Щелковского шоссе доехал только один...

Борьба за питомник

Все деньги, полученные за Сталинскую премию, Леонид Колесников отдал на обустройство питомника. Сам привозил тележками землю, сам все копал и высаживал. Но радоваться ему пришлось недолго. Вскоре знаменитого на весь мир селекционера попросили уйти на пенсию, а питомник снова перенесли.

На этот раз сад переехал на противоположную сторону Щелковского шоссе (сегодня это район Северное Измайлово), но с нарушениями, из-за чего много сортов было утеряно. К счастью, Колесникову удалось уговорить власти высадить сирень вдоль бульвара. В итоге благодаря его подвижничеству на карте столицы появился Сиреневый бульвар, а после и Сиреневый сад.

В 1968 году Леонида Алексеевича не стало. Его сердце не выдержало постоянной борьбы. Через семь лет после его смерти территорию сиреневого питомника объявили городским парком. Стоит ли говорить, что ветки цветущей сирени нещадно ломали, в самом парке жарили шашлыки, и его общее состояние постепенно ухудшалось...

Глас народа был услышан

И тут в чью-то «светлую» голову пришла «гениальная» идея построить на территории Сиреневого сада три многоэтажки, куда должны были переселить жителей, чьи дома попали под программу «волнового» строительства.

Что тут началось! Подписи под петициями собирали всем миром. Под некоторыми обращениями стояло до двух с половиной тысяч автографов. Дошло до того, что активисты пригрозили перекрыть Щелковское шоссе... Противостояние с властью

длилось несколько лет. Главный аргумент защитников звучал просто, но весомо: Сиреневый сад является объектом культурного наследия, следовательно, охраняется государством. Глас народа был услышан: строительство отменили.

Возрождение сада

Муниципальные депутаты во главе с тогдашним главой муниципального округа Северное Измайлово Дмитрием Дятленко добились, чтобы сад внесли в программу благоустройства. Интересных задумок было много: от высадки саженцев до открытия музея памяти Колесникова. Как и следовало ожидать, дело сильно затянулось.

Лишь с приходом нового мэра Сергея Собянина удалось реализовать задуманное в полной мере. Реконструкцию приурочили к 60-летию Колесниковского питомника.

Проект благоустройства Сиреневого сада подготовило британское архитектурное бюро LDA Design вместе с российским бюро Alphabet City. В его рамках было предложено разделить сад на две части: собственно парк и ботанический сад, где предполагалось посадить молодую сирень, разбить цветники из многолетников, устроить питомник для выращивания саженцев.

Как обещали, так и сделали. В общей сложности здесь высадили 126 новых саженцев. В итоге в коллекции Сиреневого сада сейчас 19 сортов. Из них 18 получены еще Леонидом Алексеевичем лично, а последний – «Память о Колесникове» создан из наследия его питомника.

А в календаре районных праздников появился еще один – «Ветка сирени». В его рамках проходят концерты и конкурсы. Например, конкурс детских рисунков, за победу в котором полагаются призы. Так что сад живет и развивается. И за это стоит благодарить селекционера-самоучку Леонида Колесникова...

Подари себе праздник

Илона Комарова родилась в 1962 году в Москве. По профессии она – музыкальный руководитель. Работала в детском саду, затем вела театральные студии, готовила детские передачи на телевидении и сама участвовала в театральных постановках любительского театра. Затем поменяла сферу деятельности и стала администратором базы данных. В «Московском долголетии» с 2023 года, область ее интересов – актерское мастерство.

Решила устроить себе подарок на день рождения. Родилась я в Москве, сейчас живу в Тушино, прекрасный район, но давно хотела пожить в центре, хоть недельку. Чтобы вышел из дома – и сразу старинные особняки, запутанные переулки... Сначала думала остановиться в отеле, потом решила снять квартиру: в отеле чувствуешь себя гостем, а в квартире уже местным жителем! Нашла в Козицком переулке, рядом с Елисеевским магазином. Заселилась сегодня. Симпатичный дом напротив, мой пострашнее, но я из своего окна смотрю на красоту, а они на мой страшенький, неизвестно, кому повезло больше.

Во власти московского волшебства

Пошла гулять, погода пасмурная. Сперва странное ощущение было: и зачем мне все это, когда в любой момент сюда можно приехать и погулять. Но пока бродила, настал вечер, а с ним и то самое московское волшебство.

Кстати, Елисеевский закрыт. Кто-то уверял меня, что там сейчас «Вареничная», но нет, ремонт – дверь на цепи, внутри тряпки строительные, так что

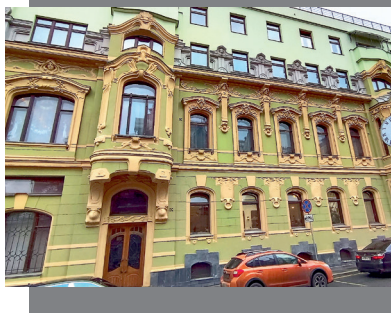
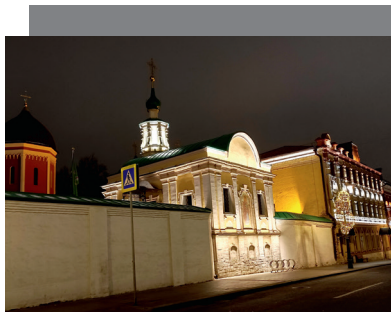
есть надежда, что все-таки он когда-нибудь вернется.

Утром встаешь, выходишь на балкон, а там с одной стороны вид на театр Станиславского и Немировича-Данченко, а с другой – на Тверскую и дом с красивыми башенками. Я просто влюбилась в эти башенки! Узнала, что в этом доме жил Григорий Горин – его и Шварца считаю величайшими драматургами XX века и очень благодарна Марку Захарову за то, что так прекрасно воплотил их пьесы в кинематографе. Горин на барельефе, правда, немного странный.

Прогулки по переулкам

Прогулялась по Гнездниковским переулкам. Вроде недалеко от моего нового дома, но полчаса еле хватило на дорогу из-за того, что на Тверской переходы в километрах друг от друга. Но ничего, зато зарядка! Приятные переулочки, кариатиды на дореволюционном отеле обновили – красиво! Когда учебный театр ГИТИС фотографировала, в кадр попал веселый дедушка и предложил: а давайте я вам на фоне театра «ласточку» сделаю, а вы сфотографируете, чтобы креативное фото было! Я сначала опешила, потом согласилась: «А давайте!». Но тут уж он на попятный, мол, я пошутил... и отказался. А жаль, классная фотка бы вышла!

Позавтракала в кафе, обстановка милая, старички о науке беседуют, с интересом послушала, а потом прошлась по Малой Дмитровке. Переулки рядом с ней подкинули загадок: в одном обнаружила дом с портретом Марка Захарова, в другом – мастерскую какого-то скульптора. Едой в итоге закупились в церковной лавке.

Гуляла по Большой Дмитровке. Столько всего интересного! Если с улицы свернуть в переулок, из переулка в закоулок, а оттуда в тупичок – можно найти настоящую жемчужину: старинные палаты XVII века. Стоят себе рядом с какими-то мусорками, красоты неопишуемой. Неожиданно нашла нормальный продуктовый магазин. Ура! Как мало, оказывается, человеку нужно для счастья! Прошла в соседний Петровский переулок, а там и театр Наций, и очень красивые и разные – на любой вкус – дома.

Этот день наступил...

Вот и наступил мой день рождения. Получила много поздравлений от родных и друзей и даже на почту письмо с поздравлениями от самого Собянина – приятно! Искала, где бы отметить, и обнаружила рядом целую кафешную подворотню. Когда-то она была грязная и облезлая, а сейчас очень тусовочное место, кафешки и ресторанчики красиво оформлены – ходи и выбирай. Зашла наугад в trattoria и не прогадала. Впервые попробовала «бычьи щечки» – безумно вкусно! Конечно, каждый день не находишься, но я ж гуляю! Прогулялась к Высоко-Петровскому монастырю. Пока шла, стемнело, и город наполнился изумительным волшебным светом, а сам монастырь выглядел просто сказочно. А вечером под моим окном кино с каскадерами снимали. Прекрасное завершение праздничного дня!

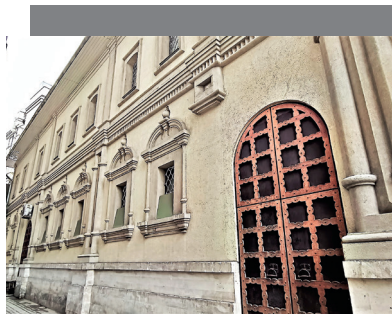
Поменять картинку, ритм и мысли

Я прожила в центре неделю. И вот последний день. Хочу подвести итог моей

поездки из Москвы в Москву. Стоило оно того? Конечно, стоило! Было ощущение, что я не в своем городе, а уехала куда-то очень далеко. Поменялась картинка, поменялся ритм, поменялись мысли.

Я много ходила по городу. Это как на экскурсии, когда просто идешь по улице, осматривая дома вокруг. Я подходила, разглядывала детали, залезала во все переулки, подворотни, а если удавалось – в подъезды. Иногда два часа гуляла по малюсенькому кусочку города – сто на сто метров, но в этом кусочке находила столько необычного и интересного, сколько не находила раньше за целый день обычных прогулок. И я поняла, что только так и надо гулять по Москве: не скакать от одной достопримечательности к другой, не бежать, а войти в какой-нибудь переулок, самый маленький, даже не имеющий названия на карте, и очень медленно, не думая о времени, побродить там, как будто ты здесь живешь, будто это твои родные места, твой двор – и тогда город откроется тебе и покажет то, что еще никто никогда не видел.

А в этом пресненском дворе легко стих пушкинский слагался...

Елена Ткачевская

кандидат химических наук, доцент. Родилась в 1958 году в Московской области. Елена окончила московский Институт тонких химических технологий имени М.В. Ломоносова и продолжила заниматься наукой в родном институте, пройдя путь длиной в 38 лет от студентки до доцента. Писать стихи Елена начала в детстве. В «Московском долголетию» Елена занимается скандинавской ходьбой и гимнастикой. А в «Серебряном университете» занимается литературным мастерством. Литература является важной частью жизни Елены Петровны уже более 10 лет, сегодня она – заместитель руководителя литературного объединения Центрального дома ученых.

Судьба порой складывается совершенно удивительно... Ну разве могла я предполагать, что дом мой будет во дворе, который часто посещал Пушкин!

С той поры почти ничего не сохранилось, а густые заросли деревьев и остатки фундамента – мы всегда об этом знали – это все, что осталось от усадьбы Ушаковых на Средней Пресне, от той самой усадьбы, где бывал Александр Сергеевич, очарованный сестрами Ушаковыми. Внутри зеленого двора расположились отгороженные заборами детский сад и спортивная площадка. Все это я наблюдаю, стоя у окна, попивая утренний кофе. А Пушкин смотрел на этот усадебный двор «в те дни, как Пресненское поле еще забор не заграждал».

Сохранились документальные свидетельства о жизни семейства Ушаковых на Пресне, общение Пушкина с которыми было столь интересным и душевным. Ушаковы перебрались в Москву из своей среднего достатка помещицкой

усадьбы Калязинского уезда Тверской губернии, поскольку глава семейства, Николай Васильевич, получил чин коллежского, а затем и статского советника, стал служить в Комиссии, созданной для отстройки Москвы после пожара 1812 года. Для большой семьи – у них было три сына и две дочери – в 1820 году приобрели двухэтажный дом с садом и хозяйственными постройками на Средней Пресне, за Пресненскими прудами. Эти живописные места считались достаточно удаленными от центра города, сюда приезжали для прогулок, полюбоваться панорамными видами на закате, побродить вдоль берегов в тиши вековых деревьев. Хотя сейчас трудно согласиться с этой удаленностью, ведь до Никитских ворот можно пешком дойти за 15–20 минут, а до Кремля – минут за сорок.

Гостеприимный дом Ушаковых славился музыкальными салонами, литературными вечерами, библиотекой нот и книг, в их числе – два списка «Горя от ума», 1825 и 1826 годов, когда эта комедия А.С. Грибоедова была запрещена. В компании литераторов, Петра Андреевича Вяземского и Василия Львовича Пушкина, Александр Сергеевич, по возвращении из михайловской ссылки, стал регулярно посещать Ушаковых с зимы 1826–1827 годов. Талант его ни у кого не вызывал сомнений, дружеское участие, восторги и обожание встречали поэта. Для пушкинского окружения вскоре стало очевидным, что и в доме Ушаковых, и на многочисленных московских балах Александр Сергеевич искал общения с Екатериной Николаевной, старшей из двух дочерей, семнадцатилетней образованной голубоглазой красавицей. Но их отношения влюбленности остались

дружескими. Екатерина Ушакова вышла замуж уже после гибели Пушкина, и, к великому сожалению, ревнивый муж уничтожил почти все хранившиеся у нее рукописи поэта.

Двухэтажный дом Ушаковых, с нижним каменным этажом и верхним деревянным, дожил до 1960-х годов, но этот уникальный памятник пушкинской Москвы был снесен в период активной застройки Пресни, сейчас на его месте пятиэтажный жилой дом. Сохранился только тенистый живописный двор, в котором несколько старых деревьев, оплетающих корнями остатки каменного фундамента строений усадьбы Ушаковых, где Александр Сергеевич Пушкин пережил волнительные минуты поэтической славы и влюбленности, вдохновенно записывая в девичий альбом:

Но красоты воспоминанье
Нам сердце трогает тайком –
И строк небрежных начертанье
Вношу смиренно в ваш альбом.

Авось на память поневоле
Придет вам тот, кто вас певал
В те дни, как Пресненское поле
Еще забор не ограждал.

Стихи

Что-то наскребают в поднебесье
Небоскребы, высясь над Трехгоркой.
Облака, как серые повесы,
Вместе с ветром мечутся без толку.
И, конечно, не вернуться боле
Времена, где Пресненское поле
Было беззаборным и привольным,
Не кичась соседством с градом стольным.

* * *

В зыбкой памяти почти истаяла
Та Москва, что знала Цветаева.
У Трехпрудного, Борисоглебского
Судьбы длинные и недетские.
Догорает закат московский,
Щедро так золотит Кисловский,
Этот свет – и на Патриарших.
Я теперь уж поэта старше.
Напрягаю и слух, и зренье.
Наваждение, как прозренье.
Переулки Москвы старинной
Все рифмую с рябиной, с Мариной...

* * *

М. Цветаевой

Возвратилась в Москву, а Москва – не та,
Глубока да черна пролегла черта,
Отсекло той чертой дыханье веков,
Не считать теперь сорок сороков.
Где душе приют? Опаленный куст..
Безвоздушен мир и почти что пуст.
Ласточкой, душа, в теплые края полети-лети!
Устремилась ввысь... Да обратный путь не смогла найти.

* * *

Весенний туман
Отменил небоскребы,
Как в детстве
Стал город малоэтажным.
В реальность трамвай выплывает,
Как лайнер морской
Никому не обещая
Счастливый билет.
Где они теперь
Эти билеты?
Может и существуют
В виртуальном мире,
Но об этом никто не знает,
Так редки городские счастливые лица.

* * *

Город мой не слышит тишины,
Шорох листьев, плеск речной волны
Вечно тонут в гомоне толпы.
Обтекая фонарей столбы,
И машины, и людской поток
Не находят тишины глоток.

* * *

Я кружила, как ворожила,
В толчее неспящих Садовых,
Но никто меня не заметил,
Не окликнул, не подошел.
Я так трепетно ночь сторожила
От сомнений моих пустяковых...
Мне на шепот никто не ответил,
И последний троллейбус ушел.

Истории «Пешего лектория»

В 2023 году все направления в летнем сезоне «Московского долголетия» посвящены Москве. Участники проекта – патриоты нашего города. Они интересуются его историей, настоящим и будущим. Среди самых популярных активностей – «Пеший лекторий» – познавательные экскурсии по столице. Их посещают около 19 500 участников.

Профессиональные гиды разрабатывают уникальные авторские маршруты, знакомят москвичей старшего поколения с историей города, известными личностями, которые в разное время жили и работали в столице. Экскурсии проходят по нескольким десяткам маршрутов по всему городу.

Взглянуть по-новому на знакомые места

Сегодня мы с Василием Вербиным отправимся на экскурсию по району Сокол. Когда упоминают этот район на Севере Москвы, сразу приходят на ум Песчаные улицы, поселок художников, Всехсвятский храм, бывший когда-то патриаршим подворьем.

Экскурсовод Василий Вербин

окончил исторический факультет СПбГУ. Экскурсии начал водить в студенческое время на остров Валаам, с тех пор вся его жизнь связана с туризмом. С «Московским долголетием» работает с самого начала, организует тематические экскурсии для участников проекта. «К экскурсиям готовлюсь тщательно: у меня дома много книг по истории Москвы. Также хожу в библиотеки, ищу нужную информацию в интернете. Все это для того, чтобы показать столицу по-новому», – делится Василий. Для проекта Василий уже сделал 4 цикла по 12 экскурсий, работает над 5 циклом. Это более 50 экскурсий по Москве, причем идеи для изучения новых маршрутов Василию подсказывают сами долголеты.

На Соколе жили и работали люди, которые двигали вперед российскую науку. Одни названия научных учреждений и вузов чего стоят – «Алмаз-Антей», Курчатовский институт, МАИ. Но здесь достаточно и других памятных мест, достойных не только интереса, но и поклонения. Для «Пешего лектория» Василий Вербин собрал много интересных историй, связанных с местными достопримечательностями и жившими тут известными людьми, что поможет долголетям по-новому взглянуть на знакомые с детства места.

Как дружба народов помогла вновь открыть храм

В старину в районе метро «Сокол» располагалось небольшое село Всехсвятское, или Святые Отцы, которое одно время принадлежало грузинским царевичам из рода Багратионов. Они и заложили нынешний храм Всех Святых – единственный объект, сохранившийся здесь с дореволюционных времен. Всехсвятское вошло в состав Москвы в 1917 году. Храм, построенный в 1736 году на месте старой каменной церкви, пережил нашествие Наполеона, потом несколько раз перестраивался, в последний раз – в 1902 году. Интересен тем, что за все время своего существования практически не закрывался, за исключением короткого периода с 1939 по 1945 годы. После революции сохраниться церкви помогло то, что она примкнула к движению обновленцев в РПЦ, которые приняли Советскую власть. А после войны вновь открыть его помогла... дружба народов. Сподвижница императрицы Елизаветы Федоровны и бывшая директриса располагавшегося в селе санатория для больных туберкулезом О.И. Богословская смогла в своих обращениях в советские инстанции доказать, что храм Всех Святых представляет собой памятник российско-грузинской дружбы. Ряд грузинских и русских писателей, поэтов и деятелей культуры поддержали ее, храм открыли в 1945-м и вновь освятили через год. По словам старожилов и служителей церкви, которых удалось опросить москвоведам, в храме неоднократно бывал Сталин.

Легенды и мифы «генеральского» дома

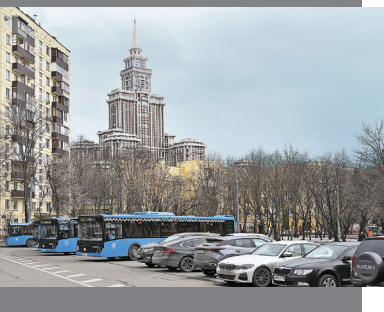
К храму примыкает так называемый «генеральский» дом на Соколе. Он представляет собой яркий образец сталинского

ампира в архитектуре, который еще называют «имперским» ампиром. Дом по адресу Ленинградский проспект, 75 построен тогда же, когда и станция метро «Сокол», – в 1938 году. В разные годы в «генеральском» доме проживало шесть маршалов Советского Союза, 362 генерала, 39 Героев Советского Союза.

Здесь, по соседству с видными военачальниками, жил знаменитый тренер Анатолий Тарасов, прозванный «отцом русского хоккея», который 18 раз приводил ЦСКА к победе в чемпионатах страны. Сборная Советского Союза по хоккею под руководством Анатолия Тарасова и Аркадия Чернышева становилась чемпионом во всех международных турнирах в течение 9 лет подряд (1963–1971 годы). Этот рекорд пока еще ни одной другой стране мира не удалось превзойти. Кстати, квартиру в «генеральском» доме участник Великой Отечественной войны полковник Тарасов получил по протекции Василия Сталина. Он же настоял на переезде сюда уникального спортсмена Всеволода Боброва, который был единственным в мире капитаном сборных СССР и по хоккею, и по футболу. В этом доме жила не менее знаменитая дочь хоккейного гения – тренер по фигурному катанию Татьяна Тарасова.

Здесь в 1964 году зародилась первая в стране рок-группа «Сокол», ее администратором был ставший потом знаменитым по группе «Кино» и другим проектам Юрий Айзеншпис. Получить помещение для репетиций своего сына Юрия и его друзей, увлекавшихся музыкой, помог проживавший в доме с семьей генерал Ермаков. Ребята доказали, что можно петь рок на русском языке. И первыми

в СССР опробовали продюсерский формат, ранее у нас неведомый. Кстати, Юрий Ермаков несколько лет назад записал хиты группы «Солнце над нами» и «Где тот край?», которые с удовольствием слушают люди «серебряного» возраста, а теперь могут оценить и молодые россияне.

Парк героев Первой мировой войны

Недалеко от храма находится еще один уникальный исторический объект – Мемориально-парковый комплекс героев Первой мировой войны. В хорошую погоду здесь любят проводить время местные жители. На этом месте было Братское кладбище, созданное в 1915 году для захоронения умерших в московских лазаретах воинов. Для организации кладбища был объявлен сбор средств, устроители выкупили сад села Всехсвятское. К лету 1919 года здесь покоилось почти 20 000 солдат Первой мировой и сестер милосердия. В 1932-м кладбище было уничтожено – убрали кресты и разровняли могильные холмики. Нетронутой осталась одна единственная могила в центре – студента МГУ Сергея Шлихтера, добровольцем ушедшего в действующую армию и умершего в 1916 году в госпитале в Минске от полученных в бою ранений. Массивное надгробие, созданное скульптором С.Д. Меркуровым в двадцатые годы, сохранилось, возможно, по настоянию отца героя – А.Г. Шлихтера, который был наркомом продовольствия в первые годы Советской власти, а потом занимал другие посты.

Хоронили на кладбище и представителей союзных государств, воевавших в рядах русской армии: французских

и английских военных летчиков, сербских солдат и офицеров. Здесь упокоился и генерал Я.А. Слащев-Крымский, который после поражения Белой Армии в Крыму ушел морем в Константинополь, бедствовал в эмиграции и решил вернуться в Россию. Он призывал офицеров добровольческой армии подчиниться Советской власти. Амнистированный царский генерал преподавал на высших офицерских курсах тем самым красным командирам, которым он и его армия проиграли в Гражданскую войну.

В центре кладбища находилась часовня, рядом с ней был храм Преображения Господня, который снесли и на его месте построили кинотеатр «Ленинград» и жилые дома. Практически ничего не напоминает о том, что здесь было.

Сейчас установили памятник погибшим воинам, мемориальные доски, а в 2015 году во вновь отстроенной в 1998 году часовне Спаса Преображения перезахоронили останки бывшего Главнокомандующего Российской армией великого князя Николая Николаевича с супругой.

Есть ли художники в поселке художников?

Поселок художников – это эксперимент двадцатых годов прошлого века, который был призван воплотить модную тогда в мире идею города-сада. Планировалось, что на окраинах крупных городов будут такие дачные районы, где люди смогут сами строить себе дома. Сегодня бы мы назвали это таунхаусами. К делу отнеслись очень серьезно, привлекли лучших архитекторов того времени: Н.В. Марковникова, В.А. Веснина, А.В. Щусева. На площади в 21 га было построено 119 домов в разных стилях и из разных материалов – деревянных, шлакоблочных, кирпичных, из туфа. Стоимость каждого дома на участке в 9 соток составляла 600 золотых червонцев в ценах 1923 года. Сумма очень большая, поэтому позволить себе коттедж в Москве могли не все: здесь поселились сотрудники наркоматов, профессора, техническая интеллигенция и люди искусства. Говорят, было даже несколько рабочих, но их имена до нас не дошли.

Начиная с 50-х годов было несколько попыток снести поселок. Одна из легенд гласит, что вопрос обсуждался в ЦК, и Сталин высказался против сноса.

Поселок стоит до сих пор, и можно прийти и полюбоваться на это чудо практически в центре Москвы. А если попасть

на пеший лекторий «Московского долголетия», то можно узнать много разных малоизвестных фактов об известных людях и их домах. Наш экскурсовод Василий Вербин утверждает, что из художников тут жил только Алексей Герасимов, широко известный своими работами «Ленин на трибуне», «И.В. Сталин и К.Е. Ворошилов в Кремле», «Первая конная армия», «Тегеранская конференция руководителей трех великих держав» и другими. А еще тем, что в 1943 году, в разгар Великой Отечественной войны, передал свои личные сбережения в сумме 50 000 рублей в Фонд обороны. Его дом на улице Левитана, выкрашенный в зеленый цвет, выделяется своим модернизмом среди других. Построенный в начале 20-х, он смотрится современно и через сто лет.

Здесь проживал также известный скульптор Андрей Файдыш-Крандиевский, автор монумента «Покорителям космоса» на ВДНХ.

Потомки первых поселенцев жили тут до недавнего времени. Отселить их так и не получилось. Но то, что не удалось сделать силой, произошло с помощью экономических инструментов: когда цены на жилье в Москве взлетели до небес, практически все жители один за другим продали свои дома и тихо съехали кто куда. Сейчас многие коттеджи перестроены, тут появились дворцы в стиле ребят в малиновых пиджаках из 90-х. Что-то важное уходит из нашей жизни...

Секрет названия

Почему поселок носит название Сокол? Все просто: запроектированный градостроителями в начале двадцатых годов поселок изначально должен был находиться в Сокольниках, но потом его по неведомым причинам перенесли в бывшее село Всехсвятское. Локацию изменили, а переименовывать не стали. Он и поделился именем с новой станцией Замоскворецкой линии Московского метрополитена, открытой в 1938 году. А второе название – поселок художников – Сокол получил не по проживавшим тут деятелям изобразительного искусства, а по названиям улиц в честь живописцев: Левитана, Шишкина, Сурикова, Поленова... Вот и весь секрет.

Всему начало – отчий дом

Москва – моя родина, и я очень люблю Москву! Искать в ней самые любимые места просто бессмысленно, так как их в Москве великое множество, и с каждым связано какое-нибудь значимое событие моей жизни. Мне, как и многим, дорог Арбат, Воробьевы горы, Нескучный сад... да миллион мест, куда я с трепетом бегу, о которых я могу часами рассказывать истории. Но сегодня я хочу поведать вам о совсем незнакомом для вас месте, старинном доме, в который меня принесли сразу после рождения. Итак...

Бауманская улица (бывший Девкин переулок), дом номер 13, второй этаж, квартира номер три. Большой красивый кирпичный дом с фигурной кладкой, большими окнами. Сбоку парадный вход под чугунным витым козырьком. Истертая лестница, выдавшая не одну тысячу башмаков за более чем сто лет. Массивные двери в квартиру с большой кнопкой и табличкой: «... звонить 1 раз, ... звонить 2 раза, Алипов В.М. звонить 3 раза». А за этими дверями еще одни... А за ними длиннющий коридор шириной в три метра, направо – узкий коридорчик на кухню, дверь на черную лестницу (страшная лестница с особым запахом). И дальше, если идти

Ирина Прокофьева

родилась в 1960 году. Более 35 лет Ирина работала хормейстером в ДМШ Москвы и ДМХШ «Пионерия» им. Г. Струве, затем трудилась в Московском театре иллюзии заведующей литературной и музыкальной частью. Теперь Ирина – активный участник «Московского долголетия», она занимается в литературной мастерской «Живые строчки».

по большому коридору, налево – двери в комнаты, а их тут целых семь. Тут царит атмосфера московской коммуналки.

Первые две комнаты – не помню, кто там жил, потом комнаты бабушки Риты и бабушки Вари, младших сестер моего деда, между комнатами голландская печь, выложенная кафелем, с красивой чугунной узорной дверцей. Дальше дверь в самую большую комнату – моих деда Володи и бабы Лели, – которую в 40-х годах перегородили фанерной перегородкой и сделали две, так как комната была огромная и в ней было три окна. За нашей комнатой дверь в комнату старшей сестры деда, бабы Кати (она была вдовой и жила одна). И справа – в комнату тети Тони, учительницы русского и литературы, маминой подруги. Говорили, что эта комната до революции была нежилой, там находилась прислуга. Да, я совсем забыла про особый запах, распространившийся из ванной комнаты, что была напротив дверей в нашу комнату. Это был запах мыла «Красная Москва»! Этот запах я и сейчас узнаю из тысячи других! И еще постоянный грохот проезжавших мимо трамваев, пути которых были расположены в двух-трех метрах от дома...

Бабушки, дедушки, тетки, дядьки, сестры, братья – все собирались многие годы в этом доме. Праздники, дни рождения объединяли всю большую семью за одним столом. Каждая кулинарная мастерица несла к столу свое коронное блюдо. Тосты, шутки, хохот, звон бокалов!

А мы, мелочь, после небольшого обеда ныряли под стол, где проходил первый этап игр. Безусловно, это старшим быстро надоедало, и нас выгоняли в коридор с игрушками, трехколесным велосипедом, скакалкой или мячом.

Мы – народец любопытный – шастали по всей квартире, заглядывая в соседские комнаты. Где-то нас встречали конфеткой, где-то недовольно ворчали, но мы быстро попадали под крыло тети Тони, которая с большой охотой забирала нас к себе в комнату и читала нам удивительные сказки (ведь она была учительницей!). А когда дед Володя брал семиструнную гитару, все пели и танцевали. Мы же с нетерпением ждали этого момента, когда уберут в сторону стол, и мы сможем пробраться в комнату и залезть на подоконник шириной в полтора метра, и спрятаться за тяжелые шторы. Вот было забавно, когда взрослые начинали нас искать!

А потом стол возвращался на место, все садились за него, и начиналось самое интересное – игра в лото! Нас брали на колени, и мы играли вместе с родителями. Понятно, что поначалу нам доверяли самое важное дело – ставить бочонки на карточки и складывать копеечки в блюдечко. Незабываемый азарт! Особенно, когда ты выигрываешь, и копеечки становятся твоей собственностью! Все по-честному! На мороженое!

Иногда мы заходили к бабе Кате, хранительнице семейных реликвий, фотографий, и рассматривали у нее разные фарфоровые фигурки и фиалки на подоконнике, коих было превеликое множество. Потом все потихоньку разъезжались по домам. Но частенько меня на день-другой оставляли с бабушками, и я жила в той маленькой комнатке за фанерной перегородкой.

Там тоже была масса интересных вещей. Например, стеной шкаф открывался с помощью реечной шторки, которая плавно скользила по пазам, в темной рамке на стене висела репродукция картины Исаака Левитана «Осенний день. Сокольники» (я почему-то считала, что на ней изображена моя бабушка Леля в молодости), портрет жены писателя Н.Д. Телешова, с которой дружила бабушка. Да чего там только еще не было! И фарфоровые фигурки, и огромное количество книг...

Сокольники ассоциировались со всегда интересной прогулкой с дедом в парк, куда часто ходили мы покормить белок, и в розарий покачаться на металлических качалках.

Потом не стало бабушки, четыремя годами позже ушел из жизни дед, и мои поездки на Буманскую, 13 стали все реже. До конца 70-х там оставалась только старшая сестра деда, бабушка Катя... Все остальные получили отдельные квартиры и разъехались по разным районам Москвы... Грустно... В наших комнатах поселились чужие люди...

С острым щемящим чувством я тогда проходила мимо дома, смотрела в родные окна... Все хотелось снова вдохнуть до боли родной запах «Красной Москвы»... Развалиться в неге на кушетке в уютной комнатке за фанерной перегородкой...

За делами взрослой жизни как-то реже вспоминался «мой отчий дом», пока вместе с дядей не приступили к разбору архивов семьи. Оказалось, что сам дом имеет удивительную историю.

Этот красивый дом из красного кирпича построен в 1917 году потомственной почетной гражданкой купчихой Пелагеей Ивановной Миловановой, владелицей нескольких кирпичных заводов в Москве и селе Кучино Московской волости. Представьте себе, что таких домов в Москве только два, здесь и в Гавриковом переулке. Причем именно эти два дома Милованова построила из огнеупорного кирпича для доменных печей, в отличие от других доходных домов, которые она построила в Москве, а именно в Архангельском переулке, Банном проезде, на Камер-Коллежском валу и Большой Семеновской улице и других, из обычного кирпича. В тот год было выпущено больше необходимого количества кирпича для металлургических заводов, и Пелагея Ивановна решила построить два дома и лабазы между ними из излишков огнеупорного кирпича.

Стены домов были непомерно толстые и прочные. Сравнить такие можно, пожалуй, только с крепостными. Толстые дубовые перекрытия оставались невредимыми аж до 90-х годов XX-го века. Снести этот дом по причине его особой крепости не представлялось возможным, поэтому по прошествии некоторого времени его решили отреставрировать и сначала отдать в пользование с 1993 по 1999 год художникам товарищества «Искусство или смерть» и сквот-галерее «Бауманская, 13», а позже там разместили хостел, который существует и по сей день. Печальная судьба...

Мне двор казался целым миром

Москва для меня – особый город, это моя малая родина. Я всегда смотрела и сейчас смотрю на свой город любящими глазами.

Я родилась в районе Лефортово, по теперешним представлениям это центр города. Лефортово было известно еще до революции своими казармами, а наш дом 3/8 по Самокатной улице предназначался, как говорили, для офицерского состава и учебных занятий. Долгое время он единственный на всю округу возвышался своими четырьмя этажами, которые по современным меркам можно смело приравнять к шести. Для нескольких поколений моей семьи этот адрес был единственным московским адресом на многие десятилетия.

В нашем доме была коммунальная система. В комнатах, которые были по обе стороны длинного коридора, обитали 24 семьи, человек 70–80. Среди жильцов были рабочие, инженеры, портниха, зубной врач, полковник, многодетная уборщица, художник... Достаток в семьях, уровень образования были разные, а вот условия жизни у всех – одинаковые. И по тем временам даже не очень плохие. В доме были водопровод, своя котельная, канализация, газ, даже телефон, но при этом два туалета

Людмила Маркушева

родилась в 1945 году. По профессии она педагог. Более 50 лет работала в школах и в столичном Департаменте образования. Сейчас Людмила – активист «Московского долголетия», занимается йогой, посещает экскурсии «Пешего лектория». «Серебряный» возраст тоже имеет свои преимущества, и приятно, когда тебя в этом поддерживают городские власти. У нас создалось целое сообщество любителей-краеведов, мы не только знакомимся с историческими объектами столицы, но и получаем удовольствие от общения друг с другом», – делится с нами Людмила Ивановна.

на всех, а на кухне не только готовили, но и умывались, мыли посуду, сушили белье. Многие в Москве в те годы не имели и этого.

Очередность уборки, расчет оплаты электроэнергии, использование площади коридора для сундуков и ящиков, в которых хранили картофель и овощи на зиму... Все это вынуждало соседей договариваться и считаться друг с другом, говоря современным языком, быть толерантными. Мы, дети, были частичкой этого коммунального сообщества. В семейном альбоме много фотографий, относящихся к 1951–53 годам: праздники «в складчину» за общим столом с соседями. Пожалуй, таких веселых и многолюдных праздников и встреч Нового года больше никогда не было.

Многочисленные комнаты вынужденно переносили все детские развлечения и игры или на улицу, или в общий коридор. Коридор жил своей жизнью. Помню, когда были футбольные матчи, голос комментатора Вадима Синявского гремел на весь этаж. Когда звонил телефон, соседи звали друг друга с дальнего конца коридора.

Коридор, который шел на всю длину дома, был нашей детской планетой, заменявшей нам детский сад и игровую площадку. На сундуках для овощей мы с подружками вели душевные беседы, рассматривали и обменивались своими сокровищами. Не все соседи поощряли игры на сундуках около своих дверей. Мы знали, где нужно сбавить бег и не топтать, около каких дверей нельзя затевать шумную возню. До сих пор помню имена и фамилии жильцов нашего коридора. Инженер Васин – именно он делал замечания и выходил из своей двери на громкий топот и беготню; художник Виктор Иванович – иногда свои букеты на холсте он писал в коридоре, и было интересно за ним понаблюдать; тетя Лиза Казанцева – она была надомница и на простеньком станке золотыми нитками делала нашивки на офицерскую форму; тетя Рая Уманская – портниха, которая умела из двух старых изношенных вещей сделать комбинированное платье (у нас с подружкой Иркочкой были такие платья). При этом все знали, что тетя Рая боится фининспектора и шьет только хорошо знакомым людям.

Недавно в разговоре со своей сверстницей мы вспомнили интересную деталь из детства. По московским дворам с тележками ездили старьевщики. Для детей их приезд во двор был радостным событием. У них была масса привлекательных для малышей вещей, таких как бумажный мячик и глиняная обезьянка на резинке, колечки с красными и синими стеклышками, игрушки

под названием «тещин язык», «уди-уди». Их можно было выменять на тряпки, старые металлические предметы, бутылки. Заслышав крик «Старье берем!», все разбегались по домам в поисках «старья» и в надежде на счастливое приобретение. Для меня единственным способом что-то заполучить было найти бутылку. В хозяйстве не переводилось подсолнечное масло, которое покупалось на розлив. Было оно густое, темно-янтарного цвета, пахучее и очень вкусное. Остатки масла из одной бутылки я переливала в другую бутылку или какую-нибудь подходящую емкость. Опыт мытья бутылок имелся. Бутылки можно было сдать, и поэтому их никто не выбрасывал. Процесс отмывания бутылки из-под масла был бы и сейчас непростым, несмотря на наличие горячей воды и моющих средств. А тогда мы использовали мелкие кусочки газеты, мыло и ерш. Моешь холодной водой эту жирную, липкую, матовую от масла бутылку, трясешь ее и так и эдак, торопишься, боишься упустить старьевщика. Зато сколько радости бегать по двору с мячиком или обезьянкой на резинке!

Двор мне казался целым миром. За забором находился ведомственный детский сад – предмет моего завистливого внимания, так как игры с детьми там организовывали воспитательницы. В середине двора была горка, зимой не было лучшего развлечения, чем катание на санках с горы, ее для этого специально обливали водой. Виновницей скольких шишек и синяков была эта горка! Помню, однажды летом мы стояли на этой горке и в закопченные кусочки стекла наблюдали солнечное затмение. Под горкой было бомбубежище, в которое вела всегда закрытая дверь, заглянуть в него можно

было через решетку наверху горки. Когда оно было построено, не известно, но, как говорили родители, во время войны им не пользовались, а прятались в подвале соседнего дома. С торца дома был палисадник и маленькая темная керосиновая лавка. Почему было так приятно находиться в этой лавке и вдыхать керосиновые пары, мне непонятно. Но это было!

Деньгами родители нас не баловали. По особым случаям давали деньги на мороженое. Если у кого-то заводились мелкие деньги, то в аптеке покупали брикеты с сушеной малиной или черникой, еще покупали порционный прессованный порошок какао с сахаром. Позднее лакомством стала плиточка гематогена.

У мальчишек-подростков интересы были серьезнее, решать свои проблемы большинству из них приходилось самостоятельно. Могу судить по действиям моего брата Анатолия, который был на 9 лет старше меня. Он и его приятели с помощью самодельных средств ловили в Лефортовском парке птиц. Это было и увлечение, и способ добыть карманные деньги на мальчишечьи нужды. К поездке на Птичий рынок готовились, поэтому дома у нас всегда была клетка с какой-нибудь птицей. С тех пор я узнаю и различаю синиц, щеглов, чижей.

Жаль, мало я знаю про жизнь послевоенных мальчишек-подростков, а спросить уже не у кого. Их судьба складывалась трудно. Военное детство и раннее взросление. Многие остались без отцов. За годы войны отстали в учебе. Матери работали, чтобы прокормить семью. Уделом некоторых наших соседей-подростков стали драки, воровство, хулиганство и, как следствие, тюрьма. Вот почему у всех на слуху были «блатные» песни и жаргонные словечки. Мальчишки военных лет были очень отчаянными, ездили на подножках трамваев, прицеплялись какими-то крючками к трамвайным вагонам, часто находили и опробовали патроны, порох и другие опасные предметы. Отсюда несчастные случаи, травмы.

Меня интересовала история нашего района и дома особенно. В интернете я разыскала фотографии, на которых во всей красе запечатлен наш дом. Они сделаны 22 октября 1913 года по случаю открытия памятника императору Александру III на территории казарм на Золоторожской (Волочаевской) улице. Памятник был открыт на территории Астраханских казарм, так как полк носил имя императора. Очевидно, дом входил в комплекс учебных зданий полка.

Теперь понимаю, почему около входа в дом со стороны Слободского переулка была гранитная тумба в виде

конусообразного валуна. К таким тумбам извозчики привязывали лошадей. Именно в этой части дома даже в нашу бытность было несколько отдельных квартир, а тогда эти квартиры занимали преподаватели или полковое начальство. Около других лестниц, ведущих в дом, таких тумб не было.

На фотографии 1913 года просматривается здание, в котором позднее была булочная. Она запомнилась ароматным хлебом и глазастыми из изюма весенними жаворонками. Рядом с домом был магазин «Молоко». Молоко и яйца продавали со двора, так как это сопровождалось многочасовым стоянием в очереди.

В более старшем возрасте, по дороге из школы домой, не могла удержаться, чтобы не зайти в магазин «Продукты», ближе к Танковому проезду. В белых судках – соленые грибы и огурцы, несколько видов капусты разного посола, в таких же судках или в разноформатных банках черная икра. Мы вдыхали все эти необыкновенно вкусные и аппетитные ароматы, изредка позволив себе сто грамм конфет – подушечки в кофейной обсыпке или разноцветные конфеты-камушки.

Наша Самокатная улица и Слободской переулок были вымощены булыжником, что не мешало нам зимой по ним прокатиться на снегурках, прикрепленных с помощью палочки к валенкам. Когда стали постарше, ходили с дедушкой или мамой подружки Ирки на каток в Лефортовский парк.

По булыжным мостовым с грохотом проезжали телеги, груженные ящиками со стеклянной тарой с Ликеро-водочного завода. Звон зависел от того, были бутылки пустые или полные. В телеги впряжены лошади. Мне было жалко этих понурых лошадей. Они тяжело перебирали лохматыми ногами по булыжной мостовой и казались вечно уставшими. Не знаю, правда это или мальчишеское бахвальство, только ребята-подростки рассказывали, что им удавалось с помощью нехитрого приспособления типа удочки из окон нижних этажей вытаскивать бутылки из ящиков, пока лошадь медленно шагала вдоль нашего дома. Впрочем, ребята были тогда очень отчаянными, и смекалки им было не занимать.

В 1952 году я пошла в школу. Школа находилась на углу Волочаевской улицы и Таможенного проезда, достаточно далеко по современным меркам. Самой короткой и безопасной была дорога через Репнин переулок (в 70-е годы он исчез с карты города). Переулок был застроен одноэтажными деревянными домами, я с любопытством заглядывала в окна, рассматривала разложенные

между рамами на ватке новогодние игрушки или бумажные цветы. Иногда на окнах стояли банки с рыбками, детские игрушки. В палисадниках росли золотые шары и мальвы. Воду жители переулка брали из колонок, дома отапливались дровами.

Старая окраинная Москва совсем не такая, как Арбат и его переулки! Даже районы Андроньевской, Школьной, Коммунистической улиц были не похожи на нашу округу.

На Коммунистическую улицу я ездила в детскую библиотеку (к сожалению, не могу указать адрес, но это был красивый дореволюционный особняк), а на Школьной улице любила бывать в магазине книг и открыток. Мы были самостоятельными, никто не провожал нас в школу, не запрещал ездить по каким-то своим делам на трамвае. Все упиралось только в деньги. Просить их у родителей можно было на исключительно важные цели. У большинства из нас были копилки или сокровенные коробочки. Хорошо помню, что из накопленных денег я покупала подарки маме на 8 Марта. За подарками ездила в универмаг на площадь Ильича. Две подаренные мной очень простенькие брошки мама носила и берегла. Целы они и у меня.

Скромные сбережения шли на покупку билетов в кино, если это был не детский бесплатный утренник в клубе Ликеро-водочного завода или концерт по случаю красных дат календаря. Помню концерты самодеятельности с обязательными гопаками, венками с разноцветными лентами, молдовенясками, танцами «Яблочко». Фильмы, просмотренные в раннем детстве, сохранились в памяти – «Дети капитана Гранда», «Подвиг разведчика», «Джюльбарс», «Застава в горах». В школьные годы на киносеансы ездили в Клуб завода «Серп и молот».

Я чувствую потребность навещать свой дом и бродить по местам детства. Район Самокатной очень преобразился. Думаю, что через несколько лет он может превратиться в заповедный уголок Москвы. Две церкви начала XIX века украшают улицу своими изящными формами, белизной и воздушностью. В наше время их оголенные купола были видны отовсюду и служили пристанищем для ворон. В них также были коммунальные квартиры. Предполагается, что Ликеро-водочный завод, который является памятником архитектуры, станет очередной культурной площадкой для летних музыкальных фестивалей и маркетов. Удобно, что его территория прилегает вплотную к набережной Яузы, романтичному Салтыкову мосту и Первомайскому парку, куда в первые теплые деньки мы ходили порезвиться на травке и нарвать одуванчиков.

Мои визиты на Самокатную случаются по настроению, раз в несколько лет. Дом давно реконструирован под квартирную систему. В 1998 году мы побывали в нем с братом Анатолием, сделали фотографии на горке, поднялись по центральной лестнице на свой этаж. Всегда смотрю на наше окно. «Мила! Домой!» – так моя мама, да и другие мамы, осуществляли контроль за нами на улице.

В другой раз, поднявшись на четвертый этаж, порадовалась, увидев, что чердак используется как мастерская художника. Несколько лет назад оказалась в окрестностях Самокатной с подругой. Мне захотелось показать ей лестницу, чердак, но на подъезде появился кодовый замок. Постояли, посожалели. Я попросила женщину, которая вышла во двор, дать нам возможность войти в подъезд, объяснив, что это дом моего детства. Мне было стыдно перед подругой, которой я как коренная москвичка рассказывала перед этим о старой Москве. Видно, женщина не жила в коммунальных квартирах, да и вообще в Москве человек случайный. Она сочла наши намерения подозрительными и в подъезд не впустила.

А однажды мое посещение Самокатной неожиданно обернулось интересной встречей. Другая моя приятельница, любознательная и общительная, заговорила с молодым человеком, который вышел из подъезда с грудой строительного мусора. Он не только проявил к нам интерес, но и пригласил посмотреть квартиру, которую недавно приобрел. Оказывается, новые жильцы ценят, что переселились «в дом с историей», и хотят ее знать. Максим, так зовут молодого человека, к ремонту квартиры подошел творчески, восстановил оконные рамы начала XX века, докопался до дубового паркета, который был во всех квартирах и коридорах, думает сохранить в квартире фрагмент кирпичной кладки. Меня он разохотил на воспоминания, что было, и приятно, и волнительно одновременно. Кто знает, может это знакомство будет иметь продолжение, и мне суждено узнать еще одну, современную, страницу жизни своего дома.

Считаю, что мысли, воспоминания материальны. Пусть сгусток моих ощущений и переживаний вселяет веру, помогает оптимистичнее смотреть на мир и происходящее. Станем тверже духом, столько поколений жило и работало на нас! Нельзя обмануть их надежды!

Тушино – моя отдушина

Татьяна

Чистякова-Буренкова

родилась в 1950 году. Окончила музыкальное училище по специальности «дирижер хора», а также ГИТИС – факультет актеров музыкального театра. Работала руководителем хора и концертмейстером, преподавала фортепиано, вокал, сценическую речь в школах и Домах творчества, была солисткой Калужской областной филармонии, Ансамбля советской песни Центрального телевидения и Всесоюзного радиовещания, артисткой Государственного академического русского хора имени А.В. Свешникова. Выйдя на пенсию, стала активным участником проекта «Московское долголетие».

Кирпичный 5-этажный дом, в котором родители получили двухкомнатную квартиру с балконом на третьем этаже, был последним и самым высоким строением на улице в недавно присоединенном к Москве Тушинском районе. Прямо под окнами, буквально в нескольких метрах, находилась остановка грохочущего, неотапливаемого зимой и плохо проветриваемого в жару трамвая.

Тридцать долгих минут он добирался к нам от Сокола. Казалось, впопыхах вот-вот врежется в наш дом. Но нет: рельсы делали круг, и он разворачивался, раскачиваясь, недовольно скрежеща и разбрасывая искры.

Слева от дома, если продолжить трамвайную линию, было поле – уже не действовавший к тому времени Тушинский аэродром – на котором можно было собирать грибы: опята и полевые шампиньоны.

Напротив – почти до самого канала имени Москвы – тянулись деревянные домишки с садами и огородами, с курами и утками, с предупреждающими табличками на калитках: «Осторожно! Злая собака!», что не всегда соответствовало действительности. В те морозные снежные зимы из их труб столбом поднимался белый дым.

Прошло полвека. Меньше чем в ста метрах от подъезда – подземный переход с крытым входом в метро «Сходненская». Там, где стояла кирпичная будка трамвайной диспетчерской – высоченный дом – кукурузина со множеством магазинов, с собственным подземным гаражом, детской площадкой и палисадничком, огражденными забором.

Теперь трамвай проносится мимо, дальше – по улице Героев Панфиловцев, защитивших город с запада от танков Гудериана. Длинный, со светящейся по вечерам, как у аквариумных неонов, хордой. Очень комфортный, с подогревом и кондиционером. А между трамваем и моим домом – тенистый Сходненский сквер с двумя параллельными аллеями и памятником «Тушинцам – участникам Великой Отечественной войны». На другой стороне улицы, напротив, через дорогу – ТЦ с замечательным названием, возвращающим нас в детство, к многими любимой игрушке, – «Калейдоскоп».

Пока центр строился, жители ходили в тревожном ожидании. Жалко было привычный вместительный кинотеатр «Балтика», снесенный, чтобы освободить место для очередного магазина. Но открывшийся ТЦ удивил и обрадовал: светлый, красивый. Он вместил множество брендовых магазинов, павильонов, разнообразных кафе и небольшой симпатичный круглогодичный каток. Кинотеатр «Балтика» обзавелся добавочным залом для 3Д фильмов.

А территория перед зданием – сказка! Будто по мановению руки Марьи-искусницы за один день все преобразилось: выросли деревья, цветущие кусты, роскошные ели, появились прудики с лотосами и золотыми рыбками.

Со своего балкона вечерами люблюсь отражением заката в стеклах ТЦ и зданий вдоль Химкинского бульвара, иллюминацией в праздничные дни.

Много мне пришлось поездить, повидать. Немало уголков по всему миру я вспоминаю с удовольствием и восхищением, но везде с теплотой и любовью думаю о Москве. Прав, тысячу раз прав Ю. Антонов: «но как приятно возвращаться под крышу дома своего!»...

Разрослась Москва. Из района в район доехать – по европейским меркам – добраться до другого города, а то и страны.

Помню, как в детстве сжималось сердце, когда, подъезжая к Москве, в поездах дальнего следования включали песню «Моя Москва», которая в 1995-ом стала официальным Гимном Москвы: «Но Москвой я привык гордиться, и везде повторял я слова: дорогая моя столица, золотая моя Москва».

Москва изменилась, но любовь к ней неизменна.

Центр притяжения

Москва строгая и доброжелательная, требовательная и отзывчивая. Москва – это центр притяжения для меня.

Очень нежно и трепетно я отношусь к Цветному бульвару. Здесь прошли, пожалуй, лучшие мои годы. Годы, когда я ощущала полную духовную свободу. Дом, в котором я жила, находился прямо за Центральным рынком, в пятнадцати метрах от него. Увы, ни того ни другого, к сожалению, уже нет. Дворик был немного мрачноват, но выныриваешь из него под аркой прямо на Цветной бульвар, а направо – Центральный рынок, где у продавцов кавказской внешности даже зимой можно было купить любые овощи, фрукты и зелень, что было по тем временам в диковинку.

Цены на Центральном рынке, конечно, кусались, и я всегда с улыбкой вспоминаю сцену, как расширились глаза негритянки, когда продавец назвал цену одного взвешенного им помидора! Далее к рынку примыкает старейший цирк столицы – «Цирк на Цветном бульваре». Над его входом встали на дыбы две нарядные лошадки, как бы зазывая посмотреть на чудеса циркового представления, в том числе и на них. А сразу за цирком – кинотеатр «Мир». Я удивлялась, как много монументальных зданий помещается

Галина Попкова

родилась в 1956 году. Последние 16 лет до выхода на пенсию работала начальником отдела недвижимого имущества Всероссийской государственной телевизионной и радиовещательной компании (ВГТРК). В «Московском долголетии» занимается йогой, пилатесом, цигуном, актерским мастерством и играет на гитаре, посещает клуб генеалогии и экскурсии «Пешего лектория».

на таком маленьком отрезке Цветного бульвара!

Закончился Цветной бульвар, от него налево и направо побежали цепочки бульваров, образуя Бульварное кольцо. Дальше, за Трубной площадью, изгибается улица Неглинка, немного вперед по ней и направо по Рахмановскому переулку – и я выходила на Петровку. Мне было так просто дойти пешком до места работы – Министерства промышленного строительства СССР (сейчас в этом здании располагается Генеральная прокуратура РФ).

Кстати, сюжет фильма «Гараж», когда жених (актер Бурундуков) бежит к своей невесте, снимался именно на ступенях этого здания. И сколько же было соблазнов для женщин, которые, выбежав в обеденный перерыв на улицу, могли заглянуть в Петровский пассаж, ЦУМ, Художественный салон, магазин сувениров «Русские узоры». А в Столешниковом переулке, прямо напротив здания Министерства, была знаменитая кондитерская, в которую приезжали со всех концов Москвы. Да и у наших сотрудников не было проблем в покупке тортиков и других сладостей для угощения сослуживцев.

Мне вспоминается то, как я в выходные дни ходила прогуляться до Красной площади, и было как-то необычно пустынно на улицах, и лишь изредка можно было увидеть прохожего (ведь тогда в выходные дни эти магазины не работали). И я живо представляла, как завтра-послезавтра снова загудит этот улей, и люди, часто сталкиваясь друг с другом, начнут снова по Петровке и по Столешникам.

А если свернуть налево по Цветному бульвару, вот оно – Садовое кольцо,

которое, как в песне Окуджавы, «нас разводило в стороны, в кольцо своем кружило». Помню, как однажды мне предложили пройти пешком по Садовому кольцу до парка Горького, а домой мы возвращались, двигаясь дальше по Садовому кольцу. И когда кольцо сомкнулось на Цветном бульваре, то я уже не хотела ничего, так как усталость валила с ног.

Нырнув под Садовую-Самотечную эстакаду, по Самотечному скверу я ходила пешком в бассейн Спорткомплекса «Олимпийский», в Театр Советской армии, Театр зверей имени Дурова. Да и до Тверской и Красной площади можно было пройти пешком. Вы понимаете, лучшего места для меня нет до сих пор!

У меня было много друзей, и им очень нравилось бывать у меня в гостях. Я люблю экспериментировать в приготовлении новых блюд, и у меня всегда было чем их угостить. Вечера в компании друзей были насыщенными: мы спорили, веселились, танцевали, пели под гитару.

Особенно мне запомнился вечер, когда я была в гостях на Арбате и решила уже за полночь вернуться домой пешком, так как транспорт уже не ходил, да и вызов такси в те времена был проблематичен. Это были незабываемые ощущения, когда я с гитарой наперевес шла по ночной Москве – сначала по Новому Арбату, далее по Моховой к Театральному проезду. Справа от меня спал Александровский сад, Красная площадь, Исторический музей, Музей В.И. Ленина. И вот слева вырос Большой театр и ЦУМ, и я застыла, восхищенная их торжественностью и красотой.

Была бесподобная, звенящая тишина, вокруг ни души, и показалось, что все эти монументальные здания, весь город принадлежат мне! Я до сих пор помню этот восторг, восхищение и ощущение слияния со Вселенной!

Целевая точка будущего

**Назира Новоселова,
65 лет.**

Работала в Якутии, возглавляла учреждения государственной федеральной службы по регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним по Республике Саха. Сейчас живет в Москве. В «Московском долголетии» занимается изучением английского языка, посещает экскурсии «Пешего лектория».

«Москва слезам не верит», – говорила мне мама, когда не принимала мои нелепые детские объяснения и желала меня упрекнуть в чем-то не очень хорошем. И тогда Москва мне казалась огромным городом, который все про меня наперед знает и может непременно меня наказать, если мое поведение окажется неподходящим.

Москва чувствовалась мне органической и справедливой, потому что мама говорила мне эти слова, если я действительно заслуживала порицания. Этот город вызывал во мне любопытство и живой интерес.

Я стремилась в Москву и чувствовала интуитивно, что мне надо там быть. Москва стала ориентиром – целевой точкой моего будущего. Эта цель подогревала меня в стремлении состояться в профессии. Если учитывать, что детство мое проходило в далеком уральском селе районного масштаба, и выехать из этого села я могла только в деревню к бабушке, то сегодня я желаю удачи этой девочке!

Шли годы, менялось время, изменилась и я. Далекая Якутия отшлифовала любовью и болью мой характер. Когда было больно, то я отмечала, что

Москва слезам не верит. А когда было радостно – то я верила в то, что Москва меня ждет!

Владимир Даль в «Пословицах русского народа» так объяснил выражение «Москва слезам не верит»: «никого не разжалобишь. Все чужие». По мне, так эти выражения были справедливы для своего времени. В нынешнее время они кажутся мне чуть зловещими.

В Москве живут добрые и отзывчивые люди, они стремятся быть счастливее с каждым днем. И это отражается в облике Москвы, которая меняется к лучшему и становится все привлекательней для всех людей в мире.

Да, Москва слезам не верит, а верит в добро и профессионализм, справедливость и уверенность. В голове звучит незабываемый голос Магомаева: «...и увидишь хоть раз лучший город земли.... Эти слова о тебе, Москва!»

Крылатское дало мне крылья

Лидия Абрамова

*родилась в 1941 году.
До пенсии работала
в газете «Труд»
заведующей отделом
кадров. В «Московском
долголетии» занимается
английским языком
и в литературной студии.*

Моя малая родина – село Крылатское Кунцевского района Московской области. Так оно именовалось, когда мне посчастливилось появиться на свет. А сегодня это престижный район Москвы.

Крылатское, как оказалось, имеет славную и весьма древнюю историю. Рассказывать о ней хватит материала на тысячу и одну ночь.

Первое упоминание о Крылатском относится к 1417 году – в духовной грамоте, в которой великий князь Василий Дмитриевич дарует своей княгине среди других московских сел и Крылецкое.

Очень любил его царь Иван Грозный: возвращаясь из Волоколамска или Можайска, он всегда останавливался в Крылецком. Осенью 1554 года Иван Грозный был там по случаю освящения в нем церкви Рождества Богородицы. Похоже, в этой церкви и меня крестили пять с лишним веков спустя.

В летописи село упоминается как Крылецкое – крыльцо при въезде в Москву. Но есть и другая версия относительно его названия: расходящиеся, как крылья, овраги, – эта характерная особенность рельефа местности привела к тому, что стало Крылецкое Крылатским.

Но это, по выражению поэта, – «дела давно минувших дней, преданья старины глубокой».

Я знаю мое родное село, каким оно было с 40-х по 70-е годы, до конца его славной истории. Крылатское – родина моей мамы. Выросла она в многодетной семье – три брата и три сестры. Мама была четвертым ребенком. Став взрослыми, все зажили своими семьями в своих домах. Строились и селились неподалеку, а младший брат остался в родительском доме. Наша улица называлась Горка – она шла от самой церкви, располагавшейся на вершине холма, донизу, где разветвлялась на Маниловку, которая вела в соседнее Татарово, и Центральную, проходившую вдоль всего Крылатского и выведившую к остановке единственного автобуса на Рублевском шоссе. Отсюда налево поедешь – в Москву попадешь, направо – в Рублево.

В военные годы мама относила в семью с маленькими детьми, жившую в центре Москвы, молоко от нашей коровы. Недавно я посмотрела по карте, сколько километров ей приходилось идти, если не было попутки, – четырнадцать в один конец.

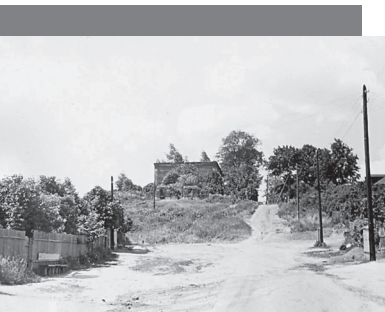
Первый класс я проучилась в одноэтажной деревянной школе в центре села. А потом построили школу на горке, куда я, маленькая, буквально ползла на пузе, когда был гололед. На пузе за знаниями – нынешний ребенок меня не поймет!

В первом классе у меня было первое серьезное испытание: перелом бедра со смещением – это когда в ватаге детворы, катаясь с горки на изогнутых полозьях, я оказалась в самом низу кучи-малы и была попросту раздавлена ею. Все, смеясь, встали, а я не смогла, и домой меня отнес сосед, недавно вернувшийся со службы в армии.

Молодые кости быстро срастаются, и я пробыла в больнице лишь весь февраль, но училась ходить потом заново, как будто бы и не ходила вовсе.

В девять лет меня ждало второе испытание: я заболела куда серьезнее, и потребовалась длительная реабилитация. Папе в связи с этим дали комнату в Москве, куда мы благополучно перебрались. Здесь, в Измайлово, я и живу до сих пор.

Но в Крылатском я с сестрой и родителями бывала регулярно. Там жила семья маминой любимой сестры Анны, и я, уже после переезда в Москву, все каникулы проводила у тети Ани и дяди Пети в обществе подрастающих двоюродных сестричек. В День авиации, в августе, нам не надо было ездить в Тушино, чтобы посмотреть воздушный парад: его было видно

с одного из холмов Крылатского. Летом я переплывала Москву-реку напротив Серебряного Бора, чтобы повидаться с друзьями, которые жили там на даче.

Классе в шестом, наверное, родители отправили меня туда на зимние каникулы. Я взяла с собой коньки и лыжи. Катка в Крылатском не было, и я попыталась скатиться с горки прямо от церкви, стоявшей на самом вершине. Но не тут-то было: коньки врезались в снег, так и пришлось всю горку вниз идти пешком. На следующий день я отправилась на лыжах. В то время лыж ни у кого в селе не было, и мой лыжный след оставался единственным на девственно нетронутым снегу во все продолжение моих каникул.

И кто знает: не этот ли одинокий след навел на мысль спортобщество ЦСКА открыть в Крылатском несколько лет спустя горнолыжную секцию, где с успехом занимались все мои двоюродные братишки и сестренки. Тети-Анина младшая дочка Галя стала даже чемпионкой Москвы по слалому среди юниоров.

Реже я стала ездить на малую родину, когда вышла замуж и появились дети. К тому времени двоюродные выросли, тетя умерла, и связь моя с малой родиной стала ослабевать.

Крылатское с конца 50-х в числе первых пригородов Подмосковья стало частью Москвы. А накануне Олимпиады-80 пришла информация о том, что там построят велотрек и гребной канал, а всех жителей переселят в другие районы города.

И тут я встрепенулась: как же так – не будет больше моей малой родины. Никогда уже не будет! Острое чувство скорой и неотвратимой утраты не давало думать ни о чем другом. Муж, видя

мою маету, в ближайший выходной посадил всех нас в машину и повез прощаться с Крылатским.

Давненько же я там не была и потому случившиеся перемены восприняла остро. «Не зная брода» и свернув с шоссе не там, где надо, мы едва не угодили на велотрек, но вовремя вырулили обратно. Нижняя часть села, где находился дом тети Ани, уже была выселена и снесена, там строился гребной канал.

Когда повернули на мою родную Горку, я не знала, что там увижу. Дом наш был давно продан, его новых обитателей я не знала. Оставалась одна семья – моей школьной подружки Ани, которая еще могла бы меня признать.

И что вы думаете: на середине Горки, где наши дома стояли друг против друга, около дома подруги на лавочке сидит ее мама, моя любимая тетя Катя! Сидит, как будто ждет именно меня.

Как же я была утешена этим: самое родное, самое любимое существо, как олицетворение моей малой родины, обнимает меня в час прощания с родными местами! Будь я в этот момент одна, наверное, мы с тетей Катей порыдали бы всласть... Я представила ей моего мужа, дочек и сынишку, спросила про мою подружку, окинула последним взглядом то, что было мило моему сердцу, и мы отправились в обратный путь.

Когда волнение немного улеглось, я рассказала детям, чем знаменита тетя Катя: в ее большой семье щи и кисель всегда были вкуснее, чем у мамы.

Гораздо позже мама рассказала, что она специально носила тете Кате щи и кисель из нашего дома, зная, что там я съем их с удовольствием. А еще это тети-Катин сын Алексей нес меня на руках, когда я сломала ногу – ну, а когда мужчина несет тебя на руках, такое не забывается!

Много лет спустя моя племянница, которая в то время работала в новом Крылатском, провезла нас с сестрой вдоль нового микрорайона, с тем чтобы мы показали хотя бы примерное место, где стоял наш дом во времена нашего с сестрой детства. Но там так все изменилось, что мы так и не смогли уверенно определить его. Так я вторично простилась с моей малой родиной, и на этот раз окончательно.

Остров моего детства

Ирина Шибанова

*родилась в 1949 году.
Окончила Московский
инженерно-*

*экономический институт
им. Серго Орджоникидзе.*

*В течение 36 лет
работала экономистом
в авиакомпании «Аэрофлот».*

*Рассказы начала писать,
когда стала заниматься
в «Московском долголетии».*

Иногда возникают вопросы о прошлом родителей, бабушек и дедушек, а спросить уже не у кого. Было время, когда на все вопросы нам ответили бы, но тогда мы их не задавали: были молоды и думали о будущем. И правильно делают люди, которые садятся и описывают свою жизнь, чтобы потомкам было где найти ответы на возникающие вопросы.

Я хочу рассказать о том месте, где я росла. Это – остров. Он находится на северо-западе Москвы. Правда, островом это место стало не сразу, а после того, как в 1937 году построили судоходный канал района – Карамышевское спрямление. Проект включал в себя шлюз с шестью башнями и прилегающие к нему технические сооружения, плотину с гидроэлектростанцией, маяк и жилой дом для работников. В результате строительства канала Мневниковская пойма превратилась в искусственный остров.

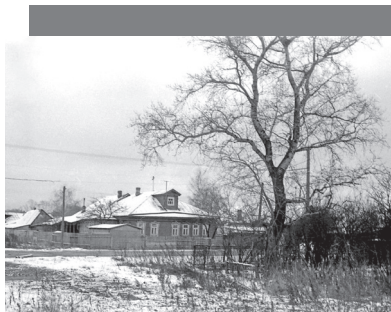
Через реку с одной стороны был лес. Этот берег высокий, сплошь покрыт большими деревьями, а на горе проглядывал белый дом с колоннами. Моя бабушка, а она была 1895 года рождения, рассказывала, что до революции это была усадьба Солдатенковых.

И она, вместе с другими девчонками из деревни, ходила туда мыть полы, а за это им давали конфеты. Хозяином усадьбы был Козьма Терентьевич Солдатенков – крупный текстильный фабрикант и книгоиздатель. За богатое и щедрое покровительство искусствам Солдатенков получил прозвище «Козьма Медичи». В 1911 году открылась построенная на его средства бесплатная больница для бедных. В настоящее время это городская клиническая больница имени С.П. Боткина. На одном из административных зданий больницы помещен барельеф с фигурой Козьмы Терентьевича. А лес стал парком Фили.

Через реку с другой стороны место низкое, заливной луг. Туда вброд гоняли пасти коров. А мы с бабушкой ходили на луг за опятами, их там было «море». Сейчас на этом месте Гребной канал, а за ним – Крылатское.

На острове были две деревни: Нижние Мневники и Терехово. Был колхоз с коровником, на полях выращивали кукурузу и разные овощи. В Терехово находился завод «Галалит», где делали из пластмассы пуговицы, расчески и так далее. Около завода – конечная остановка автобуса № 38, который ходил до Белорусского вокзала. Была школа, где училась моя мама, а с первого по пятый класс – я. Было два клуба: клуб завода «Галалит» и колхозный, где показывали кино и выступала местная самодеятельность.

Все свободное время ребятня носилась по деревне. И взрослые не волновались, потому что чужих детей не было, присматривали за всеми. Летом целыми днями мы пропадали на речке. Однажды я чуть не утонула. И один мужчина

на берегу, увидев, как я то погружаюсь в воду с головой, то вынырываю, подплыл ко мне, велел успокоиться, положить руку на его плечо и плыть к берегу. Едва мои коленки стали задевать дно, я лишилась последних сил. Еще я обожала кататься на велосипеде, но так как своего у меня не было, то брала «велик» у мальчишек и носилась по деревне, как угорелая. Зимой на чем попало скатывались с высокой ледяной горки, которую называли Гончарка.

Соединял нас с остальным миром мост через шлюз на Карамышевской набережной. Мы ходили наблюдать с моста за тем, как разные суда, катера, баржи заходят в шлюз, за ними закрываются ворота. Вода в шлюзе или откачивалась, или наполнялась в зависимости от того, какой уровень воды за воротами, через которые суда будут выходить. Позже остров соединили еще одним мостом с районом Крылатское. В семидесятые годы прошлого века дома в деревнях начали сносить, людей переселять в квартиры. Мы получили квартиру в Строгино. Основную массу домов снесли в восьмидесятые годы, последние дома в Терехово – года три назад. Недавно рядом со старым мостом через шлюз перекинули большой красивый мост, построили две станции метро Большой кольцевой линии: «Мневники» и «Терехово». Сейчас на острове идет большое строительство: возводятся жилые дома и планируется спортивный комплекс.

Вот такой он – остров моего детства.

В Сандунах все равны

Ближайшие к нам бани назывались Сандуновские или Сандуны, куда мы с отцом ездили один раз в неделю на троллейбусе с № 15 или № 15к. Это были самые знаменитые в Москве бани.

Бани эти получили название по имени своего первого владельца и основателя – Силы Николаевича Сандунова, известного актера XVIII века. Настоящее имя его было Силован Зандукели, происходил он из старинного и благородного грузинского рода. Его предки приехали в Россию вместе с царем Вахтангом VI в правление Петра Великого, верой и правдой служили русской короне. На его свадьбу с Елизаветой Урановой Екатерина II подарила им дорогие бриллианты, они реализовали этот подарок и приобрели участок земли по реке Неглинной для постройки доходных домов и магазинов. Однако что-то повлияло на их первоначальный замысел, и они решили построить новые современные бани. Эта задумка была осуществлена к 1808 году.

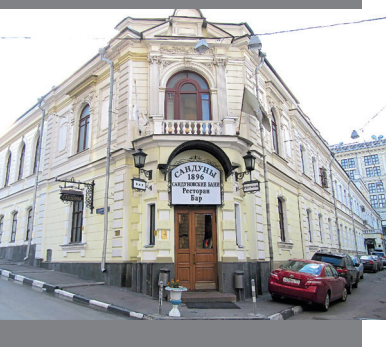
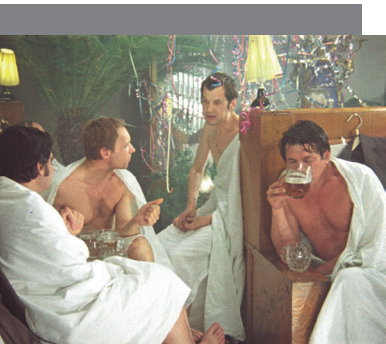
Популярность бань росла из года в год, не изменившись после войны с Наполеоном, однако семейный союз хозяев вскоре распался, бани перешли в собственность бывшей жены, но сохранили свое изначальное название.

В течение XIX века бани не раз меняли владельцев. В 1869 году их приобрел купец-домовладелец Иван

Борис Келехсаев

родился в 1948 году. Детские годы провел на Арбате. Окончил МВТУ им. Н.Э. Баумана в 1972 году. Работал в различных НИИ, где занимался разработкой электронной аппаратуры. Кандидат технических наук. Автор более 100 изобретений. Увлекается сочинением стихов и музыки, написанием авторских песен. Автор книг на исторические темы.

Григорьевич Фирсанов, а после его смерти в 1881 бани перешли к его единственной дочери, Вере Ивановне.

Вторым мужем Фирсановой стал сын генерала Ганецкова Алексей, который после поездки по Европе решил построить на месте старых бань новые. Для этого в 1894 году Алексей Ганецкий нанял известного архитектора Бориса Фрейденберга, но тот после ссоры с заказчиком покинул Москву.

Здания бань были достроены архитектором Сергеем Калугиным (при участии В. Чагина). Бани были открыты для посетителей 14 февраля 1896 года. Этот день особенно примечателен для Сандунов: еще в XVIII веке это дата, когда состоялось венчание Елизаветы Урановой с Силой Сандуновым, а также 14 февраля были открыты старые Сандуны. Торжественное открытие бань стало громким событием в светской жизни Москвы. Название Сандуны сохранилось прежним, ибо оно было широко известно и несло, как сейчас говорят, бренд той эпохи.

Новые Сандуны стали образцом московской банной индустрии благодаря передовым инженерным решениям. Воду бани брали по особой водопроводной нитке, в том числе и из 700-футовой артезианской скважины. Электрическое освещение питалось от собственной электростанции. В бане было занято около четырехсот банщиков.

Отделения бань были рассчитаны на разных по доходам и положению людей. Цены в общие отделения варьировались от 5 до 50 копеек в зависимости от разряда. Для номерных отделений Сандунов цены были чуть выше, от 60 копеек, и доходили до 5 рублей. Три самых дорогих кабинета включали в себя пять комнат, раздевальню,

гостиную, будуар, баню и парильню. Для ожидающих своей очереди клиентов было оборудовано пять отдельных залов.

Сандуновские бани, Петровский (Фирсановский) пассаж и знаменитый Фирсановский приют в Электрическом переулке – это тоже память об одной из первых русских деловых женщин, однако в те времена их не называли бизнесвумен.

В 50-е годы я не знал эти интересные подробности, мы просто переходили вместе с отцом Гоголевский бульвар на сторону с четными номерами домов, вдоль которых троллейбус № 15 вез нас в Сандуновские бани по маршруту: «Гоголевский бульвар, Арбатская площадь, Никитский (Суворовский) бульвар, Никитские ворота, Тверской бульвар, Пушкинская площадь, Страстной бульвар, Петровские ворота, Петровский бульвар, Трубная площадь». Стоимость проезда зависела от количества остановок, поэтому кондуктор, который постоянно находился в каждом троллейбусе, имел для продажи несколько рулонов билетов разной стоимости, а именно: рулоны с билетами по 20 коп., по 10 коп., по 5 коп. При покупке билетов пассажир называл остановку, до которой ему надо было доехать, а кондуктор, отрывая соответствующие билеты от своих рулонов, набирал и продавал, как правило, от одного до трех билетов на нужную стоимость.

Сумка, висевшая на плече кондуктора, всегда была набита мелкими деньгами, в том числе и металлическими копейками, поэтому проблема со сдачей никогда не возникала.

Мало кто вспоминает многочисленные случаи в городском транспорте, когда невозможно было подойти к кондуктору в битком набитом автобусе или троллейбусе, и пассажиры передавали свои деньги людям, кто находился ближе к кондуктору, а те – следующим пассажирам, и наконец, кондуктору. А затем билет даже со сдачей возвращались по обратному пути нужному пассажиру.

В моих воспоминаниях Сандуны – это баня, куда все приходили помыться без предварительной записи, в порядке общей очереди покупали билет, ведь в бане все равны. У входа, где продавали билеты, нередко наблюдалась очередь, но, купив билет в баню, некоторые люди плавно перемещались к прилавку, где продавали на разлив пиво в кружках, а иногда и соленые баранки к свежему пиву, здесь не торопились.

Перед витой лестницей в Сандуновские бани, над окошком, через которое страждущие получали пиво, помню надпись на транспаранте большими печатными буквами: «ТРЕБУЙТЕ ДОЛИВА ПИВА ПОСЛЕ ОТСТОЯ ПЕНЫ!». Я помню, как поднимался

по крутой винтовой лестнице со скульптурами красавиц, держащими электрические лампочки, запомнились в предбаннике мягкие кожаные кресла, имевшие специфический запах, и крючки для одежды. Раздевшись догола, посетители входили в огромный зал с очень высоким потолком, на глаза иногда попадались полуголые банщики, которые и в предбаннике, и в общем зале всегда носили спереди клеенчатые фартуки.

В общем зале для мытья стояли большие лавки из мрамора или камня; когда кто-то подходил к освободившейся лавке, занимал ее, то сначала обязательно предварительно ошпаривал лавку горячей водой. Для этого горячую воду наливали в тазик, который чаще называли шайкой, подходили с пустым тазиком к металлической полке, на которую его и ставили.

Над этой полкой на расстоянии около полуметра располагались две трубы, одна с холодной, другая с горячей водой. Вода в трубе, диаметр которой был раза в 2–3 больше, чем на кухне в нашей квартире или в ваннах комнатах солидных домов, перекрывалась краном, но это был не обычный вентиль, а похожий на задвижку с толстой деревянной ручкой, которая действовала, как рычаг, предохраняя пальцы рук от ожогов. Меня всегда удивляло, с каким сильным напором бежала вода из открытого крана.

Тазики или шайки в 50-е годы были сделаны не из цветного пластика, который используют сейчас в Сандунах, а из оцинкованного железа. Каждая шайка для удобства таскать воду с двух противоположных сторон имела плоские ручки из того же материала.

Парилка бани в моей памяти не сохранилась, думаю потому, что там никогда не был, а вот бассейн в Сандунах я помню, он был большой, запомнилось, как ходил вокруг него, но не купался, плавать еще не умел.

Запомнился также цвет воды, который, как оказалось позже, очень похож на цвет моря, где я побывал первый раз, когда мне было 13 лет.

Поразили меня очень в бане и необычные душевые – в одной из них что-то наподобие душа Шарко, где можно было оказаться под толстой струей воды, бившей тебя в грудь или спину, а в другой был настоящий циркулярный душ. Этот душ произвел на меня особенно сильное впечатление, многочисленные тонкие струйки воды не только меня щекотали, но и почему-то сильно пугали.

Забыл сказать, что в предбаннике всегда стояли белые напольные весы, с помощью которых можно было измерить свой вес, не подумайте, что весы цифровые.

Сухарева барышня

«Если ты не знаешь, куда идешь, любая дорога подойдет», – писал Льюис Кэррол, автор «Алисы в Стране чудес». Куда идти, Анна знала. Выбираясь из подземного лабиринта, радовалась сохраненному имени улицы и удивлялась названию станции метро. Вот и в это солнечное майское утро неволью промелькнула мысль:

– Кому же пришло в голову столь нелепое название? «Колхозная»... Это надо же так назвать площадь и станцию метро на Садовом кольце, которое и сады-то свои потеряло, – удивлялась она, свернув с Большой Колхозной площади на Сретенку. Именно ее Анна выбрала улицей для неспешных прогулок и покупок во второй половине 80-х годов XX-го столетия. А может, древняя Владимирская дорога, ведущая на северо-восток еще до основания Москвы, ставшая в XVII веке улицей, сама позвала ее? Не исключено. Анна хорошо помнит их первую встречу, когда шла вдоль, заглядывала в переулки, и все они казались ей знакомыми, словно была здесь не впервые.

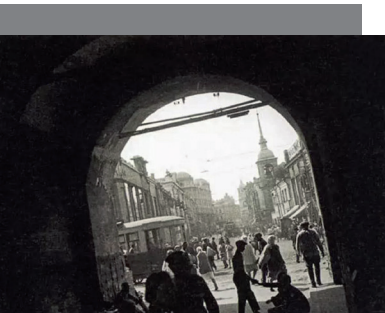
– Дежавю – не иначе! Возможно, и вас посещало это странное чувство – ее же оно и поразило, и обрадовало.

Сегодня, в субботу, она шла легким шагом по маршруту, который составила однажды интуитивно, но повторила

Елена Князь

родилась в 1956 году. До пенсии работала руководителем направления АО «Ростелеком». В «Московском долголетию» изучает немецкий и испанский языки, посещает экскурсии «Пешего лектория».

с регулярной настойчивостью: «Продукты» – в доме № 27 и «Универмаг» – в доме № 4. Ее рост модели, фигура с тонкой талией, русые волосы и светло-карие глаза, открытые миру, привлекали внимание прохожих. Видная – одним словом! Заинтересованные взгляды мужчин и настояренные – женщин не смущали, она следовала четкому плану.

Анна знала, что в начале улицы, напротив обезглавленного в 30-е годы XX-го столетия Храма Успения Пресвятой Богородицы в Печатниках, отдохнет с трофеями из магазинов на лавочке в сквере, окруженной нежной зеленью. А затем поднимется по железной лестнице в кафе, приютившееся в торце дома № 2/4 на Малой Колхозной площади, и выпьет кофе, приготовленный в джезве на песке. Настоящий ароматный кофе с пенкой!..

Давку до треска ребер при открытии дверей всем известных магазинов, змеевидные очереди к их прилавкам она старалась по возможности избегать. Прямая ветка метро довезла бы ее от Измайлово, где Анна теперь жила, до ГУМа и «Детского мира» всего за 15 минут, но Сретенка была милее. Мещанки – ее прабабушки, бабушка, мама и она, как их с презрением называли, рождались и жили в домах с высокими потолками, украшенными лепниной. Анна с грустью порой поглядывала на низкие и неровные, как стиральная доска, потолки своей квартиры, которые могла потрогать, чуть привстав, и вспоминала дом детства, в котором родилась. Утешало, что кирпичный девятиэтажный дом был расположен у самой кромки огромного Измайловского парка.

Сретенские субботы, с их историческими зданиями и небольшими

магазинами без диких очередей, были необходимы ей в эти годы всеобщего дефицита и унылых полок без товаров, как свидания в ранней юности... Сделав покупки, она, довольная собой, присела на затененную цветущей сиренью лавочку сквера и погрузилась в ее сладкий аромат.

Да и как не побаловать себя, купила и нужные продукты, и «выброшенные» товары: яркий ранец для 10-летней дочери и даже детские колготки подходящего размера для 5-летней младшей. Да, да, именно «выброшенные» в продажу, а не присутствующие в открытом доступе покупателям.

Сидя в сквере самого короткого бульвара, Анна почему-то вспомнила фото 30-х годов с аркой Сретенских ворот в основании Сухаревой башни, которые продержались дольше всех охранявших когда-то въезд в Земляной град Москвы, в место многолюдное и оживленное. Она наслаждалась ароматом сирени, когда проходящая мимо пестро одетая цыганская семья привлекла ее внимание и подбежавший внезапно мальчуган, глядя пристально в глаза, сказал:

– Позолоти ручку, погадаю, – сверля ее огромными черными глазами и настаивая.

– Догоняй своих! – твердо ответила Анна, стремительно встав, и, бросив взгляд на стоящий напротив Храм Успения Пресвятой Богородицы в Печатниках без куполов, ставший музеем «Советская Арктика», направилась с сумками к метро.

– До утра не доживешь!.. – кричал истово вслед мальчуган.

– До утра не доживешь!.. – неслось многократно вдогонку.

Анна не боялась проклятий, сглазов и смотрела прямо людям в глаза. В ее семье свято верили, что умышленное зло наказывается и непременно вернется к недоброжелателю. Однако ярость цыганского ребенка была и непонятна, и неприятна.

И вот ночью, во сне, не чуя под собой ног, она бежит от проклипающего ее черноглазого чумазого мальчугана по Сретенке, освещенной лишь огненным шаром луны.

Анна абсолютно уверена, что мощные каменные стены Сретенской башни, которую построил Петр Первый, непременно защитят, а откидные ворота, пропустив ее, закроются, и она уже неспешно отправится пешком по древней дороге, как ездили и ходили в разное время Юрий Долгорукий, Сергей Радонежский, Андрей Рублев, Дмитрий Донской...

– Только бы добежать, не поддаться леденящему ужасу, следующему по пятам!.. – Быстрее, быстрее, – торопится сердце.

Топот босоногих по булыжной мостовой почти настагает, проклятия, как град, сыпет уже вся бегущая сзади цыганская семья. Луны не видно, прячется в облаках. Погружена слобода в сон, ни одного огонька в окнах домов, спят мастеровые. Спят и ученики, изучающие «хитростные науки» в Школе математических и навигацких наук Петра Первого. Только у самого верха шпиля мерцает еле видный свет, придающий силы.

И вдруг начинает приближаться огромный корабль с устремленной гордо ввысь мачтой. Да нет же, не корабль, а нарядные двухэтажные палаты с четырьмя маленькими шатровыми башенками, и над ними – стройная восьмигранная трехъярусная «Сухарева барышня», невеста кремлевского Ивана Великого, как окрестили ее москвичи, с надвратной иконой Иверской Божией Матери! Уже совсем рядом неприступные стены! И что же видит Анна в освещенном и открытом настезь окне верхнего яруса гордой красавицы – молодого Петра Первого и его верно соратника Якова Брюса, стоящих у телескопа.

– Зело борзо бежит, кабы и мои стрельцы так на поле брани, а! – говорит царевич, смеясь. – Не дадим супостатам красну девицу одолеть, откроем ворота!

– Как хорошо, что не спится им, какие-то хитрые науки постигают, – едва успела подумать она.

– «На Сретенке ночной надежды голос слышен...» – запел где-то совсем рядом знакомый бархатный голос.

Выплыла из-за тучи рыжая луна, осветила переместившийся циферблат с неподвижной стрелкой часов, сверкнул скипетр двуглавого орла с державой в лапах и якорями, венчающего шпиль, и тяжелые ворота башни опустились для Анны!.. Топот босоногих стал таять в ночной мгле... Победный крик вырвался из ее груди!.. Она открыла глаза...

Сретенка, твои каменные дома середины XVIII века выстояли в пожаре 1812 года!.. Тебя не расширили, не выпрямили, не соединили с Ярославским шоссе, а лишь заменили булыжную мостовую на асфальт в бушующем XX столетии!.. Ты, как могла, старалась сохранить очарование древней слободской Москвы XVII столетия, Петровской эпохи. Несомненно, твои 680 метров – уникальный памятник Москвы! Как удалось тебе выстоять и остаться собой в череде бурь и лихолетий?.. И как же одиноко, без сомнения, колокольне Ивана Великого теперь без своей невесты «Сухаревой барышни» в Московском Кремле...

В сердце и в песне

«Москва! Как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!
Как много в нем отозвалось...»
А.С. Пушкин «Евгений Онегин»

Эти слова у меня в сердце, я люблю Москву и горжусь тем, что я москвичка в третьем поколении. А еще я люблю песни о Москве и с удовольствием их пою.

«Хорошо на московском просторе,
Светят звезды Кремля в синеве...»

Вспоминаю 9 мая 1945 года. Мне три года. Я на плечах у отца на Красной площади. Салют! Красочные, яркие всполохи ракет, очень сильные, звучные выстрелы. Но я их не боюсь. Ведь вокруг меня много людей, радующихся, поющих, светящихся счастьем. Вот с этого эпизода моей жизни я осознаю и помню себя. Салют Победы врезался в память.

«Этот день Победы
Порохом пропах.
Это праздник
С сединою на висках,
Это радость со слезами на глазах,
День Победы!»

А Красная площадь стала самым главным и любимым местом в Москве:

«Я люблю тебя, Красная площадь,
И кремлевских курантов бой...»

Анна Соседова

*родилась в 1942 году.
Инженер-экономист,
ветеран труда. После
выхода на пенсию ушла
в предпринимательство,
была генеральным
директором
ООО «Аюрверда АС».
Анна – активный участник
проекта «Московское
долголетие», занималась
по семи различным
направлениям.*

Я росла в послевоенные годы – 40-е и 50-е – и видела, как на моих глазах хорошела столица, разрушенная войной.

«Не сразу все устроилось,
Москва не сразу строилась...»

Вырастали новые корпуса заводов, школ, больниц и, конечно, жилые дома. Я жила в кирпичном пятиэтажном шести-подъездном доме. В квартирах – длинный коридор и шесть комнат. В каждой семье по несколько детей. В нашей было четверо, я старшая. Дома мы почти не сидели:

«... и при всякой погоде
Пропадали пропадом мы во дворах.
Через года слышу мамин я голос.
Значит, мне домой возвращаться пора...»

Двор был очень большой и пыльный, даже трава не росла. Большое количество детей из нашего дома и рядом стоящих небольших домишек топтались здесь целыми днями. Игры самые разные – от скакалок и лапты до казаков-разбойников.

«А еще старики,
Что все так же стучат в домино».

А зимой заливали каток, устраивали горки с санками и ледянками. Домой приходили промокшие от снега, сушили одежду и валенки на батареех, мазали чем-то цыпки на руках. Дети редко болели, а главное – жили дружно и весело и дети, и родители:

«Легче вдвое дело любое
Спорится у друзей».

А посмотрите, какие теперь современные дворы: красота, да и только! Инфраструктура продумана, много зелени, детские площадки благоустроены – все для хорошего детского отдыха. А где дети? Как ни выгляну в окно, вижу: сидит на скамейке одинокая мама с телефоном, а ребенок возится в песочнице. Нет общих игр, дети растут индивидуалистами. Больше сидят в интернете.

За последние десятилетия Москва сильно изменилась к лучшему. Нет тех пыльных дворов моего детства. Москву моют, чистят, убирают, озеленяют. Постоянно ведут тротуарно-бордюрные работы. Создают новые места отдыха: скверы, бульвары, парки. Я очень люблю наше Бульварное кольцо. В свое время назначала там встречи и даже свидания:

«Вот и стало обручальным
Нам Бульварное кольцо...»

А парки! Какие красивые парки в Москве. Клавдия Шульженко пела:

«Я люблю тебя, мой старый парк,
И твои аллеи над рекою.

Не забыть тебя, мой старый парк,
Столько связано с тобою».

Я люблю мой Измайловский парк, живу в этом районе. Там так много интересного стало! А наш Сиреневый сад – вообще чудо из чудес. Отраднo, что восстанавливаются и строятся храмы, музеи, выставки. Это хорошо, народу это нужно:

«Москва – звонят колокола,
Москва – золотые купола».

Русская культура – это то, чем славится со времен Владимира наш народ большой. Благодаря мэру Москвы последнего десятилетия наша столица стала замечательным культурным центром и одной из самых красивых столиц мира.

«Песня плывет,
Сердце поет,
Эти слова
О тебе, Москва!»

А зарубежные гости, приезжая в Москву, любят и удивляются, какой красивой стала наша столица. А уезжая, кто-то говорит с радостью и гордостью:

«Не забыть мне московских прекрасных
Площадей, переулков, мостов».

А кто-то – с затаенной злобой, ведь они боятся и не хотят расцвета Москвы и России, ждут ее упадка. Не дождутся! Расти и процветай

«... милый город,
Сердце Родины моей».

Но есть некая грустинка у меня на сердце: не умрет ли наша Москва как промышленный центр? Где автогигант мирового значения – завод имени Лихачева? Я жила в Пролетарском районе и школьную трудовую практику

проходила на этом заводе. Это был огромный автоград, где кипела трудовая жизнь. Я смотрела и гордилась тем, что хоть немного причастна к этому. А что сейчас осталось от этого завода-гиганта?

Рядом – завод «Динамо» имени С.М. Кирова, который выпускал электродвигатели для всей страны и зарубежья. Я бывала на этом заводе и даже работала там какое-то время. А что осталось от него теперь? Такая же история по всей стране.

– Люди, – обращаюсь особенно к среднему поколению, – умные, продвинутые, думайте! «Вставай, страна огромная! Вставай...» Встаньте из-за компьютеров и смартфонов! Хватит заниматься ерундой! Займитесь делом! Трудитесь каждый на своем рабочем месте: кто за станком, кто – в Госдуме.

«Пусть вороны гибель вещали

И правило пир воронье!

Мужчины,

Мужчины,

Мужчины,

Вы помните звание свое!»

Мне 81 год, я ветеран труда, дитя войны. Наше поколение трудилось

«В буднях великих строек,

В веселом грохоте, в огнях и звонах...»

И, конечно,

«Мечта прекрасная, еще неясная,

уже звала меня вперед».

И пусть вашей прекрасной мечтой и целью будет процветание Москвы и России:

«Мне на этом свете ничего не надо,

Только б в лихолетье ты была жива:

Ты – моя надежда, ты – моя отрада,

В каждом русском сердце ты, моя Москва».

И хочется закончить словами из гимна о Москве:

«И врагу никогда не добиться,

Чтоб склонилась твоя голова,

Дорогая моя столица,

Золотая моя Москва!»

По волнам моей памяти

Мне снится КОСМОС

Марина Ровнова

родилась в Москве в 1953 году, коренная москвичка в третьем поколении. Получила высшее психолого-педагогическое образование и проработала в сфере образования 40 лет. Марина Викторовна имеет звания: «Ветеран труда», «Отличник народного образования». Награждена медалью «В память 850-летия Москвы». Увлекается литературой, пишет прозу и стихи.

В 50–60-е годы XX века Москва жила предчувствием колоссального прорыва человечества в космическое пространство. Как будто сам воздух города был напоен ощущением великих событий. Все только и говорили о предстоящем полете человека в космос.

Коммуналка на Солянке

В то время я училась в первом классе московской школы, расположенной на улице Солянка. В древности на этом месте находился соляной двор – так и называли улицу.

Моя семья жила в самом центре Москвы, недалеко от Солянки, у Яузских ворот, на Устьинской набережной. Мы проживали в коммунальной квартире, в пятнадцатиметровой комнате на первом этаже двухэтажной дореволюционной постройки. Обстановка в комнате была скромной, традиционной для большинства московских семей того времени: две железные кровати, диван, шкаф, комод, стол и стулья. В красном углу висел иконостас.

Из-за тесноты у меня не было своего спального места. Когда семья ложилась спать, мне ставили раскладушку головой под стол. Я представляла себя

в ракете, и частенько мне снился космос. В детстве я мечтала стать космонавтом. Днем, забавы ради, мы с соседскими девочками прыгали на бабушкиной кровати, воображая себя летчицами из отряда космонавтов, готовившимися к полету в космос. Прыгали самозабвенно, с упоением, стараясь достать рукой до потолка, благо он был низкий.

Тогда весь мир, вся страна и столица нашей родины – Москва вступали в эпоху освоения космоса: спутники бороздили просторы околоземной орбиты. Собачки Белка и Стрелка, уже побывавшие в космосе, стали настоящими героями – народными любимицами. Их изображения красовались на жестяных баночках с леденцами и на конфетных фантиках. А в московских киосках продавались открытки и значки, с которых преданно и восторженно смотрели эти первооткрыватели Вселенной.

Дома, в которых мы жили, стояли на пяточке, расположенном на набережной Яузы, недалеко от ее устья – места впадения в Москву-реку. Ветхие строения «пяточка» образовывали несколько маленьких дворов, обрамленных по кругу серыми деревянными сараями, в которых жители хранили нехитрый скарб и дрова. Зимой детвора с этих сараев прыгала в снежные сугробы. В детском восприятии эта забава тоже входила в «подготовку будущих космонавтов».

Сам «пяточок» располагался в низине, над которой проходила дорога, ведущая к Красной площади и Кремлю. В праздники по ней шли демонстрации трудящихся с транспарантами, разноцветными надувными шарами и бумажными цветами. Ребячья гурьбой высыпала на улицу, чтобы с восторгом и замиранием сердца следить за этими незабываемыми шествиями. Часто со взрослыми дети совершали пешие прогулки по набережной Москвы-реки, доходя до Красной площади, чтобы полюбоваться древними стенами и башнями Кремля.

Высотка, как ракета, парит над «пяточком»

А на противоположном высоком берегу Яузы, прямо напротив «пяточка», красовалось величественное высотное здание на Котельнической набережной. Монументальная громада с барельефами и скульптурами, как ракета, взмывала своим высоченным шпилем прямо в небо. Казалось, что высотка огромной птицей парит над Москвой и над нашим маленьким «пяточком», обхватывая его распахнутыми крыльями

фасада и оберегая нас от всяческих бед и невзгод.

В высотке тогда жили выдающиеся люди эпохи: ученые, артисты, певцы, композиторы, писатели. А на первом этаже высотного здания располагались магазины, почта, ателье, парикмахерская, кинотеатр «Знамя». Сейчас это «Иллюзион». Этот кинотеатр любили посещать многие москвичи, в том числе и я. Мне хотелось жить в таком же доме с ванной и горячей водой, хотелось иметь свою комнату и собственную кровать.

Через год папе на работе дали заветную отдельную квартиру в пятиэтажке в районе Черемушек, а еще через год снесли и весь «пятак». В Москве шло интенсивное жилищное строительство. Все обитатели «пяточка» переехали в новые квартиры, в дома-«хрущевки», построенные на окраинах тогдашней Москвы.

Порыв неопишуемой радости

...А пока я сидела одна в комнате за столом и делала уроки. Родители были на работе, дедушка в церкви, бабушка развешивала постиранное белье во дворе. Кошка Дымка мирно дремала на дедушкином диване. Из радиоприемника, висевшего на стене и почти никогда не выключавшегося, доносилась бравурная музыка. И вдруг музыка смолкла. Дымка проснулась, а диктор хорошо поставленным торжественным голосом сообщил:

«Внимание! Внимание! Говорит Москва! Работают все радиостанции Советского Союза! Передаем сообщение ТАСС о первом в мире полете

человека в космическое пространство. Сегодня, 12 апреля 1961 года, впервые в мире летчик-космонавт майор Юрий Алексеевич Гагарин на космическом корабле «Восток» поднялся в космос и совершил один виток вокруг Земли».

Хотелось прыгать, бежать, кричать от переполнявших меня гордости и счастья, поделиться со всеми своей неопишуемой радостью!

Не одеваясь, я выскочила во двор к бабушке. В голубом высоком небе ярко светило весеннее солнце, звенела капель, журчали ручейки. Весь снег еще не успел растаять в низине двора, а в огромной луже величественно отражался шпиль взметнувшегося в небо высотного здания.

– Бабуля, бабуля! Ура! – закричала я. – Радуйся! Прямо сейчас по радио сообщили: «Сегодня впервые в мире наш советский человек поднялся в космос и облетел в ракете вокруг всего земного шара!»

Бабушка, прищипывая пододеяльник деревянной прищепкой, произнесла:

– Ну, и слава Богу! Спаси Господь! Иди, внученька, оденься, а то простынешь!

Через несколько дней вся страна и Москва ликовали, встречая первого в мире космонавта – Юрия Алексеевича Гагарина. Мой папа со своими сослуживцами тоже принимали участие во встрече Гагарина на Красной площади.

А потом последовали полеты Титова, Николаева, Поповича, Быковского, Терешковой. Они были первыми в космосе.

Сейчас на месте моего московского «пяточка» красивый сквер, и ничто не напоминает о прежней жизни, кроме высоких тополей, посаженных еще моим дедом под окнами нашего старого московского дома.

Фидель Кастро в Братске

**Анатолий
Модылевский,
86 лет.**

Он инженер-строитель, работал на сибирских стройках в Братске и Красноярске. Защитил диссертацию в НИИ бетона и железобетона Госстроя СССР (Москва). Доцент строительного вуза и научный сотрудник по тематике «Технология строительного производства».

В мае 1963 года Братск посетила кубинская делегация во главе с команданте Фиделем Кастро Рус, вождем кубинской революции. Известно, что этот визит в СССР поначалу был тайным из-за опасения очередного покушения, организованного ЦРУ. В Москве Фидель стоял на трибуне Мавзолея среди членов правительства во главе с Хрущевым во время военного парада и первомайской демонстрации. Затем кубинцы посетили ряд советских городов, в том числе Братск, Братскую ГЭС.

Утром 13 мая руководители Братскгэсстроя Наймушин и Гиндин показывали Фиделю Кастро Братскую ГЭС, проведя его по эстакаде через всю плотину. Накануне приезда кубинцев в Братск люди были извещены о том, что состоится митинг в Падуне на стадионе «Труд». Этот день заранее объявили на стройке нерабочим, мы на участке были радостно возбуждены. Треть футбольного поля была уже заполнена народом, нам повезло расположиться недалеко от трибуны. У меня был с собой фотоаппарат.

Трибуна была оформлена заранее: два бортовых КРАЗа с откинутыми бортами состыковали в длину, на них установили фанерный барьер, покрытый

красной материей, и на ней во всю длину крупная надпись: «Да здравствует советско-кубинская дружба!» и большие портреты Ленина и Хрущева. Трибуна начала постепенно заполняться народом: делегация кубинцев, человек десять, высокое начальство из Москвы и Иркутска. Трибуна из двух машин была такой большой площади, что на ней разместилось много народу. По бокам ее стояли еще самосвалы, кузова которых были также заполнены людьми с фотоаппаратами, чтобы запечатлеть прибытие Фиделя.

Вдруг раздались крики: «Едут!». Я стоял почти в первых рядах и все хорошо видел, фотографировал. К трибуне подъехала открытая правительственная «Чайка», можно или, лучше сказать, невозможно, представить себе, что за сцена воспоследовала: в машине стоял Фидель, одетый в меховую куртку и зимнюю шапку, на руках теплые перчатки. Команданте был в брюках защитного цвета, заправленных в армейские ботинки. Тысячи людей впились глазами в Фиделя. Он снял шапку, бросил ее на заднее сиденье машины, затем правой рукой вынул из заднего кармана брюк темный кубинский берет со звездочкой, надел на голову, сдвинул чуть вправо и только после этого вышел из машины, широким шагом направился к трибуне. Первое появление двухметрового, стройного тридцатилетнего Фиделя, красавца с черными, как смоль, «цыганскими» бровями, вызвало искреннее восхищение у людей, и над стадионом раздались аплодисменты. Фидель подошел к центру трибуны, где были установлены микрофоны, поднял руку, чтобы поприветствовать и успокоить овации, но не тут-то было. Прошло минут десять, пока не установилась тишина.

Речь его была четкой, эмоциональной, страстной. Фидель никогда не писал своих речей, с пылом импровизировал, по ходу речи выстраивая мысли, аргументы, эмоциональные пассажи последовательно и убедительно, подчиняя их неотразимой внутренней логике. Не прошло и получаса, как люди совершенно поддались его обаянию.

О чем же говорил вождь Кубинской революции и что запомнилось? Первое – это его впечатление от посещения строящейся ГЭС. Он сказал, что был потрясен тем, что люди в глухой тайге, среди скал при больших морозах сумели выстроить такое грандиозное сооружение. «В понимании кубинца, – говорил он, – если в комнате из форточки высунуть руку на мороз в 40 градусов, можно лишиться руки». Говорил он

много о Кубе, о революции. Преклоняясь перед подвигом братских строителей, он посетовал на то, что кубинцы в своей массе не горазды так же трудиться, и это является большой проблемой в подъеме экономики. На этом он подробно остановился, объясняя нам то, о чем не писала советская пресса. Выступал Фидель более двух часов, интересно, вдохновенно, и мы получили большое удовольствие от общения.

Когда являешься свидетелем чего-то необычного, тем более участником исторического события, которое происходит за пределами твоего повседневного окружения, то это необычное воспринимается столь эмоционально, что надолго или навсегда остается в памяти.

Когда митинг подходил к концу, людям захотелось быть поближе к трибуне, к замечательным кубинцам. Началось естественное движение толпы вперед, чтобы сделать фотоснимки на память. Мне это удалось, повезло. Уходя утром из дому, я из своей книги о Хемингуэе вырвал лист с фотографией, на которой изображена встреча писателя с молодым Фиделем, в надежде получить автограф. Когда толпа начала волнами раскачиваться вперед-назад, вплоть до самой трибуны, я попытался через стоящих впереди меня людей передать этот листок на трибуну и во время очередной «волны» удалось это сделать – мой листок передали на трибуну седовласому члену кубинской делегации. Он взял листок и посмотрел на нас. Я поднял руку и жестом попросил передать листок Фиделю, но кубинец также жестом, чуть подняв ладонь, ответил, что это сделать неудобно, и я его понял. Затем он достал из бокового кармана авторучку, написал несколько

слов, расписался и указал дату. Листок возвратился ко мне чуть порванным с угла, но все же с автографом.

Непреднамеренное раскачивание многотысячной толпы было чревато – неуправляемая, она могла снести трибуну, не дай бог были бы жертвы. Милиция и солдаты всеми силами старались сдержать людей, которые каждый раз приближались к трибуне почти вплотную. Стоящий там первый секретарь Иркутского обкома КПСС Щетинин, естественно, обеспокоенный ситуацией, стал неистово кричать солдатам: «Осади! Осади!». Слава Богу, все обошлось, митинг закончился, люди стали расходиться со стадиона. Я подошел к нашим машинам, встретился с коллегами. У меня и у них в ушах стояло это грубое, нечеловеческое, скорее скотское «Осади!». Неужели – сказал я в сердцах – Щетинин не нашел другого слова, кроме этого «осади», которым пользовались царские конные жандармы, разгоняя народ. Мы, конечно, понимали, что это наше родное, советское отношение местного царька к народу, но все равно было неприятно и несколько партийному боссу не прибавляло авторитета.

В центре событий – телецентр

Любовь Васютина

*родилась в 1960 году
в Москве.*

*По образованию –
инженер-радиотехник.*

*Всю жизнь верна
своей профессии.*

*Работала в Телецентре
и в Мосэнерго.*

*На Олимпиаде-2014
в Сочи была*

*в числе организаторов
технического*

сопровождения

*по всем олимпийским
объектам. В «Московском*

долголетию» занимается

в театральной студии

*и в литературной
мастерской «Живые*

строчки».

С детства я мечтала работать в телецентре «Останкино». Папа объяснял, что красивые ведущие попадают в телевизор путем трансляции из студий телецентра. Тогда это был просто набор магических слов. Теперь радиотехническое образование позволило мне заявить о себе в отделе кадров «ТТЦ Останкино». После собеседования мои документы остались на столе сотрудника. Ему они показались достаточно убедительными, чтобы подыскать для меня вакансию.

Мечты сбываются

Я шла вдоль пруда, гладь которого переливалась всеми оттенками голубого, как створка раковины, хранящей драгоценную жемчужину, и вдруг подумалось: «Какие счастливые люди приезжают сюда на работу. Каждый день они видят этот чудесный водоем в окружении зеленых, аккуратно подстриженных деревьев. Вдыхают этот свежий бодрящий воздух. Любуются, как шпиль Останкинской башни устремляется в бескрайнее небо».

Работу предложили в эфирном доме телецентра. И я стала одним из тех счастливиц, приезжающих

в это уникальное место каждый день. Прошло немало лет: я окончила институт, родилась моя ненаглядная дочь, пролетел декретный отпуск. Тем временем телецентр добавлял обороты: в эксплуатацию полным ходом внедрялись цифровые технологии, переоборудовали эфирные аппаратные и студии звукозаписи, начались разговоры о способах приватизации. Неизменными остались только наш уютный бар и зимний сад. Наступил день, когда особая важность и ценность телецентра была подтверждена жизнью.

Я вернулась из декрета в сплоченный, дружный коллектив в начале 90-х. Годы не изменили моего отношения к работе, мне по-прежнему радостно было сюда приходить. Но сезон отпусков ждали особенно, предвкушая отдых в телецентровском профилактории или в доме отдыха в Прибалтике. Лето 1991 года отличалось комфортными температурами, отсутствием затяжных дождей и богатым урожаем.

Я работала по двенадцать часов сменами: день, ночь, отсыпной и выходной. Четырехдневный цикл позволял проводить на даче много времени. Душевные вечера на веранде за чаем после крепкого пара в баньке, купание в летнем бассейне, журчание фонтана, стрекотание кузнечиков, яркий аромат скошенной травы – из этих кристалликов благополучия и радости складывались наши дачные дни.

18 августа 1991 года: на телецентре экстренный режим

18 августа я пришла на работу в ночную смену, планируя утром забрать дочь из круглосуточного садика и поехать в наш загородный рай. Благополучно отдежурили до четырех часов утра и пошли на перерыв, передав вахту сменным инженерам. Когда вернулись, за спинами наших подруг стояли военные с автоматами наперевес. Они явно не относились к числу сотрудников охраны телецентра. Все программы были переключены на выход одной аппаратной, где воспроизводилась классическая музыка. Такой режим вещания считался экстренным. Его вводили в ожидании важных правительственных сообщений.

Мы в растерянности подошли к коммутационному пульту, ожидая разъяснений. Но все молчали. Наши сотрудницы даже не повернули головы в нашу сторону. Стало понятно, что утро оказалось недобрым. Присутствие вооруженных людей

сильно напрягало. Поинтересоваться тем, что произошло, было не у кого. Из руководства рядом с дежурными стоял только насупленный начальник смены. Программу на предстоящий день не принесли. Не появились и сотрудники, которые должны были приступить к работе после нас.

Около получаса прошло в гробовом молчании после официального окончания нашего рабочего времени. Я не выдержала: «Мне ребенка из садика забирать нужно. Кроме меня некому. Нас кто-то сменит?» На мои слова никто не обратил внимания, будто их вообще не услышали. Я в отчаянии присела на стол программатора. Минут через пять дверь аппаратной хлопнула. Вошел незнакомый мужчина в штатском. Вежливо попросил меня собрать вещи и следовать за ним. Я послушно выполнила указания и последовала, попрощавшись с оставшимися сотрудниками. Мы шли по совершенно пустым коридорам и лестницам к центральной проходной, где меня выпустили и попросили без предварительного звонка на работу не приезжать.

«Лебединое озеро» и танки на улицах

Оказавшись на улице, залитой лучами игривого приветливого солнца, мне открылось истинное значение выражения «воздух свободы». Хотя до истинной свободы было еще далеко. Здание окружал двойной строй солдат. Они стояли плотно, плечо к плечу. Оружия я у них не заметила. Зато обратила внимание, что здание телецентра на противоположной стороне оцеплено не было, активное движение по проезжей части отсутствовало, прохожие не сновали по тротуарам. По коже пробежал холодок. Тут же вспомнились «Советы постороннего» для проведения успешного восстания: «...Чтобы непременно были взяты почта, телефон, телеграф, вокзалы и мосты...» На столичных улицах появились танки. На всех телеканалах царил «Лебединое озеро». В новостях объявили ГКЧП... Как потом окажется, этот странный путч стал предтечей развала СССР. Бархатный август стал «черным» августом.

Сопровождающий, наблюдавший за мной сквозь стеклянную дверь, среагировал на вопросительное выражение моего лица: «Да. Транспорт временно не ходит. Можно пешком до метро или на электричку». Я машинально кивнула. Строй солдат разомкнулся. И ноги сами понесли меня прочь. Солнце успокоительно грело руки, лицо и голову. Ветер ласково

теребил волосы и подталкивал в спину. Но меня знобило от неизвестности. Как добралась до садика, не помню. Дежурная няня робко спросила: «Вы из телецентра сейчас?» Взгляд мой красноречиво ей ответил. И больше вопросов не последовало.

На дачу мы не поехали. Этот ясный погожий день мы провели в парке. Я выяснила причину сложившейся ситуации, осознала всю ее серьезность. И ценность добрых семейных отношений вдруг стала еще выше. Вечером того же дня в эфире прозвучали привычные позывные радиостанции «Маяк». Значит, обошлось все без крови. Значит, договорились и будем стараться жить в мире дальше. Можно временно расслабиться.

Высокий градус напряжения

Но политическая жизнь бурлила отчаянно, даже бархатные августовские вечера не сбивали градус напряжения. Август стал черным. Помнится, мне позвонил хороший знакомый с предложением поехать с детьми на митинг к мэрии: «Собирайся! Дочку бери! Историю едем делать! Чуешь, времена какие?! Мы тоже с детьми будем». Слово «дети» тут же переключило мое сознание с политики на семью: «Зачем с детьми? Опасно это. Давайте я с вашими дома посижу, если их нельзя одних оставить». Но он в запале перебил меня: «Ты не понимаешь! Решается судьба страны!» Я отказалась участвовать в мероприятии. Приятель негодовал, обвинял меня в отсутствии гражданской позиции. Объясняться с собеседником не хотелось. Мне хватило зрелища вооруженных людей, стоявших за спинами моих подруг. В серьезности происходившего в то утро сомнений не было ни на секунду.

После нашего разговора я почувствовала, что общество уже не едино. И впрямь, расслоение населения по степени достатка начало расти в геометрической прогрессии. Последние две недели августа мы с дочкой провели на даче у «новых русских», которые приобрели себе коня, но не знали, как с ним управляться. Я нанялась к ним ухаживать за необузданной лошадкой, взятой из табуна, и по возможности поставить строптивца под седло. И признаюсь честно, несмотря на политический катаклизм и безденежье, эти дни были одними из самых ярких и запоминающихся в моей жизни.

Осенью 1993 года телецентр снова оказался в центре событий, в центре борьбы. Была перестрелка и попытка штурма. А в августе 2000 года на останкинской телебашне вспыхнул

пожар, и телевещание было прервано... Это было предвестником больших перемен...

К привычной работе на телецентре вернуться не удалось. Перестройка и приватизация погубили всесоюзное вещание. Многочисленные каналы поделили здание на личные зоны. Центральная аппаратная осталась не у дел. Кроме того, на улице Ямского Поля построили альтернативный комплекс ВГТРК. И только в конце 1997 года мне посчастливилось найти новую интересную работу.

Машина времени

Первая командировка

В декабре 1969 года я поехала в первую в своей жизни командировку в Вильнюс на кондитерскую фабрику «Пяргале». Нас было четверо – двое мужчин и две женщины, все были старше меня. Мне было 24 года, я только окончила институт. Мы занимались научной организацией труда в тарном цехе фабрики.

В Вильнюсе меня многое удивило. Например, в обувной мастерской, где мне меняли набойки, пока я ждала, мне предложили бесплатно кофе. В Москве такого точно никогда не было. Еще было очень хорошо с продуктами, значительно лучше, чем в Москве, особенно с колбасой и курами. Естественно, мы всего этого накупили, нести было тяжело, и я попросила родителей меня встретить 30 декабря в 9 утра на Белорусском вокзале.

Итак, 29 декабря вечером мы вчетвером сели в поезд, заняв все купе. Немного выпили, и все мои спутники уснули. А мне спать не хотелось. В 22:45 поезд подъехал к Минску. Я накинула пальто, надела сапоги и вышла из поезда, увидев через площадь вывеску «Гастроном». Подумала, интересно, а здесь с колбасой так же, как в Вильнюсе, или как в Москве? Как потом

Лариса Бачевская

родилась в 1945 году в военном госпитале в Саратовской области. По специальности инженер-механик, всю жизнь проработала в строительстве. Лариса Дмитриевна в 61 год села за руль и освоила компьютер, а в 75 лет начала писать рассказы. «Неожиданно для себя и моих знакомых во мне проснулась творческая жилка», – делится с нами автор.

оказалось – что-то среднее между Москвой и Вильнюсом. Спросила у курившего мужчины, сколько минут стоит поезд? Он сказал, что 20 минут, и я спокойно пошла в гастроном. Магазин уже закрывался и меня с трудом пустили – все-таки я с поезда. Лучше бы не пустили, но тогда бы не было рассказа. У меня в кармане пальто было 5 рублей, как раз на 2 килограмма краковской колбасы колечками. Я была очень довольна, прижала колбасу, завернутую в бумагу, к груди и быстро пошла к поезду. Даже если бы я бежала, это бы ничего не изменило. На перроне я увидела удаляющийся хвост моего поезда.

Вот стою я и плачу – впервые поехала одна, без родителей и сразу же отстала от поезда. Ко мне подошел милиционер и, узнав в чем дело, отвел меня в служебное помещение вокзала. Там сотрудники связались со следующей станцией Орша, чтобы сняли с поезда мой билет и переслали в Минск, так как без билета я не имела права никуда ехать, а денег у меня не было. Могли бы снять и мои вещи, но я отказалась, дескать, сослуживцы распределят их и заберут с собой. Предполагалось, что самое раннее я попаду в Москву через сутки, спасибо, что не после Нового года.

Но среди работников вокзала нашлись такие энтузиасты, которые не советовали никуда уезжать из Минска. Минск красивый город, не хуже Москвы, замуж здесь вас выдадим, уже два жениха есть на примете, можете выбирать, один лучше другого. Вот попала, думаю себе.

Еду на локомотиве

...И вдруг в помещение входит бригада машинистов, которые должны будут сменить бригаду в поезде из Германии Вюнсдорф – Москва. И они предложили довезти меня в своем локомотиве до Орши. Я с удовольствием согласилась, тем более что этот поезд прибудет в Москву на час раньше литовского. Ну чем не машина времени! И мы поехали. Машинисты рассказывали мне обо всех достопримечательностях, которые встречались по дороге. А я так хотела спать, клевала носом и даже уронила свою колбасу. Когда поезд прибыл в Оршу, на улице была метель, все белым-бело, совершенно ничего не видно. А локомотив останавливается далеко за перроном, и машинисту пришлось взять меня на руки и отнести на перрон, чуть не забыли колбасу, виновницу моих приключений. Там поезд стоял всего две минуты, и я каким-то чудом, не видя куда иду,

уткнулась в мужика в тулупе, который оказался начальником станции. Он всучил мне мой билет и посадил в вагон, поезд тронулся. Какие все-таки в нашей стране замечательные люди! И машинисты, взявшие меня с собой, и работники вокзала, позвонившие начальнику станции Орша, чтобы он в 2 часа ночи вышел с моим билетом на перрон. А если бы все было официально, я бы и к Новому году в Москву не попала – а так мне вся страна помогала.

В вагоне с солдатами

И вот я в вагоне. Сделав несколько шагов, я поняла, что попала в вагон с дембелями, возвращавшимися домой из Германии. Все были в стельку пьяные и у всех были пакеты с едой. Вагон был не купейный, а плацкартный. Проводника нигде не было. Я присела на пустое сиденье. Солдаты стали предлагать мне выпивку и закуску. Я благодарила и отказывалась, я была сыта, одно колечко колбасы я уже съела. В вагоне было очень жарко. Я бы и рада раздеться, но не могла, на мне были драные колготки и рваная футболка. Так я и ехала до Москвы в пальто. Как же мне хотелось в свое купе, они там все спят, а я сижу и страдаю.

В Москву приехала на час раньше

Мы доехали до Москвы в 8 утра, а мой поезд должен прийти в 9 утра, то есть на час позже. И я стала его ждать. Где-то через полчаса я услышала за спиной голос отца, он у меня спросил со спины, куда прибудет поезд из Вильнюса. Они были вдвоем с мамой, и когда я оглянулась, они очень удивились. Но больше всего удивились мои сослуживцы, когда я встречала их на выходе из вагона, они едва не выпали на перрон. Что это значит? Ты же отстала? Как ты оказалась в Москве? Как это понимать?

Договорились так: на работе ничего не рассказывать. Я обещала и обещание свое выполнила. Но это еще не все. Следующая командировка туда же была в марте. Поехали в том же составе. Поезд тронулся, и в купе вошел проводник с сослуживцем. Знакомьтесь – это та самая девушка, из-за которой мы перед Новым годом всю ночь не спали. Оказывается, три часа, пока в Орше не сняли мой билет, меня искали по всему составу. Вся моя одежда осталась в купе – брюки, свитер, шапка,

шарф, и было непонятно, в чем же я вышла на улицу. Все смеялись, вспоминали ту ночь, а я рассказывала, как я провела это время и почему оказалась в Москве на час раньше. Это было действительно фантастическое приключение – почти машина времени.

Дверь в иное измерение

Мы путешествуем, ездим на разные экскурсии, ходим в музеи, на выставки и попадаем в... другое время. И раз нам хочется перемещаться, ходить, смотреть, видеть, думать, значит, нам это другое время нужно... Каждому из нас нужно другое время...

Интуитивно мы чувствуем, что время – это загадочная ценность, которая в любой момент может понадобиться, и поэтому ее надо накапливать, как деньги...

В древнем Египте пять тысяч лет назад строили храмы и гробницы. Для чего? Для мертвых? Нет, для живых – чтобы сохранить время. Ощущение другого времени, вообще ощущение времени позволяет чувствовать – что-то есть за этой жизнью. Человек без этого не может. Ему обязательно надо верить, что что-то есть за этой жизнью. Потому что жизнь наша суетна. Даже выходя из дома в уравновешенном состоянии, мы тут же чем-то как бы сминаемся. Автомобиль, спешащий человек. Другая скорость жизни сминает нам душу. А когда душа сминается, то ощущение времени, а значит, и ощущение, что за этой жизнью что-то есть, уходит. И тогда жизнь становится поверхностной, плоской.

Герман Арутюнов

родился в 1950 году в Москве. Член Московского союза литераторов и Союза журналистов России. Писать начал с 13 лет, в основном – дневник и юмористические портреты одноклассников. Живя в большой коммунальной квартире, выпускал юмористическую стенгазету, которая пользовалась у соседей большим успехом. Окончив факультет журналистики МГУ, работал в различных газетах и журналах. Активный участник проекта «Московское долголетие», занимается в театральной студии, учится играть на флейте и фортепьяно. В Центре московского долголетия «На Соколе» ведет клуб «Инсайт», выступает в клубе органной музыки «Принципал».

Почему? Потому что без чувства времени (а оно возникает, когда на нас дышит будущее или прошлое) высокое не востребовано и наша бессмертная душа томится, высокое в ней не включено, а ей это нужно, как нужна мощному мотору работа на больших оборотах. Когда высокое в нас включается, мы и в других людях начинаем видеть это высокое.

С древности люди догадывались об этом и потому, наверное, пытались окружать себя знаками времени: архитектурой, старыми вещами, сувенирами, талисманами, старыми письмами и открытками.

Скажем, какой-то кулон передается из поколения в поколение. Почему? Потому что это не просто красивая вещь. Он несет в себе дыхание прежних поколений. Родные, близкие из других времен, они для нас всегда рядом. Просто не проявляют себя, пока мы их не зовем. У нас с ними прямая связь через вещи, воспоминания. Не думаем – связь не работает. А через предметы эта связь включается.

Настройка на нужное время

Скажем, вы приходите на кладбище, смотрите на надпись на камне, имена, фамилии близких, смотрите на их лица, на цветы, чужие или принесенные вами... А когда мы сами что-то делаем для времени, идет уточнение настройки на нужное время. И начинает работать канал восприятия. Вы вдруг начинаете вспоминать детали, которые были, казалось бы, вообще забыты, или, как вам казалось, вы вообще об этом не знали. И, как правило, это хорошо, потому что в нас высокое работает, оно вытаскивает (раз одна волна) то же высокое и из прошлого (хорошие умные разговоры, хорошие светлые воспоминания), а мелкое, суетное – оно отключено. И в итоге мы уходим с кладбища в просветленном состоянии души и мы благодарны сами себе, что пошли, что включились.

Дыхание разных эпох

То, что в наших бывших помещичьи усадьбах, большая часть которых сейчас или превращена в музеи, или разрушается, например, в том же Архангельском, – это та же попытка владельцев окружить себя носителями времени – высокими символами бытия, вышедшими из рук лучших мастеров той эпохи: архитектурой, ландшафтом, скульптурой, картинами,

мебелью, предметами. И хозяину уже умирать не страшно, потому что если даже у него не было времени заниматься детьми и внуками, свою высокую работу за него потом будут делать эти символы высокого.

В Архангельском, например, собраны скульптуры великих людей всех времен и народов. Вот в какой компании растут дети! Когда к князю Юсупову в XVIII веке приезжали гости, то прежде всего он водил их по аллеям парка и показывал: здесь у меня Древний Египет, здесь – Древний Рим, а здесь – Древняя Греция.

То есть каждый раз при таком показе та или иная эпоха притягивалась, оживала, все ценности этой эпохи всплывали и обогащали человека – дыхание другого времени. К трапезе гость уже был приподнят, торжественно настроен. И тосты за столом за культуру только усиливали этот настрой.

Печаль – лучшее состояние души?

Страдания играют какую-то свою тайную роль в нашей жизни, о которой мы не знаем. Некоторые мыслящие люди, например Достоевский, считают, что страдания, как ни странно, нас совершенствуют. Почему? Наверное, потому, что они тоже что-то высокое в нас пробуждают. Печаль от сочувствия, сопереживания. В состоянии печали мы очищаемся. Потоки слез омывают душу. Поэтому один из великих философов Древней Греции Гераклит Эфесский (535–483 годы до нашей эры) был печальным и провозглашал печаль как лучшее состояние души. Поэтому, если вы печалитесь, не думайте, что это плохо, что вы себя разрушаете. Вы себя очищаете.

Вспомните, как в природе бывает после грозы или даже после дождя. Вначале он идет, стучит, плачет. А потом все словно умыто. Чистота, кристальность. Все краски сверкают. И тишина. И выходишь – воздух особенный, запахи невероятные. Или это мы так чувствовать начинаем? Вот что значит очищение! Природа уподобляется зеркалу, в котором она себя вдруг видит, рассматривает. Так и человек в тишине и паузе видит себя в зеркале собственной души, видит то, что не видел раньше.

Старые вещи – образы времени

Особая тема – вещи, образы времени. У каждого из нас дома есть старые вещи. Если в нашей городской квартире

залезть на антресоль или в кладовку, а на даче или в сельском доме – в подвал или на чердак, то там столько всего!

Вот и здесь, в Доме на Набережной, в одной комнате собраны такие старые вещи из разных квартир. Кто-то принес старый немецкий приемник 30-х годов, на котором его дед мальчишкой ловил немецкие марши. Войны еще не было, немцы были еще нашими друзьями.

Я смотрю на все эти вещи и думаю: как все это интересно и удивительно. Ведь ощущение времени – это для нас другая реальность, дверь в иное измерение. И проникать в эту реальность можно через разные двери восприятия, кому что ближе и комфортнее: через зрение, слух, обоняние, осязание, вкус. Это миры со своими законами. Иногда мы входим в эти двери и впитываем, берем там то, что вам нужно для души... всегда высокое, потому что низкое в эти двери нашей памяти, как ни странно, не проходит...

Версия доктора Филатова

Родился в хорошей семье

Я родился в Хабаровске, в хорошей семье. Родители окончили в Москве Планово-экономический институт и поехали работать на Дальний Восток, в Хабаровск. Работали в Крайплане. Позднее папа работал в Совнархозе, мама – старшим редактором Хабаровского книжного издательства. Сестра моя, младше меня на три года, была кардиологом в Москве, сейчас на пенсии. Моя жена работала в МИД СССР, потом РФ, сейчас также на пенсии, два сына работают в области информационных технологий, а я в этом ничего не понимаю.

Летчиком не стал, но мечту летать сохранил

Первой моей научной страстью была астрономия, было мне тогда лет семь. Потом чем только ни интересовался, а к концу школы тянуло только в два места: в военное летно-подъемное училище (ЛПУ), как назывались тогда училища военных летчиков, и в биохимию. Уже лысенковщина (из-за которой биология в школе казалась тоской зеленой, хотя учителя были замечательные) трещала по всем швам, и на ее место

Феликс Филатов

один из амбассадоров проекта «Московское долголетие». Хотелось написать: ему 80 лет, но, несмотря на это, он занимается несколькими активностями. Нет, Феликсу Петровичу всего восемьдесят, и поэтому он занимается в литературной мастерской, изучает японский и китайский языки. И продолжает активную трудовую деятельность, работает научным сотрудником в двух НИИ. Написал книгу «Клеймо создателя», посвященную одной из версий происхождения жизни на Земле. Пишет прозу и переводит стихи. В своем произведении он рассказывает об интересных поворотах своей судьбы, о науке, о мечте.

становилась нормальная, очень интересная наука, о которой мы ничего не знали, но которая еще оставалась «опасной», поскольку шла вразрез с диалектическим материализмом.

Университет был далеко, даже новосибирский, и я поступил в нечто близкое к биологии – в медицинский институт. А летать... я выучил все таблицы по остроте зрения (лет в пять в детской драке мне повредили глаз, и зрение на этот глаз немного снизилось), поскольку знал, что ЛПУ мне все равно не катит. Но первую медкомиссию прошел. На вторую не пошел, а мечту летать сохранил. И самостоятельно самолет я все же поднял в воздух, пусть даже через полвека.

В чертогах вирусологии

Моя профессия – молекулярная биология вирусов. Никаких великих открытий я не сделал. Открытия – это вообще очень редкая штука. Но всю жизнь занимался наукой.

В частности, занимался ДНК-вакцинами с аэрозольной доставкой против хантавирусов. Идея таких вакцин 20 лет назад была очень новой, но работа была прервана.

Я – соавтор большого обзора по вирусологии *From the Hallowed Halls of Herpesvirology* («В Священных Чертогах Герпесвирусологии»), написанного совместно с коллегами по Лаборатории вирусологии Университета Чикаго, где проработал несколько лет. Кроме того, я написал книгу «Клеймо Создателя», посвященную очень оригинальной гипотезе происхождения жизни на Земле моего друга Володи Щербака. Эта тема в конце концов стала для меня наиболее интересной. Она связана и с происхождением вирусов. Специальных научных статей написал довольно много, сотни две.

Над оригинальной идеей противовирусных генно-инженерных вакцин работали еще в 80-х годах в Институте вирусологии Ивановского. Эта идея легла в основу противокоронавирусной вакцины «Спутник V», которую сконструировали в научно-исследовательском центре имени Гамалеи, это все знают. К этой вакцине я не имею никакого отношения, просто знаю нескольких сотрудников, которые к ней причастны, и принцип ее действия.

Острая вирусная инфекция, если иметь в виду эпидемию, начинаясь, как правило, с тяжелых заболеваний, с годами становится менее опасной, хотя иногда и более заразной. Ковид – пример. И еще: для создания эффективной и принятой повсюду противооспенной вакцины потребовались столетия. Ожидать,

что вакцина против ковида будет эффективной за пару лет – нелепо. Но это категорически не означает, что от вакцинации надо отказываться, это глупость. Процентом на 70 она эффективна. И это позволяет бороться с пандемией вполне грамотно.

Жена не приветствует сидячий образ жизни

Принять участие в проекте «Московское долголетие» посоветовала моя жена Наталия Петровна, которая занималась там некоторыми специальными физическими упражнениями. А тут наступила эра ковида, и все стало онлайн. А я не большой любитель спорта и вдруг прочитал, что в проекте есть даже группы китайского языка! Ну и... стали мы с супругой ходить в группы по интересам. Она с самого начала активно участвует в проекте. Мои увлечения супруга, в принципе, поддерживает. Но она не поддерживает сидячий образ жизни, который я веду, посещая группы онлайн. А мне так удобно: сажусь на стул и оказываюсь в том или ином кружке в соответствии с расписанием. Китайский, японский языки, литературная мастерская. Почему предпочитаю именно эти кружки? Да потому, что интересно, тем более – получается.

Зачем нужно осваивать китайскую грамоту?

Толчком для моего внезапного интереса к китайскому языку послужило совпадение нескольких обстоятельств. Во-первых, интенсивность основной работы потребовала отвлечься на что-то свежее. А в это время «Московское долголетие» предложило самые разные курсы для старшего поколения, которые, по замыслу авторов, должны были сделать старость радостью. Среди всего этого был и китайский язык. Перспектива превратить китайскую грамоту во что-то осмысленное показалась мне тем самым свежим занятием, в каком нуждалась голова, а давняя склонность к графике быстро сделала иероглифы очень понятными и даже привлекательными.

На выбор китайского повлиял также неожиданный и необычный (по крайней мере, для меня) сегодняшней экономической рывок страны. Я помню Китай конца 40-х – начала 50-х годов, он был тогда совершенно запущенной в экономическом смысле страной, а китайцы ничем не выделялись среди общей послевоенной бедноты. Это впечатление сохранялось у меня очень долго, что никак не способствовало интересу к их языку.

Размышления тихой ночью

Когда-то, давным-давно, головокружительное впечатление произвели на меня строки Ли Бо «У самой моей постели легла от луны дорожка...» в переводе А. Гитовича. И позднее – стихотворение Тао Юаньмина «Ученый Чжунвэй любил свой нищенский дом...» в переводе Л. Эйдлина.

Изучая китайский, я познакомился с методом обучающего чтения Ильи Франка. Обо всем подробно рассказывать не буду, но это уникальная методика, желающие могут поискать в интернете. И тут мне попалась подборка китайских стихов «Размышления тихой ночью» (ВКН, Москва, 2021), подобранных в соответствии с упомянутым методом обучающего чтения. Стихов была сотня, и мне пришла в голову идея собрать книжку своих переводов.

Тем, кто читает классические китайские стихи, очень часто требуется – для уверенности в правильном понимании оригинала – некий опорный, то есть профессиональный перевод. Я перевел всю книжку. С помощью словарей, конечно. Но не ко всем стихам нашел опорные переводы. Теперь мои переводы могут также использоваться желающими как опорные. А можно и просто насладиться чтением классической китайской поэзии. Электронная версия книжки опубликована, скоро выйдет бумажная.

Идея написания книги «Клеймо Создателя» возникла в больнице

В Обнинском Институте радиологии, где я лечился, у меня появился океан свободного времени. Мой хороший друг Володя Щербак (к сожалению, уже ушел из жизни) был математиком, а у меня недостаток математического образования, поэтому я долго не мог понять его удивительную идею происхождения жизни. А в клинике было время разобраться. В результате получилась книжка. Книгу двумя словами не перескажешь, ее надо внимательно читать. Она выдержала два издания в России и одно – в Канаде.

Выучить язык и стать безупречным

Слишком поздно появился в моей жизни бард Михаил Щербаков со строчкой своей замечательной песни: «Потом я выучил языки и сделался безупречен». Поэтому безупречным

я так и не стал. И языками не овладел, хотя интересовался многими, например, армянским. А японский – да, к китайскому он близок иероглифами, которые у китайского и позаимствовал. В Японию (я был в Токио), как и в Китай, не собираюсь, а вот книжку хайку, может быть, и соображу – изучая язык тем же методом Ильи Франка.

Хочется о многом рассказать

Я так пописывал иногда. Опыт жизненный большой, есть о чем рассказать, что вспомнить. Литературная мастерская в «Московском долголетии» как раз и помогает отточить навыки. Скоро должен выйти сборник произведений слушателей нашей мастерской. Инициатива издания книги исходила от нашего преподавателя и некоторых слушателей. В сборнике выйдут три моих рассказа из тех, что мы писали в соответствии с домашними заданиями.

В книге будут воспоминания о Москве, рассказы о нашей юности, о жизни вообще. Москву я люблю очень. Мои любимые места – Гоголевский бульвар, Патрики, разумеется, Ивановская Горка, Кремль, Манеж, метро, не сравнимое ни с каким в мире, Строгино и Серебряный Бор, Всехсвятская роща, хотя от нее немного осталось... Нравится то, что Москва стремительно и повсюду строится.

Совет Феликса Филатова взрослым людям:

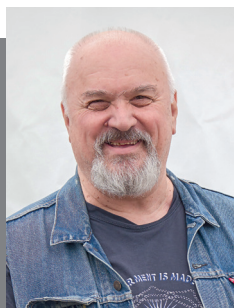
Будьте самими собой и помните ирландскую пословицу «Не теряйте мужества, худшее впереди!»

Вот одно из стихотворений Гун Цзычжоя из книги переводов с китайского языка, сделанных Феликсом Филатовым.

Жизненная сила Поднебесной

Жизненная сила Поднебесной –
это ураган, гроза и гром!
Ты останешься навек безвестным,
если уживаешься со злом.
Я молю: Всевышний, стань гарантом
нашей силы, жалок тот, кто слаб.
Подари нам бодрость и талант быть
смелым, человек без них – лишь раб.

Фото из детского рая

Сергей Проскурин

родился в 1950 году в Карагандинской области.

Окончил Московский авиационный институт по профессии «системы управления летательных аппаратов». Работал в НИИ телевидения и радиовещания.

Сейчас Сергей Павлович занимается предпринимательством. В своем произведении он рассказывает об уникальном эксперименте в сфере образования, когда в нескольких московских школах отменили группы продленного дня и создали «Дом школьника» со множеством кружков и активностей.

Раньше при каждой школе существовали группы продленного дня. Если школьник определялся в такую группу, то после занятий не шел домой, а оставался в школе. В этой группе его кормили, он делал уроки, гулял и шел домой, когда родители возвращались с работы. Стоило это небольших денег, но позволяло идти на работу тем мамам, у кого не было бабушек.

Наверное, в городском отделе народного образования решили создать объединенную продленку для трех соседних останкинских школ: № 271 на «Кашенке», № 294 на Останкинской и моей, № 291 в Пушкинском студгородке. В этих школах ликвидировали продленки и всех школьников перевели в специально построенный «Дом школьника».

Это было красивое двухэтажное здание с огромными окнами, лестницами в застекленных эркерах, прекрасно оснащенное, со спортивным и просторным актовым залами. С широкими коридорами, игротеккой, набитой самыми современными в то время играми, большой библиотекой, классами для подготовки домашних заданий. У здания была огромная территория

с волейбольной и баскетбольной площадками. Вдоль забора высажены смородиновые и крыжовниковые кусты. На территории посажены вишни и яблони.

Это был настоящий детский рай! Как это умели делать в советское время.

Но единственный. Этот опыт больше не повторился. Думаю, что показалось это слишком дорогим. Помимо здания, его оснащения и территории, там трудилось много воспитателей, которые помогали нам готовить домашние задания. Было много кружков и спортивных секций, которым, конечно, требовались руководители.

Кружки, которые мы выбираем

Я выбрал секции спортивной гимнастики, самбо, волейбола и баскетбола. Посещал кружок фотографии, художественной мозаики по дереву. Хотя в кружках мне и было интересно, но ни один из них не повлиял на выбор жизненного пути.

Борьба самбо была у нас недолго. Собственно, до борьбы так дело и не дошло. Мы отрабатывали кувырки назад и вперед. Учились падать. Захваты, отхваты, подсечки и другие элементы борьбы надо было освоить до того, как выйти на ковер, чем мы и занимались целый год. Через год секцию закрыли. Слишком было рано нам заниматься таким спортом.

Секции волейбола и баскетбола для нас были только поводом поиграть.

В кружок красnodеревщиков я тоже ходил недолго. Техникой мы в какой-то степени овладели, а дальнейший интерес мог развиваться только при наличии художественных способностей, которых у меня не было.

С фотографией было интереснее. Сначала нас обучали простым, но необходимым операциям: зарядить пленку в фотоаппарат, перемотать, зарядить в бачок: односпиральный, двухспиральный, бесспиральный с лентой «коррекс» и тому подобные. Все эти операции необходимо производить в «рукаве».

Мне выдали лучший фотоаппарат

По результатам между нами распределяли имеющийся фонд фотоаппаратов. У кого выше оценка, тому и лучший фотоаппарат. У меня была самая высокая оценка, поэтому мне

выдали самый лучший зеркальный фотоаппарат «Зенит-С». Другим достались дальномерные ФЭД, «Зоркий», а последним – «Смена-2», у которой даже дальномеров не было. Всем нам было дано задание: снимать все, что мы захотим. Руководитель предупредил, что лучше снимать природу, потому что людей снимать очень сложно и это надо уметь делать.

На следующий день, умело зарядив пленку, я вышел во двор. На моем плече висел лучший фотоаппарат «Зенит-С». И что же, я буду снимать какие-то деревья и птичек?

А как же похвастаться?

И Тая растаяла...

Мама меня учила не тянуть руку, но не запрещала мне хвататься во дворе.

Как раз вышла из дома напротив Тая Лысова, та самая отличница и красивая девочка, которая училась со мной в одном классе, жила со мной в одном дворе, но внимания на меня не обращала. А тут я с фотоаппаратом на плече, и с каким!

– Хочешь, я тебя сфотографирую? – начал я.

Тая с удивлением и интересом посмотрела на меня.

– А ты умеешь?

– Видишь? В кружке мне выдали самый лучший фотоаппарат, потому что я умею лучше всех.

– А ты и фотографии сделаешь?

– Конечно. Иначе зачем фотографировать!

Это меняет дело, наверное, подумала Тая.

– Подожди меня, я сбегая, переоденусь.

Тая побежала домой, надела мамино платье и мамины туфли. И то и другое было слегка велико, но только слегка, потому что Тая была довольно рослой девочкой, а мама у нее была совсем маленькой. Может быть, поэтому и на меня внимания не обращала. Девчонки не любят мелких ребят, хотя мелким я не был, но по сравнению с ней...

Я, как заправский фотограф, выбирал место во дворе, где ей надо встать. Какой будет фон, как будет падать свет. Тая послушно и с охотой делала все, что я говорил. Я сделал штук 10 снимков. Сказал, что хватит. Мне нужны и другие сюжеты. Тая послушно согласилась.

Я чувствовал, что вырос в ее глазах и даже в них забрезжил какой-то интерес ко мне. Меня распирало от счастья, и поэтому я не слишком заботился о необходимости тщательной наводки

на резкость и держал в руках экспонометр скорее для виду, чем для определения правильной экспозиции. Потом я сфотографировал еще нескольких своих друзей и вышел на улицу, чтобы на пленке была еще и природа.

Пленка оказалась засвеченной

Хвастаясь перед другом выданным мне аппаратом, я показывал, сколько у него рычажков, колесиков и кнопочек и для чего они нужны. Забыв о том, что я не перемотал пленку в кассету, я открыл отсек лентопротяжного механизма на свету. Я тут же спохватился и сразу закрыл его, но нескольких секунд было достаточно, чтобы засветить пленку. Правда, не полностью. Я подумал, что, может быть, обойдется, и ничего не сказал руководителю кружка.

Тот проявил все наши пленки. Показав мне мою, сказал, что на ней можно разобрать какие-то фигуры людей, но пленка засвечена и печатать с нее нельзя. Напомнил, что не рекомендовал снимать людей. Мне было очень стыдно и за мое бахвальство, и за то, что не оправдал доверия руководителя кружка. В то же время я порадовался, что пленка была засвечена. Иначе мне было бы еще более стыдно.

Лучшие фото – у мальчика со «Сменой»

А лучшие фотографии получились у мальчика, которому выдали самый скромный фотоаппарат «Смена-2». И снимал он автобус на нашей 3-й Новоостанкинской улице, который отходил от остановки, и из-за него показался капот «Победы». Фотография была ясная, четкая и динамичная. А еще он снимал деревья и ворон в парке. И тоже с отличным качеством. Руководитель его хвалил и объяснял нам, почему у этого мальчика получились такие хорошие снимки.

В этот момент я сгорал от стыда и понял, что в фотографии мне делать нечего. Хотя в то время у меня были фотоаппарат «Любитель», подаренный бабушкой, и фотоаппарат «Смена-3», подаренный мамой, разуверившись в своих способностях, я больше не занимался фотографией.

Только в 24 года, преодолев комплекс своей непригодности к фотографии, я купил себе фотоаппарат «Зенит-ЕМ» и начал снимать для себя, без потуг на какие-либо достижения в этой области.

Совсем как живые...

**Ирина
Красильникова,
60 лет.**

В «Московском долголетии» занимается в литературном клубе и в кружке по изготовлению мягкой игрушки. Работы Ирины – на фото.

Будучи Близнецом по знаку Зодиака, я с самого раннего детства заслужила у родителей гордое звание: «Драмкружок, кружок по фото, а еще – мне петь охота!» Именно неумная любознательность привела меня в самом лучшем на свете – «серебряном» – возрасте в замечательное «Московское долголетие». Чем я тут только ни занималась! И в каллиграфии свои силы попробовала, и в «Читательской Лаборатории» интересные книги вместе со всеми читала и разбирала!

Очень по душе пришлись мне занятия в Литературном клубе Натальи Корепановой: тут уж бурная фантазия моя развернулась во всю свою мощь! Я и сейчас с удовольствием перелистываю трогательный сборник воспоминаний участников клуба, в котором есть и мои рассказы. И «ВКонтакте» у меня – превеликое множество друзей из клуба, которые, как и я, стали теперь настоящими блогерами.

А нынче я не на шутку увлеклась изготовлением ватной игрушки. Не смейтесь: скажи мне кто-то об этом пару лет назад – я бы и сама его засмеяла! А сейчас... прихожу домой – а у меня на кухне над столом висят милые улыбочивые человечки! Сушатся, болтают друг

с другом о том о сем, очередное занятие нетерпеливо ждут...

– Мне завтра наконец-то крылышки приклею! – заявляет Божья Коровка и тут же запекает тоненьким дребезжащим голоском: «А мне летааааать охота!!!»

– Нет, вначале мастерица мною займется! – обиженно гудит Лесовичок.

– У тебя вот все конечности в комплекте, а у меня еще руки на батарее сушатся! Стыдно сказать: Кикимора на чай пригласила, а мне кружку держать нечем!

– Кивер, полцарства за кивер! – перекикивает всех Заяц-гусар. – Кто-то там, в Бородино, давно уж «кивер чистит, весь избитый», а мне и почистить нечего!

Снова смеетесь? Ну и очень зря! Ватные «малыши» – они совсем как живые! Их такими наша замечательная мастерица Ирина Николаевна Крякова придумала.

Можно было, конечно, «для бабушек» все «помягше да полегше» сделать: примитивных таких снеговичков, грибочки, овощи и фрукты разные... Мало ли что там на елке висит: дети и внуки по-любому рады будут, что бабушка их не ноет и делом занимается.

Но Ирина Николаевна не позволяет себе халтурить ни в чем. Это редкий человек, отдающий нам все свое умение, всю любовь своего горячего сердца. Вы и представить себе не можете, какие модели одежды из ваты мы вместе с ней изобретаем! Как дружно обсуждаем, из чего сделать санки, как смастерить кадучку для Шуки, как «налить» туда «воду», как переплести золотой нитью пуговицы на мундире Зайца-гусара...

И подружки, глядя на мои работы, только головой покачивают: не может быть, чтобы все это делалось из ваты!

Задача Ирины Николаевны не в том, чтобы «спрятать» от всех самые важные секреты. Наоборот, она хочет обучить своему искусству как можно больше терпеливых и искусных мастериц. Чтобы за кропотливым производством ватной елочной игрушки прочно укрепилось звание нашего российского бренда.

На занятия к Ирине Николаевне я пришла в августе прошлого года, когда ее группа уже занималась вовсю. И попала... конечно, не как Чацкий «с корабля на бал», но куда-то вроде этого. Судите сами: «бабушки» (и как выяснилось позже – еще и «дедушки»!) бодро крутили проволочный каркас, который просто раскалялся от желания стать милой девочкой в красной шубке, да еще и с игрушечным медвежонком в руках!

Мудро рассудив, что за кривые и косяе скульптурные «подвиги» никто меня здесь ругать не будет, я вместе со всеми приступила к работе. И только тут поняла, какая же это полезная работа для представителей «серебряного возраста»!

Куколка маленькая, всего 11 см, – вот вам и развитие мелкой моторики рук! Постоянные расчеты обостряют ум. Да и сама работа с ватой предполагает усидчивость и аккуратность.

– Ватная игрушка любит, чтобы ее гладили, – говорит наша главная мастерица.

Я проверяла. И впрямь – любит!

И после этого вы будете сомневаться, что наши «малыши» – живые? Тогда взгляните поскорее на галерею моих работ, сделанных под руководством Ирины Николаевны. Вот Чиполлино сосредоточенно тащит узелок со своими нехитрыми пожитками... Модная Жирафа явно собралась в гости: она дефилирует по мосткам деревенской улицы

с тортиком в коробке и сеточкой с апельсинами... Щелкунчик точит сабельку, готовый сразиться с Мышиным Королем. Многочисленные Деда Морозы и Снегурочки толпятся у дверей: через полгода – Новый Год, а поговорку «Готовь сани летом...» еще никто не отменял!

Кстати, мой Дед Мороз по праву занял свое место в новогодней экспозиции «Зеленого Театра В.И. Никитина», что в Ромашково. И я от души этому рада.

Видели бы вы, как празднично смотрятся ватные игрушки на елке! Ведь Ирина Николаевна учит нас еще и правильно их расписывать: рассказывает о сочетаемых и несочетаемых цветах, тенях в складках одежды, о том, как сделать декупаж и изобразить шубу и шапку, запорошенные снегом.

– Жду не дождусь, когда мне 55 стукнет и я тоже смогу у Ирины Николаевны ватной игрушкой заниматься! – «выдала» недавно моя подруга Татьяна.

А я меж тем расширю свое театральное блогерство обзором детских и взрослых кукольных спектаклей, живо интересуясь у артистов строением кукол и механизмами, приводящими их в движение.

Кто знает – может, и марионеток когда-нибудь делать буду?

03
Любовь в большом городе

Воспоминания навеял листопад

В Москве стоит теплая золотая осень, почти без дождей. Аномальная, как сообщали синоптики. Но это продлится недолго, скоро настанут холода. В такие дни душа просится на природу – побродить по ковровым дорожкам из листьев, послушать их шорох и подышать запахом осеннего леса.

И я отправилась в Царицынский парк исполнить свою давнюю мечту: до своего отъезда на Север посмотреть на реконструкцию знаменитого Екатерининского Дворца, пройти по тропинкам парка в одиночестве. Я не люблю толпу, особенно в часы общения с природой.

Итак, я отправилась на прогулку, несмотря на постоянную тяжесть в ногах в последнее время. Я надеялась присесть где-нибудь в парке и полюбоваться прекрасным ландшафтом, который полностью восстановлен по плану реконструкции, как сообщили по ТВ.

Как только листья зашелестели под ногами, вся повседневная суэта ушла, голова стала легкой и светлой. Внимание полностью переключилось на приглушенные звуки осеннего леса: шорох уже сухих листьев на деревьях и кустарниках, озабоченное чириканье синичек, беспокоящихся о корме...

Татьяна Мясникова

родилась в Москве в 1946 году. Жила и училась в Мурманске по месту службы отца. Окончила Мурманский пединститут и Ленинградский университет по специальности «прикладная социология». Занималась проектами в сфере образования, продвигала передовые технологии в обучении. Начала писать в 2003 году. В 2021 году выпустила сборник стихов и прозы. В «Московском долголетии» выбрала направления: «актерское мастерство», «сценическая речь», «история искусства», «английский язык». Сейчас является активным участником клуба «Поэтические строки» в ЦМД «Орехово-Борисово Северное».

Неожиданно откуда-то появившаяся белка привлекла внимание молодой пары. Девушка держала в руках букетик из опавших осенних листьев, а юноша старался запечатлеть белку на свой мобильный телефон.

Что-то одно, – подумала я, – или уж очень долго живу, или техника рванула вперед. В мои молодые годы телефон-то не у каждого в доме был установлен. Так и продолжала я свой путь, радуясь погоде и техническому прогрессу. Шорох сухих кленовых листьев в руках девушки навевал воспоминания юности.

Перед глазами возник давно ушедший и почти забытый образ мальчика. Ах, какие это были чудные годы! Первая любовь. Каждая встреча – это радость без предела. Мы забывали, что есть время, и гуляли по парку неподалеку от нашего дома до глубокого вечера. А однажды он показал мне, как надо плести венки из кленовых желтых листьев. Мне тогда казалось, что он все знал и все мог. Мы сплели венки, надели их себе на головы, и нам показалось это смешным. Мы часто смеялись просто так, ни о чем. Он брал меня за руки, и мы кружились. Деревья плыли у меня перед глазами, но я видела только его лицо, темные счастливые глаза, брови вразлет и венок из желтых и багряных листьев, покрывавших его лоб и волосы. Мы кружились, кружились, и казалось, ветер подхватывал нас, как легкие листья, и поднимал над землей. Верхушки деревьев кружились вместе с нами, как на торжественном прощальном осеннем балу.

Это были те мгновения восторга, которые я больше не испытывала.

Пройдя довольно длинный путь по тропинкам и впитав в себя тишину парка, я наконец-то вышла к постройкам Дворца, где кипела настоящая работа. Слово «кипела» не совсем верное, так как общий фон умиротворенности несколько корректировал темп работы строителей. Даже стрела подъемного крана передвигалась как в замедленном кадре, а голосов рабочих вообще не было слышно, хотя их было довольно много. И я поняла – всему виной пространство. Его столько оказалось вокруг, что грандиозный Дворец казался игрушечным домиком. Приведенный в порядок ландшафт, выложенные кирпичом розового и терракотового цвета пешеходные дорожки умиляли взор и располагали к созерцательности и покою.

Редкие пары уже преклонного возраста гуляли в молчании или редко перебрасывались словами. Общая атмосфера красоты и благолепия действовала на людей умиротворяюще.

Именно в таком состоянии я подошла к церкви, стоящей напротив Дворца. Прочитала надпись о том, что ее основал молдавский князь Кантемир в 1763 году, и удивилась, что ей уже около трех веков. По русскому обычаю решила зайти и поставить свечи в память о своих родителях. В силу своего невежества пришлось спросить у служителя церкви, куда поставить свечи. Мне указали это место, а в остальном я сориентировалась сама: за здоровье мужа и сына подошла к иконе, где написано «от всех болезней».

– А где ставят за упокой? – спросил меня какой-то мужчина.

– А вон там, – ответила я и поспешила поставить последнюю свечу Серафиму Саровскому.

Долгое пребывание в церкви наводит на меня тоску, и поэтому я не трачу время на христианские обряды. По-моему, пообщаться с тем, по образу и подобию которого мы созданы, можно в любом месте, хотя бы в лесу. Если есть желание, нас везде услышат.

Я вышла на улицу и осмотрела церковь уже как памятник старины. Из постройки, что стоит рядом, видимо, трапезной, вышел молодой поп и, вытирая усы, стал говорить по телефону.

Неужели с Богом, – подумала я и снова порадовалась техническому прогрессу.

– А как вы думаете, эта церковь тоже отреставрирована? – услышала я голос за спиной.

– Наверное. Ведь ей уже почти 300 лет, – ответила я, повернувшись на голос.

Передо мной стоял мужчина, приятный на вид, с живыми карими глазами. Если говорить о приметах, то это были бы, безусловно, его густые брови с проседью, что придавало ему очень солидный вид. Похоже было, что он не собирался заканчивать на этом свою беседу.

Все, конец моему благословенному одиночеству, – подумала я, и это, вероятно, отразилось на моем лице, потому что он поспешно сказал:

– Я провожу вас. Я все равно гуляю.

– Мне к метро, – поспешно сказала я, хотя намеревалась где-нибудь присесть и отдохнуть.

– И мне тоже, – ответил он.

Мы поговорили о музейном комплексе. Он поделился впечатлением о проведенном здесь Дне города, когда открылся Хлебный дом – одна из построек Екатерининского Дворца.

А я вспомнила данные об истории создания этого комплекса, которые прочитала в буклете год назад.

Так мы дошли до моста через большой овраг, где во времена Екатерины наверняка протекала река.

– Меня зовут Александр, – неожиданно сказал попутчик, – а Вас как?

– Татьяна, – ответила я.

Слово за слово и выяснилось, что мы с ним жили в одном районе Москвы, бегали по одним улицам.

– Земляки, значит, – как-то по-особому тепло сказал он. – У меня с теми местами связаны самые дорогие воспоминания.

– У меня тоже, – вставила я.

После короткой паузы он продолжал: « Мы жили в переулке у завода «Каучук» в 50-е годы. Дом был старый, с покосыми полами. Мама была портнихой и шила на дому. К нам приходили ее знакомые, присылали своих знакомых.

И однажды пришла женщина с девочкой. Она была младше меня. Мне тогда было уже 13 лет. Когда я ее увидел, я застыл как соляной столб, – настолько она показалась мне красивой.

Я вышел во двор, как всегда это делал, когда к маме приходили заказчицы. Я залез на отцовскую голубятню и с волнением ждал, когда женщина с девочкой выйдут из нашего подъезда.

Наконец они показали, и моя мама позвала меня обе-
дать.

– Мама, а кто они? – с напускным равнодушием спросил я.

– Семья военнослужащего. Приехали в Москву на время обучения отца. Живут неподалеку. Их соседка – давняя моя заказчица, – сказала мама, наливая мне щи. И что-то еще говорила мне о том, чтобы я скорее выросстал и ей, может быть, не придется шить на дому, помимо работы. И о том, что она гордится мной, потому что я побеждал на всех математических олимпиадах в школе. Но я не слушал ее, потому что образ чудесной девочки с бантами не выходил у меня из головы.

– А кому ты будешь шить, тетеньке или девчонке? – нарочито грубо спросил я, чтобы снова перевести разговор на интересующую меня тему.

– Нет, женщине, конечно, – ответила мама, – а почему тебя это беспокоит?

– А когда она снова придет? – спросил я, ничего умного не найдя в ответ.

– Через два дня, – сказала мама и внимательно посмотрела на меня.

Я не знал, куда деть себя в эти дни. Кончались летние каникулы. Все уже было готово к школе – и я слонялся по двору, боясь выйти за ворота: а вдруг пропущу то мгновение, когда она войдет в наш маленький двор и исчезнет в нашем подъезде. Я принимался читать, бродил вокруг наших соседских мужиков, которые «забывали козла» во дворе, залезал на голубятню, которую отец смастерил на крыше старого сарая...

Отец держал голубей, он их очень любил и старался привить эту любовь мне. Под его строгим контролем мы выпускали голубей из клетки, и все соседи собирались на улице полюбоваться на прекрасных птиц. Оттуда, сверху, весь двор был как на ладони, и там я чувствовал себя великаном, потому что я видел даже часть улицы за нашим двором, и все движение было под моим наблюдением.

Под вечер, помню, после нудного дождя, приведшего меня в уныние, неожиданно засверкало солнце, и улица заметно оживилась. Из-за угла нашего переуллка появилась мамина заказчица с той же девочкой. Она держала ее за руку и что-то говорила ей, выражая недовольство. Моя девочка чуть не плакала. Когда они вошли во двор, женщина нашла уголок, где росла трава, и заставила ее почистить туфельки. Они были красного цвета и очень красивые, только сильно испачканные грязью.

Так они прошли в наш дом, а я не знал, что же мне теперь делать. Передо мной стояло несчастное и печальное лицо девочки. И это рождало какое-то новое в моей душе чувство. Я был готов все отдать, чтобы она просто улыбалась. Я был зол на эту жестокую женщину, на этот дождь, на эту грязь, на себя за свое дурацкое положение, за свою беспомощность. И эта буря неизвестных до сих пор чувств бушевала в моем бедном сердце, затмевая мой разум.

Наконец я увидел выходящую из подъезда маму, а за ней, как мне показалось, печальную девочку. И я осознал, что еще не знаю, как она смеется, хотя видел ее уже второй раз.

И вдруг я совершил то, что сам от себя не ожидал: я открыл настежь дверь голубятни и стал выпускать голубей, подгоняя их к выходу. Я выскочил на крышу сарая и свистнул так, как свистел отец, поднимая стаю в небо. Я свистел и свистел, боясь, что стая не послушается моей команды. Птицы как будто ждали этого момента и взмыли в небо, наполнив двор шумом крыльев. Старики, забыв о домино, от удивления замолкли на мгновение, не поняв, что происходит, а один, опомнившись, крикнул: «Ну и будет же тебе от отца!»

Мама от удивления застыла на месте и, подняв голову, пыталась сообразить, что же произошло. А я привлекал к себе внимание, свистел, топал ногами, махал кепкой и поднимал, и поднимал стаю вверх. Это было так красиво! Косые лучи солнца давали блики на крыше, а в синем небе гуляла стая голубей, рассекая воздух своими сильными крыльями, как будто купаясь в этом чистом прозрачном небе. Это было восторгом и чудом, потому что моя душа находилась там, высоко, с ними, и была свободна и бесстрашна. Я стоял над всем двором и повелевал! Я видел удивленные и растерянные лица, в одно мгновение повернутые в мою сторону. Но одно из них излучало восторг и, как мне казалось, благодарность. Она смотрела на меня и УЛЫБАЛАСЬ. Ее глаза светились то ли от солнца, то ли от счастья. И мне показалось, она поняла, что этот фейерверк был для нее. Мы оба смеялись и не могли остановиться, чем сильно озадачили наших мам.

Ну, какой разговор у меня был потом с отцом, лучше опустить».

– А вам не скучно слушать мою болтовню? – неожиданно прервал он свой рассказ.

– Нет-нет, продолжайте, пожалуйста, – попросила я, ощущая какую-то смутную тревогу, и внимательно посмотрела на Александра.

– Ну вот. А потом я узнал, как ее зовут. Она стала учиться в нашей школе классом младше.

«Наши смены не совпадали, и я убежал из дома каждый вечер под любым предлогом, чтобы встретить ее из школы вечером и хоть издали проводить до дома. Ее всегда встречали мама или отец. Потом она ходила до дома одна. А у меня возникали одна за другой дикие мысли: если бы кто-нибудь напал на нее, я бы бросился ее спасать. Но в наше с вами время по улицам можно было ходить безбоязненно. И вся надежда была на какую-нибудь собаку, которую она могла бы испугаться. К моему несчастью, все собаки в округе словно вымерли.

Спустя какое-то время она заметила мои тайные провожания и однажды сама заговорила со мной.

– Это у тебя голуби? – крикнула она через дорогу, потому что именно так происходило мое сопровождение. Я кивнул головой, и она перебежала на мою сторону тротуара.

– Меня зовут Тата.

– Я знаю, – сказал я. – А меня Шура. То есть Саша. Шурой меня мама зовет, – поправился я.

– Ну и я буду звать тебя Шурой, ладно?

– Согласен.

Я был на все согласен, потому что был благодарен за свершившееся чудо – я разговариваю с НЕЙ и иду рядом.

– Давай твой портфель, – сказал я.

– А не побоишься, что мальчишки задразнят? – лукаво посмотрела на меня Тата, и снова ее лучистая улыбка коснулась моего сердца.

Что мне какие-то мальчишки! Сейчас никого не было на свете, кроме Таты и ее набитого учебниками портфеля.

– Ты знаешь, у меня что-то с математикой плохо, – пожаловалась она. – Гуманитарные предметы мне даются хорошо, но математика... Мама говорит, что это от частой смены школ. Ведь мы переезжаем с места на место в связи со службой папы.

– А хочешь, я тебе помогу, – оживился я. Наконец-то нашелся повод спасти мою любимую.

– Да. Ты можешь приходить к нам, – с радостью сказала она. – Я поговорю с родителями.

И я почувствовал, что у нас одновременно возникло чувство надежды на частые встречи.

И действительно, я дал ей несколько уроков, но этого явно было недостаточно. И тогда я решился на отчаянный шаг – остаться на второй год, попасть в ее класс и, конечно, занять место рядом с ней на парте. Я вынашивал эту идею всю вторую четверть и все думал, как же это сделать. Заболеть и провалиться полгода – значит не видеть Тату, начать плохо учиться – тоже было проблематично, ведь я был твердый «хорошист», а по математике – вообще чемпион школы.

Но выбора у меня не было: я должен был находиться постоянно с Татой все школьные часы, помогать ей во всем и защищать ее все 24 часа в сутки».

– И что было потом? – спросила я, хотя знала, ЧТО он ответит.

– Ну а потом у меня ничего не вышло. Вы же помните наши школы. Педсовет, вызов родителей, угрозы исключения... И я сдался.

Он замолчал и пару минут не проронил ни слова. Я шла рядом, погрузившись в свои воспоминания и до конца не веря, что бывают такие совпадения.

– Ну, а потом она вскоре уехала – отца перевели куда-то на Север. А мы получили другое жилье от работы отца. С ней мы окончательно потерялись, хотя и обещали писать друг другу. Так все глупо...

– Но у вас же есть семья? – осторожно спросила я.

– Была. И даже две. У меня сын и дочь. Но сейчас я один. Так вышло.

– Понимаю, – тихо сказала я, и мы в молчании вышли из ворот парка.

– Я не знаю, почему все это вам рассказывал. Ведь я не жаловался. Просто осень – мое любимое время года. Я люблю листопад, особенно кленовые листья почему-то навевают воспоминания.

– А знаете, Александр, спасибо, что вы мне все рассказали. Как быстро и незаметно прошло время с вами. Вот и метро. Будьте здоровы и счастливы.

Мы пожали друг другу руки, как старые и добрые друзья. Он поклонился и пошел в сторону метро. Я проводила взглядом его сутуловатую фигуру и подумала: «А хорошо, что он меня не узнал».

Нас обручил фестиваль

Трудно представить любую семью без истории, без воспоминаний. Они существуют в памяти старшего поколения и передаются молодым. Каждый человек является частью повседневности, выражает дух времени. Наша жизнь как паутинка, в которой каждая ниточка – это вариант дороги.

Встреча в «Ударнике»

В нашей семье есть удивительная традиция, о которой я хочу рассказать. Началась она в июле 1957 года в Москве с XI Всемирного фестиваля молодежи и студентов. Это было грандиозное событие для Советского Союза. В Москву из разных уголков мира и страны съехались гости и делегаты. В дни фестиваля по широченым улицам, которые стали невероятно узкими, тесными, бурлящими, шли молодые люди из разных стран. Эта была фантастическая дорога объятий, улыбок, песен и неудержимой радости. Мои будущие родители в это время учились и работали в Москве, где им вручили пригласительные билеты на кинофестиваль, в кинотеатр «Ударник». Места оказались рядом. Согласитесь, что когда встречаются

Галина Цыганкова

*из Зеленограда, ей 60 лет.
У Галины две специальности: она инженер-электронщик и бухгалтер. Сейчас Галина Николаевна – активный участник «Московского долголетия», в проекте – с его старта в 2018 году. Галина – творческий и разносторонний человек: в проекте занимается в театральной студии, посещает занятия танцами и компьютерной грамотностью. В своем произведении она рассказывает об удивительной семейной традиции.
Ее родители познакомились на Всемирном фестивале молодежи и студентов в 1957 году. А в 1985 году на Всемирном фестивале в Москве и она встретила своего будущего супруга. Ее дочь в 2017 году также познакомилась со своим парнем на фестивале молодежи и студентов!*

два молодых незнакомых человека, а вокруг смех, улыбки, радость, это дает толчок к дальнейшим событиям. Они разговорились и уже не разлучались никогда. Это было судьбоносное событие для зарождения новой семьи. Они прожили вместе 45 лет.

Танцы перед свадьбой

На этом бы и закончилась эта традиция, но в августе 1985 года, в период XII Всемирного фестиваля молодежи в Москве, накануне нашей свадьбы, мы с моим будущим супругом попали на танцевальные площадки на ВДНХ и в парке Горького, где выступали известные певцы, давшие продолжение «Дискоотеке 80-х». Мы были молоды, счастливы, были потрясены размахом танцев нескольких сотен человек из разных уголков мира, салютами и морем улыбок. В нас кипела энергия и желание изменить мир к лучшему. Это неизгладимое чувство позитива, созидания так и осталось в нас и передалось нашей семье. Мы живем в согласии и любви уже 38 лет.

Шестьдесят лет спустя

На этом бы традиция и закончилась, если бы в октябре 2017 года моя дочь со своим другом не приняли участие в праздничном шествии, посвященном открытию XIX Всемирного фестиваля молодежи и студентов, в составе танцевальной команды. Они двигались яркой веселой лентой от Кремля до стадиона «Лужники», вовлекая в свои ряды прохожих и гостей столицы. Сейчас у них подрастает мальчик, мой внук.

Вот такие интересные истории, ставшие нашей семейной традицией.

Эти фестивали молодежи дали импульс к зарождению наших семей. Хотя каждому фестивалю и была присуща своя атмосфера, свои события, но чувство свободы, молодости, желание творить и воплощать в жизнь мы пронесли через поколения.

Лучшие минуты дарит нам Москва

Вспоминая эти события, я иногда задаюсь вопросами: А как судьба сложится для моих внуков? Будет ли она связана с будущими фестивалями молодежи в нашей стране?

Я надеюсь, что такая прекрасная пора, как молодость, открывает перед человеком любые дороги. Это время выбора жизненных ценностей. Самые лучшие минуты и надежды на добрые перемены нам дарит Москва. Эти фестивали объединили не только молодые судьбы нашей семьи, но и укрепили веру в то, что молодежь всего мира способна объединиться подлинной дружбой, теплотой человеческих отношений.

Мир, доброта, сила мечты, искренность и взаимопонимание способны растопить лед недоверия, избавить мир от несправедливости, от войн. Мир – это счастливое будущее планеты, воплощенное в наших детях!

Мы у судьбы отмолим нам свидание

Любовь Кузнецова

получив финансово-экономическое образование, работала бухгалтером и занималась бизнесом. Но творческое начало в жизни присутствовало всегда. С детства писала стихи, и в школе, и в студенческие годы участвовала в художественной самодеятельности, а в семье с детьми устраивали тематические вечеринки, играли спектакли и веселые капустники. Сейчас проживает в ТиНАО. В «Московском долголетии» занимается йогой, зумбой, посещает экскурсии «Пешего лектория».

Как же я люблю Москву, когда солнечно и тепло и глаз радуется ярким цветениям ухоженных клумб, изумрудной листве и веселому гомону птиц! Да, родной город по-разному прекрасен во все времена года: и весной первыми ароматами и пробуждением природы, и в осеннем волшебном убранстве, и в праздничном новогоднем, когда повсюду наряжены елки, зажигаются необычным светом фонари, разнообразные подсветки и все ждут чуда, сказки, любви!

Встреча в Александровском саду

Первая встреча из череды сказочных чудес произошла с ней летом. Надя возвращалась домой. Было еще не поздно, и она решила прогуляться по Александровскому саду, где гармоничное переплетение величественной архитектуры, древней истории, журчащих фонтанов и вековых деревьев всегда завораживает и успокаивает душу. Несколько лет назад она осталась вдовой, и эти годы были наполнены болью и печалью, одинокими вечерами и бессонными ночами. Они с мужем очень любили друг друга, прожили

долгую и, несмотря на жизненные перипетии, которые есть в судьбе каждого, счастливую жизнь. Теперь, ей казалось, ничего интересного в жизни уже не будет. Все значимое и прекрасное осталось позади, в той ее жизни, где были важные события, совместное воспитание дочерей, путешествия, невзгоды и радости, глубокая привязанность и взаимная любовь.

Надежда – красивая женщина «серебряного» возраста со стройной фигурой и миловидным лицом, выглядит моложе своих лет. Внешне вполне эффектная дама, но внутри все заморожено, а в глазах тоска...

Душевная атмосфера парка, нежный аромат цветов и музыка благотворно на нее влияли и на время выводили из депрессивного состояния. Надя медленно шла к выходу, когда услышала чудесную мелодию джаза, который она обожала. Здесь часто играли уличные музыканты. Проникновенная музыка, где чувствовался стиль. Эмоции заставили ее задержаться. Одиноким немолодой музыкант играл на саксофоне... Вот тут нужно обязательно описать эту сцену, так как это была не просто встреча, а, как говорится, – кармическая. Он был среднего роста, крепкий и подтянутый, а выражение лица казалось строгим, но печальным. Саксофонист посмотрел на Надю, и ей показалось, что взгляд его проник ей прямо в сердце! Долго и завораживающе звучали импровизации голубоглазого музыканта... А придя домой, Надя сочинила стихотворение – она часто писала стихи, когда эмоции переполняли ее, вот только в последние годы они выходили грустные. Еще она писала сценарии, но, как говорят, в стол, читала только своим.

За короткое время человек стал родным

Чудо второе случилось осенью, спустя три месяца. Ей предложили путевку, и каково же было ее изумление, когда в лифте санатория она встретилась с этим саксофонистом.

– Здравствуйте! – сказал он бархатистым голосом, – меня зовут Петр.

– Надежда. Я вас помню, Вы музыкант и виртуозно играете на саксофоне.

– Я пенсионер, музыка – моя самая большая страсть.

Они оба почувствовали какую-то радость от этой неожиданной встречи... Санаторий был большой, с очень красивым парком. Они гуляли вместе ежедневно, общались на разные темы. Петр был умен, интеллигентен, вежлив и оказался на редкость

отличным собеседником. Однажды они оказались на концерте классической музыки, и Надя увидела, как преобразилось его лицо – оно просто стало светиться, а глаза излучали какой-то теплый голубой свет. Ее глубоко поразила эта метаморфоза. В своем номере, уже лежа в постели, она все думала об этом человеке, в котором столько всего необъяснимого и загадочного... С виду строг, брутален, внутри – добрый романтик, который любит музыку и Чехова, живопись и стихи. И стихи рождались, и писались истории, и совершенно новое чувство разливалось внутри...

Петр бережно, очень заботливо относился к Наде, и ей с ним было легко и уютно. Даже удивительно, как за такое короткое время этот человек вдруг ей стал родным.

– Надежда, Вы подарили мне надежду! – шутливо говорил он.

– А я буду называть тебя Пьеро! У тебя глаза печальные, но ты мне даришь радость и исцеление!

Она чувствовала, что снова становится прежней: веселой, уверенной, счастливой...

Жизнь кардинально поменялась

По приезде домой их встречи стали еще более нежными, пылкими. Как человек творческий и увлеченный, Петр был участником «Московского долголетия», куда записалась и Надя. Он часто приглашал ее на концерты джазовой и классической музыки, в музей и на выставки. А как он любил свой родной город! Супоением, как настоящий экскурсовод, рассказывал, какая раньше была Москва, его любимая улица Мясницкая (которая тогда была улицей Кирова), изба-читальня на Тургеневской площади (впоследствии снесенная). О многих интересных местах и зданиях они вместе слушали занимательные лекции с прогулками по бульварам и паркам (спасибо «Пешему лекторию»).

Особенно Наде нравились Чистые пруды, где Петр играл на саксофоне джазовые композиции для нее одной. И это были незабываемые, восхитительные концерты одного артиста одному зрителю! А она писала стихи, сценарии – буря эмоций, вдохновение... Жизнь поменялась кардинально. У них словно выросли крылья, и они парили над прекрасным городом – созерцали, наслаждались и живописными видами, и своими вдохновляющими чувствами, и этой поздней ошеломляющей любовью...

*На ресницах моих ночь тихонько качается,
Хочу снится сегодня тебе до утра,
Где во сне необычном с тобою встречаемся –
Дивный сон мой... Такая игра...
Я качнусь над тобой светлым сказочным облаком
И укрою тебя теплым летним дождем,
И на небе огромном зажгусь искрой-всполохом,
И в цветок превращусь на окошке твоём...
Ночью буду шептать листвою весеннею,
Стану отблеском яркой далекой звезды,
Брошу радугу-мост – это будет спасение,
Чтоб ушел от невзгод и нелегкой судьбы.
Приласкаю тебя шелковистыми травами,
Закружу в хороводе ароматных цветов,
Родниковой водой напою и отварами –
Навсегда, чтоб запомнил неземную любовь...
На ресницах моих ночь тихонько растаяла.
Растаял и сон ... Ты теперь торжествуй!
Ведь на память о нем тебе я оставила
Эти строки ... и свой поцелуй...*

Чудеса случаются в любом возрасте

– Надежда! Вы талантливы! Почему все в стол?

Пьеро, конечно, был слишком доброжелательным критиком (всегда восхищался и хвалил), но все же убедил Надю послать на конкурс один из ее сценариев. Да, как повернулась жизнь – просто захватывающий сюжет, совершенно новый, интересный! Никогда, никогда не поздно начать! Кто решается на новые шаги – становятся чище, сильнее, счастливее. И обязательно приходят и новые возможности, и жизненная энергия, и успех, и радость бытия!

– Пьеро! Пьеро! Это просто чудо! Новогодний чудесный подарок! Мой сценарий! Я выиграла конкурс!

– Вы этого достойны, моя милая Надежда!

Потом были месяцы, наполненные новыми знакомствами, занимательным общением и творческой работой. Наде предстояла длительная поездка со съемочной группой, ее сценарий взяли в работу, и она вся сияла от счастья. А Петр как-то сник, ему не хотелось так надолго расставаться, тем более что в «Московском долголетии» много разных активностей.

– Мы же будем каждый день выходить на связь, ты должен понимать, насколько это важно для меня!

– Да, понимаю... Только каждый день в 22 часа! Когда провозжал, отметил: что-то этот долговязый все время около Вас крутится.

– Это Никита – помощник режиссера – мы по работе, не ревнуй!

Для Надежды наступил новый этап в жизни.

А я ведь и допустить не могла, что моя жизнь может так измениться, и в ней будет и любовь, и творчество, и новая интересная работа. Оказывается, чудеса случаются в любом возрасте! С Пьеро они регулярно общались. Конечно, скучали друг по другу, и на площадке все знали, что в 22 часа у Нади обязательный сеанс связи. Никита действительно пытался ухаживать, хоть был и гораздо моложе. Надежда ему очень понравилась – она расцвела, помолодела, всегда жизнерадостная, общительная, с блеском и задоринкой в глазах.

– Запомни, мы только коллеги и друзья, у меня есть любимый мужчина!

– Да понял уже...

Когда пропадает связь

Работа близилась к завершению.

– Я сегодня, наконец, скажу, что через неделю приеду. Так соскучились друг по другу, по совместным прогулкам, по своим занятиям, по любимым мелодиям.

Без четверти 22 часа, но... что такое? Пропал интернет, нет связи нигде по району... Пыталась звонить, нет связи, даже сообщения не отправляются... Случилась какая-то авария... Потом, через несколько часов, конечно, все наладили, но... Пьеро уже не выходил на связь, не отвечал на телефонные звонки... Надя чувствовала – он страдает, надумал себе невесть что, знала его болевые точки. А Никита негодовал: «Что за капризы, он просто эгоист!»

– Понимаешь, он уязвим... ему очень сложно поверить... Женщины его предавали... Вначале, в юности, – это была первая чистая любовь, когда он летал, сочинял музыку в ее честь, играл и мечтал о «любви, которой не будет конца». А она вышла замуж за его брата – рана, которая много лет кровоточила... Спустя время: попытка создать крепкую, любящую семью, где были приложены колоссальные усилия для благоустройства

своего гнезда, улучшения бытовых условий. Он много работал, играл в оркестре, мастерил по дому и занимался детьми. Конечно, считал, что семья – это незыблемая крепость. Но после 25 лет брака услышал, что больше не любим, развод, и жена уходит к другому... Это был удар, почти смертельный... Стресс, проблемы со здоровьем, потеря работы и много лет на восстановление себя. Поэтому жил, не допуская чувств в свое сердце.

Безумно близкий и далекий

- «Надежда подарила надежду» – это ведь не просто фраза...
– И что ты намерена делать?
– Ждать.
– Сколько?
– Пока не поймет... Он почувствует...

*Закрой глаза – почувствуй сердца стук.
За сотни миль услышь мое молчанье –
В немом кино из тысячи разлук
Мы у судьбы отмолим нам свидание.
Закрой глаза, почувствуй – я с тобой.
Я заказала тьме ночной услугу,
И все пути умножу на любовь,
Чтоб стать поближе хоть на миг друг к другу!
Закрой глаза – твоих коснусь я век,
И пальцем по щеке – опять небритый...
Ты мой безумно близкий человек,
Теперь далекий – так и не забытый.
Закрой глаза – вдохни мое тепло –
Я знаю, ты устал меня не видеть...
От мыслей о тебе всегда тепло –
И легче мне разлуку ненавидеть.
Как много слов, что рвутся из груди,
Замрут отчаяньем в пространстве между нами,
И только губы шепчут: «Приходи!»...
Мы вместе будем где-то между нами...*

Пьеро она отправила свой стих и SMS: «Ты боишься? Считаешь, что любовь подобна кори: чем позже приходит – тем опаснее?.. Нет! Я думаю, любовь в зрелом возрасте более осознанна, глубока и неутолима, в ней меньше спецэффектов, а гораздо больше искренних чувств. Не бойся! Позволь

устремиться своей сущностью навстречу особому состоянию, когда как бы пропадает время, все прошлое исчезает, а вечность касается души!»...

Когда сбываются мечты

Стоял теплый солнечный день. В этом году осень в Москве чудесная, ласковая, золотая, с избытком разноцветных красок и ярких оттенков. На душе Нади тоже было тепло и отрадно – ее мечта осуществилась – фильм по ее сценарию снят! Машина плавно подъехала к ее дому. Никита галантно подал ей руку, и они вместе пошли к подъезду.

– Кто этот старик, что так пристально на тебя смотрит?

Она увидела Пьеро, сердце защемило – он действительно постарел и осунулся, а его поразительные голубые глаза стали потухшими и еще более печальными... Взгляды их встретились и... о, чудо! У обоих глаза заиграли искорками нежности, на лицах появились улыбки и восторг от безмерного счастья! Даже Никита оторопел от такого поразительного преобразования. Перед ним стояла совершенно гармоничная пара – красивых, молодых, влюбленных счастливиц!

– Да... Обыкновенное чудо! Им показалось, они слышат знакомые мелодии джаза, и листва как будто в такт этим милым сердцу звукам кружится и медленно опускается к их ногам... Наверное, московская осень задает ритм этой волшебной музыке и умело зашивает раны на наших увлеченных сердцах.

Встречи волшебной ночи

Возможно ли построить новые личные отношения людям старшего возраста? Эта тема, волнующая многих участников «Московского долголетия», обсуждалась, когда в проекте в онлайн-формате отмечали День семьи, любви и верности. Одной из участниц дискуссии была автор блога «Эстетика возраста» Елена Серова, которая стала автором и ведущей рубрики нашей газеты, посвященной взаимоотношениям в зрелом возрасте. Сегодня она рассказывает непридуманную новогоднюю историю любви.

Новый год – такой праздник, когда, сколько бы тебе ни было лет, начинаешь верить в волшебство. Никакого рационального объяснения этому нет, просто слишком яркие, наверное, впечатления детства. Ведь ты знаешь: под Новый год должны сбываться желания. И они всегда сбываются!

Недавно моя племянница Алла рассказала историю, которая только подтвердила мое убеждение: в Новый год мечты действительно сбываются. Если очень-очень этого захотеть. Забавно, что желание сбылось у ее дочки Маши – домашние зовут ее Мышкой, а счастливы стали два взрослых человека, которые о таком чуде уже и мечтать перестали.

Елена Серова

сценарист и блогер, ведущая рубрики нашей газеты, посвященной взаимоотношениям в зрелом возрасте. Выпускница Школы «Королевская осанка» проекта «Московское долголетие», участница модных показов. Сегодня она рассказывает непридуманную новогоднюю историю любви.

С кем оставить Машу?

Собственно, произошла эта история три года назад, когда Маше было семь. Она была уже достаточно взрослым и осмысленным ребенком, но еще недостаточно большой, чтобы в новогоднюю ночь оставить ее одну. Ситуация у Аллы была чудовищной: сама она уже договорилась полететь на новогоднюю ночь с компанией в Питер, и вдруг ее бывший муж – отец Мышки, который должен был взять на все праздники дочку на дачу, заявил, что едет туда со своей новой подругой и Мышка будет им мешать. Стали искать, куда пристроить дочку. Бабушки-дедушки, как оказалось, тоже все уезжали, короче, Алла была в отчаянии. Она уже собралась сдавать билеты, но тут милая женщина – Софья Петровна, которая занималась с Мышкой английским, внезапно предложила посидеть с ней в новогоднюю ночь.

С печалью одиночества в глазах

Тут нужно сделать небольшое отступление, чтобы рассказать о Софье Петровне. Когда-то она была учительницей Аллы. Весь класс ее безумно любил, потом все поступили в институты, многие в языковые, поскольку педагог она была от Бога. Но у Аллы было другое призвание, она окончила Суриковский, стала художницей и сейчас работает в крупном издательстве.

Как-то моя племянница встретила свою бывшую учительницу в магазине. Софья Петровна была все так же элегантно одета, так же держала прямо спину, но в глазах у нее появилась печаль. Женщина рассказала Алле, что потеряла мужа, вышла на пенсию и ее жизнь угнетающе однообразна. Софья Петровна не привыкла жить для себя, а детей у нее не случилось... Ей было неуютно и одиноко в своей, ставшей неожиданно пустой, квартире. У Аллы тогда родилась гениальная идея: она попросила Софью Петровну стать репетитором Маши. Потом еще несколько одноклассников последовали ее примеру. Софья Петровна ожила, она любила своих учеников и проводила с ними много времени. Но когда дети уходили, женщина снова оставалась совсем одна...

На встречном курсе

Итак, возвращаюсь к той истории. Софья Петровна договорилась тогда с Аллой, что проведет новогоднюю ночь у нее, уложит спать Мышку, положит ей под елку подарок... В общем, все

решилось самым замечательным образом! И вот утром 31 декабря Алла с дочкой вышли на прогулку и встретили соседа по лестничной площадке Вадима Андреевича. В прошлом он был командиром авиалайнера – высокий красивый мужчина с пышной седой шевелюрой. Вадим Андреевич женился поздно, однако молодая супруга покинула летчика, как только он вышел на пенсию. С Аллой он дружил и по-отечески ее опекал: помогал, когда в доме что-то ломалось, мог с Мышкой погулять, когда Алла зашивалась с работой, или продукты тяжелые до дома донести. В тот день Вадим Андреевич был как-то особенно оживлен и весел. Он нес домой елку. Как оказалось, елочный базар работал 31 числа последний день и непроданные елки просто дарили всем желающим. «Вот, – сказал Вадим Андреевич Алле, – у меня произошло маленькое чудо! А еще, представляете, мне как-то цыганка нагадала, что я встречу свою судьбу в ночь под Новый год. Если произошло одно чудо, может, и второе случится?» «Думаю, что вполне возможно», – улыбнулась Алла.

Мышка прячет хлеб и соль

Мышка задумчиво посмотрела на соседа, и в ее кудрявой голове родился замечательный план... «Мам, а можно сделать так, чтобы Софья Петровна в Новый год за чем-нибудь зашла к дяде Вадиму? Мы же к нему часто заходим, когда у нас что-то кончается». «Хм... – задумалась мама. – Но сейчас-то у нас все есть. Вон, полный холодильник». «А может, что-нибудь спрятать?» – Мышка была полна решимости познакомить соседа с Софьей Петровной.

И она спрятала соль и хлеб. Идея была отличная: действительно, без соли и хлеба никуда. И есть железобетонный повод зайти к соседу. Но ее план с треском провалился: Софья Петровна пришла со своими салатами, хлебом и даже холодцом – милая женщина наготовила всего самого вкусного для новогоднего стола. Тогда девочка позвонила маме и попросила срочно что-нибудь придумать. Ведь если в эту новогоднюю ночь ничего не получится, то два замечательных человека могут так никогда больше и не встретиться!

Как помочь чуду?

Ну должно же случиться чудо! Нужно ему только немножечко помочь! Алла сказала, что может отключить в их квартире

электричество – у нее умный дом и его управление выведено на ее смартфон. Тогда Мышка достанет свечи, скажет, что у них нет спичек, и отправит Софью Петровну к соседу... И вот в квартире гаснет свет, Маша достает из кухонного шкафчика свечи, вздыхает, что нет спичек, и тут... Софья Петровна достает из сумочки зажигалку. Все – Маша проиграла. Она поняла, что ничего выдумать не сможет, и, значит, никакой волшебной встречи уже не случится. Хорошо, что успела маме позвонить, а та смогла снова включить электричество. Буквально со взлетной полосы.

Сломанный замок и волшебная встреча

Маша очень расстроилась и хотела уже ложиться спать, но тут в дверь позвонили. На пороге стоял... Вадим Андреевич. Он был в верхней одежде и очень расстроенный. Вадим Андреевич извинялся за то, что побеспокоил соседей, но у него была безвыходная ситуация. Мужчина пошел выбрасывать мусор, стал запирает дверь, а ключ в замке сломался. А у него даже телефона нет, чтобы слесаря вызвать.

«Какой же в новогоднюю ночь слесарь? – покачала головой Софья Петровна. – До утра и не надейтесь! Идите лучше к нам, Новый год отмечать». Этот Новый год Вадим Андреевич и Софья Петровна теперь постоянно вспоминают. Как они познакомились, как потом гуляли по заснеженной Москве, и было весело, снежно, и очень не хотелось расставаться. Они и не расстаются. Вот такое позднее счастье...

Мышка за эти три года сильно подросла, поступила в художественную школу, хочет стать художницей, как мама. А может, переводчиком или преподавателем английского, как Софья Петровна. Уж очень хорошо ей язык дается. Да и заниматься ей теперь удобно – репетитор живет в соседней квартире.

...А белый лебедь на пруду

Эта трогательная история началась еще весной, с появлением белоснежной грациозной лебеди на Мосфильмовском пруду. Плавала она в гордом одиночестве недолго. В один из апрельских дней в небе появилась стая лебедей. Летели они красиво, собравшись клином из пар, созданных однажды и на всю жизнь. Даже в полете их места находятся рядом друг с другом. Так летят они в теплые края и возвращаются обратно, принося на своих крыльях долгожданную весну!

Если вы хоть раз обращали на это внимание, то знаете, как невозможно отвести восторженный взгляд от летящих вереницей лебедей высоко в небе, пока они не превратятся в одну маленькую точку и не скроются за кромкой горизонта с пронзительными криками, доносящимися с небесных высот до земли, оставляя нам гамму чувств: от тоски и печали до праздничного волнения и торжества бытия.

Наблюдая за ними, я не заметила, как одиноко летевшая фигура птицы отделилась от стаи и медленно спустилась на пруд. Еще в небе, с высоты своего полета, должно быть, он заметил одинокую лебедушку на пруду.

Что тут началось? Сначала жених дефилировал вокруг невесты, широко

Светлана Ачмиз

родилась в 1963 году в Краснодаре.

Окончила Московский полиграфический институт, Институт рабочих корреспондентов и Академию госслужбы при Президенте РФ.

До выхода на пенсию работала дизайнером, Светлана Кадырбековна оформляла сцены для выступлений таких звезд, как Тина Тернер, Лучано Паваротти!

В проекте «Московское долголетие» посещает лекции в МГУ в рамках курса «Русское искусство глазами философов», пишет статьи по искусству. Также занимается восточными танцами и скандинавской ходьбой.

расправив крылья, показывая свою мощь и мужскую стать, издавая при этом особые гортанные звуки, стараясь привлечь ее внимание. Ему удалось произвести должное впечатление. Их обвенчали силы природы, и появилась новая семья.

Я с интересом наблюдала, как трепетно он относился к своей паве. Погружая длинную шею в пруд, доставал для нее водоросли, вылавливал рачков. А когда на его даму сердца стал претендовать холостой пернатый красавец, первым начал битву, налетев грудью на соперника. Они бились крыльями, громко кричали, клевали друг друга. Он отстаивал свое право на любовь и вышел победителем.

Незаметно пролетели теплые летние деньки, и уже осень стала медленно отступать под натиском зимы. Лебедушке нравилась непогода, когда шел дождь, она кружилась, а под ветер любила качаться на волнах.

Настала перелетная пора. Лебедь, вытянув длинной стрункой шею вперед, разбежался, расправив крылья, взлетал, отрываясь от поверхности воды. Уже в небе криком звал ее, но она оставалась на месте, и он возвращался...

В то утро я заметила много прохожих у пруда, пытавшихся разбить лед и достать замерзших лебедей. Лед поддался, и зеркало пруда треснуло. Только одна милая старушка стояла в сторонке, обливаясь горькими слезами и сожалея о своей нехитрой затее. Несколько месяцев тому назад в бутафорском цехе Мосфильма, где она проработала с юности до наших дней, среди завалов старых декораций и была обнаружена лебедь с царской осанкой. Протерев от пыли, она отнесла птицу на пруд...

Доброте, любви и нежности учит птица верности!

Поцелуй в снежном хороводе

Э то был тот неповторимый вечер, который останется в памяти как лучшее воспоминание о чудесной поре, когда заканчивается детство и начинается юность.

Под мягкими кружащимися снежинками, создавшими сказочный хоровод волшебства, восторга, песни счастья, по заснеженной лесной дороге шли двое. С обеих сторон, укрытые свежим летучим снегом, выстроились высокие ветвистые березы. Он и Она шли медленно, стараясь идти в ногу, всячески подстраиваясь друг под друга. Он нежно обнимал ее, а Она всем своим существом прижималась к его высокому тонкому телу. Впереди, метрах в двадцати от них, двигались еще две запорошенные снегом фигуры. Это были две невысокие девушки, шедшие, держась за руки и о чем-то тихо разговаривая.

Взойдя первыми на мост, они остановились и, обернувшись назад, крикнули в заснеженную даль: «Вы скоро?» – «Идите, мы вас догоним». Он и Она остановились. А дальше произошло то, что останется в памяти навсегда, как у каждого, кто впервые влюблен, – Он склонился к ее лицу и, поцеловав в мокрую от тающих снежинок щеку, прошептал: «Я люблю тебя».

Татьяна Аверкина

родилась в 1956 году, проживает в Москве, в районе Митино, является участником проекта «Московское долголетие». Выйдя на пенсию, продолжает трудиться в Дирекции единого заказчика Минсоцразвития Московской области главным экспертом.

И закружилась земля вместе с кружащимся хороводом снежинок, и счастье всей земли вдруг упало на головы двоих, превратив их в иных, отличных от других людей созданий, которые вдруг в один момент поняли, зачем они пришли в этот мир и как он совершенен и вечен, потому что мир – это любовь.

Его звали Женя Уваров, двоюродный брат моей школьной подруги Ленки Костылевой. Пришла она в нашу школу в 6 классе, переехав из Арзамаса. Причина была довольно в то время необычная – разногласия, а точнее развод ее родителей, и пока шли их разбирательства, они отправили Ленку к бабушке в деревню. Она отличалась от всех нас какой-то особенной взрослостью. Спокойная, но печальная. Ее большие светло-голубые глаза были такими большими, что, несмотря на довольно крупный нос, взгляды были устремлены только на глаза, точно только они составляли все ее лицо. А вот взгляд ее был рассеян, поверхностный, с поволокой, она не спеша обводила взглядом пространство, ни во что не вглядываясь пристально. Наверное, этому есть какое-то медицинское объяснение, поскольку у нее было слабое зрение, а очки она носила редко. Деревня, в которой жили ее бабушка и дедушка, называлась Мясниково и была она за 7 километров от нашей, в которой и была школа. Дети из Мясникова жили в школьном интернате, а домой уходили только на выходные. У нас, местных детей, это вызвало чудовищную зависть. Ведь такой вольницы, какая была у них, нам сложно было даже представить. Конечно, были воспитатели, нянечки, повара, призванные следить за их поведением, подготовкой уроков, питанием, но мы-то знали, что контроль этот был не как домашний, и вытворяли они там такое, а особенно по ночам.

Женя жил в городе, а на каникулы приезжал к бабушке с дедушкой. Так случилось, что под Новый год он пришел с Ленкой на наш школьный вечер. Высокий, худощавый, с пепельнорусыми, густыми, спадающими на лицо прямыми волосами и пронзительно-голубыми глазами. В программе школьного вечера было, как всегда, много различных номеров, как нам тогда казалось, классных, а мой представлялся мне особенно необычным и даже экзотическим. Я танцевала индийский танец. Чтоб создать неотразимый наряд индийской танцовщицы, моя учительница по химии Нина Васильевна Соколова, закадычная подруга моей мамы, не пожалела отреза шифона, сероголубого с сиреневыми и лиловыми цветами. Сама намотала его на меня, оголив при этом одну руку, как настоящее сари.

Волосы были подняты наверх в высокую прическу, на запястьях звенели разноцветные браслеты, на ногах надеты босоножки из тонких ремешков – полная законченность придуманного образа. В своем сознании я постаралась перевоплотиться в танцовщицу из индийского кино и, потряхивая браслетами, вышла на сцену. Вот в каком виде меня впервые увидел Женя. Мне тогда и сейчас кажется, что первый взгляд людей друг на друга является механизмом к запуску просмотра в очень быстром темпе пленки, где ты видишь фильм развития отношений, его нужно только успеть просмотреть. Сам человек еще не осознает, он может только почувствовать любовь, а пленка уже прокрутила историю, и если быть внимательным, то разглядишь, что ждет тебя.

Женя смотрел на меня, не отвлекаясь на обычные в таком возрасте комментарии сверстников, пристально и немного удивленно. Несмотря на то, что я была в движении и на сцене, а он в зале и неблизко, я сначала почувствовала, а потом увидела его взгляд, и мгновенно прокрученная пленка в моей голове передала сердцу – это твоя первая любовь. После концерта Ленка познакомила меня с Женей. Мы были веселые, возбужденные, радовались предстоящим каникулам, новогодним подаркам, ели мандарины, конфеты, старались расколоть чем-нибудь грецкие орехи, всегда вложенные в новогодний подарок. Деревянный пол весь был усыян конфетти, обертками от конфет, обрывками серпантина. Мы танцевали, выбегали на улицу, участвовали в каких-то аттракционах, снова танцевали – Ленка, Геля и я были в центре всей большой веселой школьной компании, а Женя все это время стоял в стороне, болтая с кем-то из знакомых ему ребят, и потом вдруг стремительно подошел к нам и сказал: «Лен, пригласи своих подруг к нам в гости». Ленка с удивлением посмотрела на него и спустя минуту сказала, что как было бы здорово, если мы действительно придем к ним в гости, что у их бабушки всегда вкусные пироги и что она будет рада увидеть подруг своей внучки. Мы с радостью согласились, пообещав прийти сразу после Нового года. Мне было приятно, что Женя, настойчиво приглашая нас, смотрел именно на меня, обещая много интересных развлечений, начиная с катания на санках и заканчивая чаепитием из бабушкиного ведерного самовара. Предчувствие любви уже жило во мне, еще робко, глубоко внутри, не напоказ.

Мы весело встретили Новый год. Дома, как всегда, было много гостей – друзья родителей, родственники, студенческие

приятели брата и сестры. Плясали под гармошку, выбегали из дома с зажженными бенгальскими огнями, толкали друг друга в сугробы и с красными щеками влетали снова в дом, продолжая дурачиться и веселиться, но и в вихре веселья я думала о нем.

После праздника мы с Гелей и отправились к Ленке и Жене. Как странно – позже мне Геля призналась, что и она была влюблена в Женю с того же самого дня, когда мы встретились, и много лет это была только ее тайна.

Зимы тогда были настоящие, с причудливыми узорами на окнах, с хрустящим твердым настом, искрящимся инеем на деревьях, проводах и даже на ресницах. То утро было морозным, с ярким, слепящим от снега солнцем и высоким-высоким голубым небом. Мы шли, весело болтали, настроение было отличное, и где-то за час дошли до их деревни. Она была как-то в стороне от всех центральных дорог, считалась глухоманью и будто специально затерялась среди лесов, чтобы удивлять впервые попавших в нее людей своей необычностью. Ни я, ни Геля до этого дня здесь не были. Дома стояли необычно, по кругу, а за огородами, будто обрамляя этот круг, подо льдом бежала небольшая речка. В низине виднелась старая мельница с большими деревянными лопастями. Было ощущение, что мы увидели декорации к какому-то старинному фильму, все это было так удивительно и необычно.

Дом, в котором жили бабушка с дедушкой нашей подруги и нового знакомого, по их же описанию мы нашли быстро. С красивой верандой, состоящей из множества стеклянных квадратиков, и резными узорами под крышей, причудливыми резными наличниками, покрашенными голубой краской, и высоким крыльцом, тоже в резных завитушках, с некрашеными широкими ступенями.

Первой нас встретила светло-рыжая собака, лениво вылезшая из своей конуры и так же лениво нас облаяв. Собачий лай был услышан, и из дома вышел взволнованный и явно ожидающий нашего прихода Женя. Одет он был в синюю с белыми полосками на поднятом воротнике олимпийку, мечту любого парня той поры. Его смущение и взволнованность передались и мне. Он провел нас в дом через большие темные сени, напитанные запахом сушеной черной смородины, ветки которой были подвешены над маленьким окном. Вплотную к окну был придвинут большой комод, на котором на газете были разложены какие-то ароматные сушеные травы. Войдя в дом, мы

тотчас окунулись в теплоту и уют. Запах пирогов и свежезаваренного чая с этими самыми листьями смородины мгновенно проник внутрь, вызывая желание все это скорее попробовать. Мы познакомились со стариками, и нас пригласили за стол. Внутри дом был деревянный – отшлифованный брус с прожилками пакли между светло-коричневыми бревнами. Ощущение уюта, тепла, доброго дома возникло как-то сразу. Дедушка – суховатый, худощавый, с быстрыми глазами, аккуратной острой бородкой, сидел на стуле, закинув ногу на ногу, бабушка, наоборот, – большая, уютная, в длинной ситцевой юбке, синем в мелкий цветочек фартуке – уверенно и основательно управлялась у горящей русской печи. Печь была большая и стояла посередине дома, как большой корабль, одновременно служа очагом для приготовления пищи и стенками двух комнат. На шестке стояли чугуны разных размеров, рядом на лавке – два узких высоких ведра с водой, а на стене висела посудная полка, в которую были вставлены тарелки разных размеров с разными же рисунками. Большой обеденный стол, придвинутый к окну, был накрыт клетчатой клеенкой, а вдоль стен были прибиты две широкие лавки. На столе в углу стоял большой самовар, и почти вплотную к нему были наставлены миски с грибами, капустой, солеными помидорами и огурцами. В центр стола бабушка поставила большую чугунную сковороду с только что пожаренной картошкой. Все было так вкусно, что, наевшись, мы едва выползли из-за стола. Недалеко от входной двери стояла железная кровать, на которую мы все дружно перебрались. Усевшись все вчетвером и подобрав под себя ноги, насколько позволяло место, мы повалились на теплое одеяло. Женина спина была плотно прижата к бревенчатой стене, а я уперлась своей спиной в его торчащие коленки, и можно было так сидеть целый век, но девчонки стали тащить нас на улицу покататься с горы. Мы пошли, но уже ничто не могло заставить нас отойти, отодвинуться друг от друга, касаясь то рукой, то плечом. Он все время находился на расстоянии прикосновений. Мы катались с очень высокой и крутой горы на больших железных санках и, усаживаясь первым, выставляя свои длинные ноги, Женя усаживал меня между своих ног, слегка приобнимая. С большой скоростью мы мчались с горы, часто вылетая из санок намеренно, чтобы дальше катиться по снежному склону и вновь оказаться близко-близко.

День промелькнул несправедливо быстро. Нам было необходимо собираться домой. Уже стемнело, когда после

очередного застолья мы покинули гостеприимный дом добрых стариков. Женя пошел нас провожать, а Ленка, наверное по просьбе бабушки, вынуждена была пойти с нами. Геля с Ленкой шли впереди, а мы с Женей чуть замедляли шаг, увеличивая расстояние между нами. Мы говорили, молчали, слушали. Погруженные в счастье, оба испытывали радостный восторг, и сама природа дарила нам невероятный праздник. Падали мягкие снежинки, а мы шли, держась за руки, и ток проходил сквозь наши тела. Не дойдя до моста метров пятьдесят, мы остановились. Он склонился над моим лицом и нежно коснулся губами моей мокрой щеки.

Эти слова – о тебе, Москва
СТИХИ

Игорь Мухин

*Член Союза писателей
России, Музыкального
общества Москвы,
Землячества
донбассовцев Москвы.
Инвалид-чернобылец.
Во время пребывания
в зоне ликвидации
последствий аварии
на ЧАЭС командовал
Донецким отдельным
строительным батальоном.
Родился и вырос
в Мариуполе. Живет
в Москве с 1996 года.*

Живите долго, москвичи! (из серии «Мои песни о Москве»)

Живите долго, москвичи!
Живите до ста лет, москвички!
К здоровью есть у вас ключи,
Не от болезней, бед отмычки!
Ключи – в желаньи в счастье жить,
Летать и плавать, бегать даже,
Общаться, чувствовать, дружить,
Петь и плясать, писать пейзажи!

Живите! –
Друзья участвуют в том пусть!
Творите! –
Уйдет из судеб напрочь грусть!
Парите! –
Как будто вновь вам двадцать пять!
Любите! –
И юность к вам придет опять!

Живите долго, господа!
Живите, дамы, тоже – до ста!..
В Москве «зеленый свет» всегда
Тем, позитив в ком брызжет просто!
Есть Центр, в нем студия и клуб,
В районе каждом и квартале!..
Поживший всяк столице люб –
Чтоб долгожителем вы стали!

Долгих лет нам, друзья!
(из серии «Мои песни о Москве»)

Пусть на пенсии, не отработан
Наш ресурс еще!.. Ну, лишь – на треть!..
Предаемся разным мы заботам:
Некогда за внуками смотреть!
Лепим, пляшем мы, поем, рисуем,
Ходим – есть заветные места!..
Не заметив рост седин, рискуем
В празднике таком дожить до ста!

Долгих лет нам, друзья,
Дорогие москвичи, москвички!
Ныть, скрипеть нам нельзя!..
Позабудем вредные привычки,
Чтоб еще до ста лет
Лишь вперед – искусство и науку:
Передать добрый свет
Вдаль, в века – любимым внучке, внуку!

Мы еще своей стране послужим,
Лучшей из на всей Земле столиц –
В танце под ритм славный вновь закружим,
Улыбаясь миллионам лиц!
Отдадим свой долг в картине, в песне,
В душах всей России чтоб – уют!..
...Новая Москва со Старой вместе –
Любят как всех нас – о том споют!

Белла Полонская

*родилась в 1946 году.
Окончила музыкальное училище им. А. Шнитке и дирижерский факультет Московского государственного заочного педагогического института.
Более полувека работала учителем музыки в школе, была руководителем музыкального театра – театральной студии «Фантазия».
Белла Анатольевна – педагог высшей категории, почетный работник просвещения и ветеран труда.
Сейчас выступает со своими моноспектаклями на площадках Москвы, активно участвует в проектах «Московского долголетия». Является призером Окружного конкурса «Миссис Московское долголетие – 2022».*

МОСКВА

Москва!
Нет слов, как хороша!
Ты – сердце наше и душа,
И радость, грезы и мечты,
И шум берез, и плеск волны!
И нет дороже и родней
Московских улиц, площадей,
И с каждым днем нам все видней
И гладь дорог, и ширь полей.
И это все моя Москва!
Воспоминаньями полна!
И детство, музыка, рояль
Влекли меня куда-то в даль.
Десятый класс и школьный бал,
И первая любовь,
И нежный взгляд влюбленных глаз,
Что будоражит кровь.
А время мчалось. Годы шли.
Учеба, юность впереди.

Исполнились мои мечты.
Полезной быть и свет нести.
В Москве окончила ПедВуз,
Росла и становилась.
Профессией своей горжусь,
Со школой породнилась,
И каждый день дорога в знания
Вела меня на верный путь.
На путь любви и пониманья.
Наверно, в этом счастья суть.
И пусть актрисой я не стала,
Так довелось судьбе,
Добилась в жизни я немало,
Оставив след свой на земле.
Я город свой люблю, как прежде,
Его ни с кем я не сравню!
Пусть он цветет в любви, надежде,
Встречая светлую весну.
Пишу с глубоким вдохновеньем
Я о тебе, моя Москва!
Ты – наша гордость и почтенье,
Благословляю я тебя!

Светлана Кукарина

родилась в Москве в 1963 году. Светлана – активная участница «Московского долголетия». Посещает театральную студию. По итогам кастинга она получила одну из главных ролей в полнометражном фильме «Серебряная астра», в котором она сыграла... Гамлета. На премьерном показе в 2021 году ей вручили приз за лучшую женскую роль. Сейчас она окончила театральные курсы и работает в профессиональном театре, ездит на гастроли. После школы Игоря Матвиенко пишет песни! «Путевку в творчество мне выписали в «Московском долголетии», – делится Светлана. А по профессии она – медик, была предпринимателем и риелтором.

Дирижер своей жизни...

Под постоянным взглядом свыше,
Я дирижер своей души.
Пока она живет и дышит,
Надеясь, что меня услышит,
Пытаюсь Бога рассмешить.

В ладонях море удержать,
Всю невозможность понимая,
Ни капельки не расплескав.
Как Исполин, как Голиаф,
Я море к небу поднимаю...

Не море, целый океан...
Пытаюсь я смешать стихии...
И в этот созданный обман
Кидаю мысли и стихи я.
Опустошая сей колчан.

Порыв души отчаян, светел...
Надеюсь я достигнуть цели.
Мои слова уносит ветер...
Пытаюсь я помочь планете –
Ну чем могу и как умею...

Ночь ощущения шлифует...
Над миром опустилась мгла,
Другие силы торжествуют
И наполняют, и врачуют...
И отдают во власть огня.

Поток любви, покоя, сласти...
Я жизни дирижер своей,
Почти огня покорна власти,
Я усмиряю свои страсти,
Я договариваюсь с ней...

Время

Никогда не вернутся назад
Время, люди, слова и возможности,
Те, которые были когда-то,
Но привычка уже к новой скорости...

Нашим душам не ведом покой,
Опыт каждого стоит внимания.
Просто нам по душе непокой,
Мы проверены временем правильным...

Счастлив тот, кто умеет принять
Новый день на холодном рассвете.
То, что он к нам приходит опять,
То, что жив и здоров, солнце светит.

Не желаем друг другу мы зла,
Неизвестно, как все обернется,
Пожеланье любви и добра
Обязательно Счастьем вернется

Научитесь Счастливыми быть,
Просыпаться с улыбкой лучистойю.
Научитесь друг друга любить,
Дарить взгляды по-детски чистые.

Научитесь прощенья просить,
Жизнь сама, кто не прав – разберется...
Сами тоже умейте простить,
И судьба вам опять улыбнется.

С днем рождения, Москва!

Сколько песен о Москве сложено,
Сколько чувства в эти песни вложено,
У тебя, Москва, судьба сложная,
А моя судьба с твоей схожая...

С днем рожденья или с днем города!!!
Купола церквей горят золотом.
Чтоб любить тебя, не нужно повода,
Мы с тобой, Москва, всегда молоды.

Над Москвой-рекой рассвет ласковый,
Поздравляем мы тебя с праздником!
Принимаешь ты нас всех разными,
Наши судьбы навсегда связаны.

Пусть не раз тебе грозили вороги,
Поднималась и жила заново,
Даже если ты была далекою,
Все равно ты оставалась главной!

И история твоя славная,
Говорю тебе об этом искренне...
Даже если ты казалась слабою,
Ты всегда, Москва, была близкою.

По бульварам, площадям, улицам
Колокольный звон плывет песнею...
Если небо над тобой хмурится,
Все равно с тобой споем вместе мы...

Улыбаешься своими окнами,
Свет которых в души нам падает,
Даже если сентябрем мокрые,
Этот свет и греет нас, и радует.

Пьем твоих особняков историю,
Принимаем и многоэтажную,
Стала городом для нас особенным,
Все события твои – важными...

Автострадами твоими новыми
От Востока до границ Западных,
По Бульварному и по Садовому
Север с Югом кольцами сватаешь.

Сколько песен о Москве сложено,
Сколько чувства в эти песни вложено,
У тебя, Москва, судьба сложная,
А моя судьба с твоей схожая...

Взгляд со сцены в зал...

Пустая сцена, взгляд со сцены в зал пустой...
Он и начало, и конец, и завершенье, и развитие.
Он так созвучен с зародившейся мечтой,
Наполнен тайной будущих событий...

Прочувствуй и не уходи, стой...
Впитай в себя всю магию поддержки зала.
И если даже он пока еще пустой,
Не уходи, еще так мало сцена рассказала...

Все изменяется, и напряжение растет.
Зал заполняется, и вглядываясь в лица...
С чем он пришел, что от тебя он ждет?
Какой он – первый, самый важный зритель?

Вглядись, почувствуй каждый взгляд,
Наверно, там твое решение было принято,
Галерка, бельэтаж, партера первый ряд,
К ним – этот шаг, тобой предпринятый.

И вот стоишь на этой сцене Ты,
Одновременно и растеряна, и дерзкая,
И представляешь, как из темноты
Могла послать кого-нибудь Раневская.

В сто лет на сцене Зельдин танцевал,
И время есть у нас еще в запасе.
Он ждет тебя, вот этот зал,
Шагни, ведь этот путь прекрасен!!!

Мое Замоскворечье

Пою мою Москву, мое Замоскворечье!
Ты – детство, юность и любовь моя!
И наша связь крепка, взаимна, и навечно...
Дышу тобой и точно я знаю – дома я!

С рассветом просыпаешься, бурлящая, восставшая,
Как в море, бесконечная, гигантская заря,
Ты к ночи усмиряешься, ты, как и мы, уставшая,
И отдыхаешь вечером, в уюте сентября.

Пойдем гулять по улочкам, таким родным и ласковым,
В обнимку с нами ветер, исчез людской поток.
И фонари качаются, пришло их время царствовать,
Листва накинёт на плечи свой золотой платок.

Знакомых окон льется свет, дома как улыбаются,
Степенно львы щетинятся, храня покой веков.
И вновь начнут рассказывать, как в памяти купаются
Забутые истории своих особняков.

А на асфальте классики мелком цветным намазаны,
И в тишине считалочку девчоночка бубнит,
Уже полвека жизнь моя с Замоскворечьем связана,
Теперь ее историю район родной творит.

Галина Науменко

ветеран педагогического труда, почти 40 лет проработала в школе. Основная специальность – «учитель математики и физики». Свое участие в проекте «Московское долголетие» начала с пешеходных прогулок по Москве. «Каждую неделю, при любой погоде и состоянии здоровья я бегу на встречу с Москвой, с такими же неугомонными пенсионерами, как сама. У меня семья, дети, внуки, но «Долголетие» – это продолжение жизненной активности, исполнение давних желаний и мечтаний», – признается Галина Николаевна, которая представила на конкурс свои акrostихи. Это стихотворения-загадки. Чтобы понять, о чем идет речь или кому они посвящены, нужно прочитать слово по вертикали, составленное из первых букв каждой строки.

Моросит ли дождь осенний,
Облетает старая листва,
Снег ли, солнце, звонкий гам весенний –
Каждый миг в душе любви слова.
Век за веком мудрость умножает,
А сама растет и расцветает.

Прежде были дом, семья, работа,
Если отпуск – счастье без границ.
Но перевернул страницу кто-то...
Столько сразу чистеньких страниц!
И не стоит хныкать и тужить:
Я теперь лишь начинаю жить.

Друг мой, мы стремительно взрослеем,
Облетают годы, как листва,
Лето отзвенело... Мы дряхлеем.
Главное – душа ведь молода!
Осень жизни шаркает ногами,
Лень стремится нам подружкой стать.
Есть, гулять и шевелить мозгами
Тяжело. Но это если не мечтать!
И когда мечтают все вокруг –
Единение, ведь рядом друг!

Легкой дымкой-невидимкой
Устилает путь она.
На дорожке – словно крошки
Антикварного стекла.

Дана нам радость для общения,
О том Москву благодарим.
Любимым рады увлечениям,
Готовим, пишем, мастерим.
Отныне мы вершим немало,
Лишить не смогут нас тепла.
Едва неделя пробежала,
Ты вновь быстрее спешишь сюда.
И мы с друзьями в шумном споре
Едины в дружном разговоре.

Мы здесь самим себе полезны:
О всех заботу проявить.
Стих написать, и интересный,
Копилку знаний приоткрыть.
Обид коллег не принимаем,
Во всем разумным нужно быть.
Суметь исправить помогаем,
Как написать, что изменить.
Ох, если дальше так пойдет,
Единство наше возрастет!

Наталья Кузнецова

родилась в 1958 году в Плесецком районе Архангельской области. В Москве живет с 2000 года. Вся ее жизнь связана с педагогической деятельностью. 45 лет проработала с детьми. Награждена Почетной грамотой Министерства образования и науки РФ. Стихи пишет давно, особенно Наталье Николаевне нравится сочинять для детей.

Она издала для них две книги: «Наши друзья» (2021), «Как овощи и фрукты себя хвалили» (2022). В «Московском долголетию» с октября 2022 года. Стала лауреатом окружного поэтического фестиваля «Музыка слов» в номинации «Золотое перо» в 2023 году.

Карл Шейнбаум

*которому 93 года, –
старейший участник
шахматных турниров
«Московского долголетия».*

*Сам он шахматами
серьезно занялся
с 1952 года. В последние
годы выступает за команду
СВАО в соревнованиях
«Московского долголетия».*

*Кроме того, играет
в настольный теннис,
бильярд, пишет стихи
на шахматные темы.*

Вот почему так шахматы мы любим:
Не компы в них победу добывают –
Как мы в игре порою шансы губим,
Так гроссы в напряженный миг зевают!

В борьбе за главный на турнире приз
Цена победы резко возрастает –
Она к вершине сразу поднимает,
А поражение – опускает вниз...

Ждем с нетерпением – после выходного
Они начнут громить один другого...
Набрать нам воздух в легкие пора.
Чтоб крикнуть победителю «ура»!

Много красавиц в турнирах у нас –
Звезды мерцают в сиянье их глаз.
Любы им парни, но, думаю, все же
Шахматы девам должны быть дороже.

Оды пою их ходам и уму,
Но декольте при игре ни к чему...
Если ж с победой закончат турнир,
Пусть красотой затмевают весь мир!

Ты окрыляешь высотой

Москва! Меня ты восхищаешь
Своей галантной красотой...
Мои фантазии питаешь
И окрыляешь высотой!

Твои волшебные строенья
Вселяют бодрость и восторг.
И как источник вдохновенья
Стремишь Ты думы на простор!

И здесь моя родная келья
Мечтает о визите Музы,
Как тот подросток, в день весенний
Шагая из родного ТюЗа.

Когда она волшебным взором
Заветный мир мой озарит,
Сложу я песню, и мы хором
Исполним в честь столицы хит!

Мне так приятно проживать
В родном краю, в родной Отчизне
И радоваться и мечтать
О долгой и счастливой жизни.

Владимир Богачев

*родился в 1942 году.
В 1965 году окончил
Саратовский медицинский
институт и большую
часть жизни проработал
врачом скорой помощи
в подмосковных Люберцах.
Отец Владимира
Дмитревича был
артиллеристом и всю
войну воевал с фашистами.
Свою профессию – Родину
защищать – он очень
любил. Любовь к Родине
передалась и Владимиру
Дмитриевичу, что
нашло отражение в его
стихотворениях. Он всегда
с любовью и преданностью
пишет о России и Москве.
В Центре московского
долголетия «Рязанский»
он является активным
участником уже больше
полугода и больше всего
любит посещать встречи
клуба «История России».*

Елена Томилова

коренная москвичка, родилась в 1955 году в Замоскворечье. Окончив с красным дипломом Московский инженерно-строительный институт, работала на ЗИЛе инженером-технологом. Когда в стране начали появляться первые персональные компьютеры, Елена Сергеевна выучилась на программиста и затем почти 20 лет проработала в области ядерной диагностики в Медицинском центре им. Н.И. Пирогова.

Елена Сергеевна – человек творческий, профессионально занимается ткачеством, пишет стихи, делает по собственным эскизам куклы. В проекте «Московское долголетие» выбрала для себя художественное направление, занимается на курсе «Медитативное рисование, зентангл, графика».

Рецепт

Возьмите кусочек лета,
Его заверните в осень,
И вечером, в холод зимний
Вы вывалите на стол
Пьянящую грусть сирени,
И прелость опавших листьев,
И спелую свежесть яблок,
И Бог еще знает что.

А если в метель и стужу
Отключат вам свет в квартире,
Простуда застрянет в теле,
И к горлу подступит ком,
Возьмите кулечек с летом,
Обернутый в золотое,
Раскройте его, встряхните,
И вас окружают теплом:
Пьянящая грусть сирени,
И прелость опавших листьев,
И спелая свежесть яблок,
И Бог еще знает что.

А если среди ненастья
Вдруг станет так одиноко,
Что некому будет руку
Вам протянуть в беде,
Возьмите кусочек счастья,
Его заверните в память
И вечно с собой носите,
И не теряйте нигде!

Тишина

Мне нужно, чтобы вещи не молчали:
Чтоб чайник пел в печи, скрипел диван,
Огонь уютненько потрескивал дровами,
Шумела кофеварка по утрам.

Чтобы яичница в сковороде скворчала,
Часы с кукушкой время стерегли,
На полке радио тихонечко играло,
И шелест книг раскрытых красил дни.

А вечером, пусть ветерок приятный
Легонько занавесками шуршит.
Плывет над нашим домом блеск закатный,
И сад негромкой музыкой звучит.

И пусть как можно дольше в этом хоре
Не будет слышно окриков людских,
А с ними – суеты, обид и горя.
Спаси нас, Боже, тишиной от них!

Московская бессонница

Опять дневные неудачи
Настырно в голову влезают.
Ночь дождиком в окошко плачет,
А осень листьями швыряет.

Москва натружено гудит,
Ей не вздремнуть, она – столица!
Бездомный пес вовсю скулит,
Ему, голодному, не спится.

Сигнал машины протрубил,
Похоже – ложная тревога,
Но всех уже перебудил:
Людей, ворон, бродячих кошек.

Двор встрепенулся в темноте,
Все каркают, орут и лают,
И в этой вечной суете
Я, наконец-то, засыпаю.

* * *

Моим стихам не вырваться наружу
И не пробить сквозь толщу лет,
И не валяться им по полкам книжным,
Поскольку книжек и в помине нет.

Но если вдруг мы вместе соберемся
На даче, вечерком уютно поболтать,
И кто-то из друзей меня попросит
Свои стихи тихонько почитать –

Я буду счастлива! Под шум берез и сосен,
Под аромат цветов и треск цикад
Я изольюсь душою в каждом слове,
И это станет лучшей из наград!

Раиса Богданова

родилась в 1958 году в Алтайском крае. Работала экономистом и главным бухгалтером. Стихи начала писать уже в зрелом возрасте, как сама говорит, после 60 лет стихи для себя и для семьи рождаются и рождаются. Раиса Петровна – активистка Центра московского долголетия «Бабушкинский», участвует в пеших прогулках, занимается «зарядкой долголетия», планирует еще петь и танцевать.

Я с «Московским долголетием» много лет уже дружу –
Посещаю я экскурсии, по Москве пешком хожу.
С каждым разом интересное для себя я нахожу
и влюбляюсь все сильнее я в красавицу Москву!

Мы шагали по Пречистенке, по Арбату, по Кремлю,
По Варварке и Остоженке, по Садовому кольцу.
Обо всем экскурсоводы нам стремятся рассказать,
и при этом много нового показать они хотят.

И за это им спасибо от души я говорю!
И своим знакомым тоже о Москве я расскажу.

**Александр
Подволоцкий**

*родился в 1940 году
в Воронежской области.
По профессии – экономист,
и всю жизнь был верен
профессии.*

Арбат, распахни же объятия!
Весной уже пахнет сугроб,
Скучают и просятся платья
Покинуть слепой гардероб.

А в звуках капельных падений
Подружка влюбленных – весна,
Фривольных ночных сновидений,
Восторгов горячих полна!

И вспомнится, как дико воя,
Пурга по Арбату мела,
Как пахла морозная хвоя,
А в сердце любовь лишь жила...

А в Москве день погожий.
Уж весна где-то рядом.
На Ильинке прохожий
С понимающим взглядом.

Что под спудом таилось
У него и теснилось
Вешний воздух пробудит,
Ждет с надеждой, что будет.

Да, с весною творятся
Чуда дивные – диво!
И, готовый меняться,
Я ищу позитива...

Вдруг душа встрепенется,
Не совсем одичала.
Миг и вот – все начнется
Набело и сначала!

* * *

Двигают стрелки куранты-часы.
День проходит, темнеет округа.
В Подмоскovie кивают овсы,
Серой челкой касаясь друг друга.

Я такой красы не встречал,
Хоть полмира уже облазил.
Нет, столица, тебя я не сглазил,
Головой лишь в восторге качал.

Луч погас, потемнело окно.
День прошел по обычному кругу.
Да, Москва, мы дружны давно.
Мы как брат и сестра друг другу.

Город спит, навевая мечты.
Спи, столица моя дорогая!
Тонкий месяц глядит с высоты,
И всегда будет так, не мигая.

* * *

Как ты, Москва, хороша
В детских площадках зеленых!
Точно, ты – город влюбленных,
Здесь отдыхает душа!

Дружно, смеясь, прокатила
Стайка детей у моста.
Велики дружба сплотила.
Детская дружба чиста.

Смех – это верное средство
Весело жить не поврозь.
Их беззаботное детство
В сердце мое ворвалось...

Жертва войны без вины
Рад разделить их соседство
И пережить без войны
Миг лучезарного детства.

Галина Балашова

*родилась в 1954 году
в городе Мценске
Орловской области,
но всю жизнь
живет в Москве.
По профессии –
инженер, окончила
Институт связи.
Стихи начала
писать после 50 лет.
Принимала участие
в поэтических
конкурсах. В 2017 году
получила Диплом
лауреата в конкурсе
поэтов-любителей
«На крыльях
вдохновения».
В проекте
«Московское
долголетие»
выбрала группу
интеллектуальных игр
«Что? Где? Когда?».*

Московские улочки

По московским улочкам дотемна брожу,
В каждый переулочек, как к другу, захожу.
Вы мои старинные, добрые друзья!
Вам все мои тайны доверяю я.

Многих вас на карте городской уж нет,
Изменился многих улиц силуэт.
Но, как прежде, дорог мне родной Арбат,
И Волхонка, и Солянка, и Охотный Ряд.

Серебрятся уж давно у меня виски,
Только общей памятью будем мы близки.
А весной черемух пьяный аромат
Вновь вернет мне детство, мамин нежный взгляд.

Небоскребы стильные пусть взметнулись ввысь,
И мечтанья юности уж давно сбылись.
Буду я, как в детство, возвращаться к вам,
Скрытым в переулочках, стареньким домам.

По московским улочкам дотемна брожу,
В каждый переулочек, как к другу, захожу.
Добрые, старинные, верные друзья!
Вам все мои тайны вновь открою я.

Моя Москва

Узнаю Москву не из Кремля.
По задворкам юность колобродит.
Звуками наполнена земля.
Прошное ко мне наводит броды.

На Арбате старые дома
Смотрят настороженно и глухо –
Мною непрожитые тома
Величайших войн, любви, разлуки.

Где-то в этих двориках любовь
Солнцем Пасхи глаз людских коснется,
Окрыляя, вдохновляя вновь
Сердце у открытого оконца.

Ветер вдаль несет – незванный гость –
Всполохи предчувствий и раздумий:
Предков дом под Спасском и погост
Искрами былого мрак раздуло.

Дорог мне березовый простор
Русских деревень и Подмосковья,
Брошенных, стоящих, как укор,
Одиноких, как глаза коровьи.

Сергей Сафонов

родился в июне 1953 года, по профессии инженер-строитель, прошел трудовой путь от рабочего до руководителя строительной фирмы. Более 20 лет живет и работает в Москве. Стихи начал писать еще в школе. Публиковался в прессе городов, в которых жил по работе: Иваново, Москва, Краснодар, Тбилиси и др. Сергей Иванович – автор 7 сборников стихов!

Моя улица

Мне эта улица знакома
И вдоль и поперек.
Шла сострадания глаукома
Дорогой без дорог.

Район «хрущевок» и отвергнутых
Всех вер и возрастов,
В день Вербный – пагубе подвергнут был
Под звон колоколов.

Ни фанатизма, ни обмана –
Что там ни говори, –
Не наблюдались с полупьяна
От зорьки до зари.

Прижавшись к стенке, до Собора,
Кряхтела благодать
Старушкой сгорбленной покорно.
Ей только подавать.

Забывая вот тенью ходит,
Сводя концы едва.
Живут же вот себе народы!
Не разглядеть! Москва!

Небоскреб

В центре мегаполиса хмельного
Возвели жилище до небес.
Вроде стал великого Немого,
Из кино немого вдруг воскрес.

И стоит величественно, строго
(глух и нем, презревший суету),
Холодно взирающим острогом,
Распиная Русь, мою мечту.

Леший

Озерцо. Измайловский район.
В парке ходит тихая молва.
В окруженьи царственных ворон –
Лешего седая голова.

За понюх чужого табака
Он в столице дворником осел.
Жизнь не раз хватала за бока.
Был находчив, выдумщик и смел.

Ходит, озираясь, среди людей.
Воронье кричит ему во след:
– Как ты поживаешь, дуралей?
– Выживаю! – слышится в ответ.

Наталья Богданова

родилась в 1962 году в Москве. Всю жизнь верна своей любимой профессии – акушер-гинеколога. Работала в роддоме и в женской консультации. При ее помощи на свет появились несколько тысяч малышей. Писать стихи начала более 20 лет назад, на это ее вдохновляет работа и природа родного края. Наталья Сергеевна – увлеченный человек, среди ее хобби – изготовление «алмазных» картин и фотографирование.

Центру Московского долголетия на улице Правды, 3

Желтый домик – уютный, милый,
Затерялся на Правде, три.
Он – единственный, неповторимый,
И в Москве таких не найти.

Это место – центр притяжения
«Молодежи» за пятьдесят.
Этот домик – остров спасения,
Там, где каждый каждому рад.

Здесь чудесные люди, встречи,
Одиночество – не про них!
Здесь общение душу лечит,
И свою, и сотен других.

Как прекрасно, что есть местечко
Там, где можно раскрыть себя,
Поделиться с кем-то сердечно,
Встретить теплый и добрый взгляд.

Это место – как будто пристань
Умудренных жизнью людей.
Воплощаются планы, мысли,
К удивлению даже детей.

...Распахнул свою дверь однажды,
Под покровом густой листвы –
Желтый домик, рожденный дважды,
Почти в самом центре Москвы.

Старая открытка

Старинная Москва, потерянная открытка –
Минувшей жизни высохший родник.
Картина, как прекрасная попытка,
Чтобы ты глазом в прошлое проник.

Повсюду незаметные приметы:
Здесь дом уже стоит, а тут еще пустырь,
И жухлая трава, в разгаре лето,
Томит жара, и под ногами пыль.

Река все та же, мутная от глины,
Но эти воды утекли уже давно.
На плоских берегах речной долины
Фотограф крутит жизни полотно.

Щелк, древний Кремль, обшарпанные стены.
Щелк, старый мост скрипит под колесом.
И возчик-клоун площадной арены
Из торбы кормит мерина овсом.

Торговцы разные снуют, спеша проходим
Всучить давно уж съеденную снедь.
А колокольный звон, на вальс похожий,
Все слышится сквозь купольную медь.

И ноздри чуют запахи былые,
Пахнуло хлебом – запах так знаком.
Ты здесь стоял, хоть никогда тут не был,
А лишь на миг заснул старинным сном.

Наталья Баранова

*родилась
в 1941 году в Москве.
Профессиональный
художник. Окончила
художественную школу,
затем полиграфический
институт. Состоит
в Союзе художников.
Больше всего любит
писать Москву, пейзажи
и мифологические
образы. Стихи начала
писать около 30 лет
назад и сейчас
пишет необычные
картины со стихами.
В «Московском
долголетии» выбрала
для себя спортивную
тематику и посещает
«зарядки долголетия».*

Город мой

Город мой – музейный шорох
У прославленных картин,
Божий профиль, листьев ворох,
Тополь – вечный паладин.
Свет жемчужный серым утром,
Капли пота в Сандунах,
На Арбате звуки сутры
В голосах залетных птах.

Синь сиреневых бульваров,
Толкотня толпы в час пик,
И Володиной гитары
Удивленный круглый лик.
Чудеса большой деревни,
Чем гордится славянин.
Он застыл, мой город древний,
У прославленных картин.

Московское небо

Веками небо над Москвою
мерцало сенью облаков.
Под ним свирелью золотую
звенели сорок сороков
В колокола, и город древний
мечтал, юродствовал, творил,
Ворочался во мгле столетий,
людские чаянья копил.
И вдруг, как Муромец былинный,
стряхнул с себя седые сны,
Повел плечом, и нитью длинной
пронзила небо сталь иглы.
Ракета тычет пальцем в тучи,
зовет меня за солнцем ввысь,
А на груди Москвы могучей
огни вечерние зажглись.
Они горят, как звезды, тают,
блещат у неба на краю
И яркой радугой венчают
святую матушку Москву.

Поэма о Москве

XII век

От седых времен
Я начну рассказ.
Ехал, утомлен
Темным лесом князь.

Дыбом добрый конь –
Слишком долог путь.
Бьет копытом он,
Просит отдохнуть.

На крутых холмах
Бор стоит стеной.
А внизу – река,
Берег бьет волной.

Изб добротных строй,
Тешится народ,
Песни над рекой,
Видно, хоровод.

Вмиг наездник тот
Да с коня долой.
Кто же поднесет
Князю квас хмельной?
И пред ним предстал
Богатырь тот час.
Поклонясь, сказал:
«Сведай пенный квас!

Если с миром, то
Поспеши за стол.
А задумал что –
Сразу в спину кол.

Раиса Квартникова, 76 лет.

Более 40 лет Раиса проработала в школе учителем иностранных языков. Всю сознательную жизнь она увлекается литературой, историей, искусством, много читала и путешествовала по России. Сама начала писать уже в зрелом возрасте. Сейчас по состоянию здоровья Раиса Никифоровна практически не выходит из дома, но продолжает творить. «Поэзия помогает мне преодолеть проблемы со здоровьем, вдохновляет и дает позитивную энергию», – делится автор. С большим интересом Раиса следит за проектом «Московское долголетие», глубоко убеждена, что творчество и активный образ жизни, общение с единомышленниками – это прекрасный источник для вдохновения и полноценной жизни на долгие годы.

И запомни, князь,
Мы всегда гурьбой
На гуляние
И на смертный бой.

Так уж предками
Нам завещано –
Со своей землей
Мы повенчаны».

Юрий ус утер,
Улыбается.
Хоть ответ хитер,
Дюже нравится.

Не слыхал до сих
Князь таких речей:
– А народ вы чьих?
– Почитай, ничей.

Московиты мы,
Тут давно живем.
Или лес кресим¹,
Или ката² бьем.

Мудрый князь умолк.
Очи жесткие.
Мысли бьют в висок –
Стрелы острые.

А народ стоит,
Ожидаячи.
Что же князь молчит,
Сердцем мается?

Мы с тобой, вонми³,
Княже-умница?
Иль опять одним
Чужой улицей?

Мудр был и умен
Долгорукый–князь
Слово молвил он,
На коня садясь:

«Здесь народу жить
Волей вольною.
Нову граду быть,
Граду стольному».

¹ Кресить – выжигать.

² Кат – враг.

³ Вонми – (повелительное накл. от глаг. внимать) – услышь нас.

XVII – XIX века

Время, как волна,
В лету кануло.
И стоит она,
Белокаменна.

По семи холмам
Расстилается.
Красну солнышку
Улыбается.

Стройных улиц хор,
Кружева мостов,
Сказочный убор
Чудо-теремов.

Церквы дивные
Прямо до небес.
Звон малиновый
Слышится окрест.

А у стен Кремля
Гульбище как есть:
Шутки, смех, ругня,
Пирогов не счесть.

Всем гостям почет,
Уважение.
Раздавай, народ,
Угощения.

Искусился враг:
Широко живут.
Что-то тут не так.
Надо припугнуть.

Иль стереть совсем
Их с лица земли?
Победить, затем:
Грабь, хватай, дели.

Просчитался, гад.
Наш ответ такой:
Коли бьет набат,
Русичи на бой.

И идут дружинами
Люди ратные.
Кто с дубинами,
Кто с булатными.

Потерпели крах,
Намотав на ус,
И надменный лях,
И пигмей-француз.

Все перемогла
Рвением своим:
Ратные дела
И пожаращ дым.

XX век

Налетел, как вихрь,
Сорок первый год.
Снова лютый враг
У твоих ворот.

Все перемогли,
Волю сжав в кулак.
Гордо над Москвой
Реет алый флаг.

Сорок первый страшный год.
Всюду смерть и ад.
Но в Москве идет
Доблестный парад.

Замерла земля,
Счастье душу рвет.
Здесь, у стен Кремля,
Сорок пятый год.

Гулкие шаги,
Лиц безусых строй.
То спешат полки
На священный бой.

Пушки зачехлив,
Грозным строем в ряд,
Под победный марш
Вновь идет парад.

И опять звучат,
Как набат, слова:
«Нам нельзя назад,
Позади Москва!».

Лица, как гранит.
Барабанов хор.
Свастика летит
Тряпкою в костер.

Полегли в снегах
С именем твоим
Белорус, казах,
Русский и грузин.

Блещут ордена,
Брошен автомат.
Кончилась война.
Отдохни, солдат.

XXI век

Вновь летят года
Птицей вольною.
И стоит она,
Хлебосольная.

С Русью слажена,
Правдой сильная.
Непродажная
И счастливая.

В дружбе – верная,
В горе – твердая.
Многоликая,
Статью гордая.

Ты хранишь всегда
Прадедов завет:
Если с миром – да,
А с неправдой – нет.

Неприступная,
Прошлым славная.
Ах, Москва моя
Златоглавая.

Где найти слова,
Чтоб тебя прочесть?
Если есть Москва,
То Россия есть.

Стихи о Родине

Родина – фата моя венчальная.
Ширь полей и кружево берез.
Стать твоя торжественно-печальная
Жжет огнем и трогает до слез.

Ты уставших умывала росами,
Запрещала подличать и ныть.
С гордостью нас называла россами,
Говорила: «Быть России, быть!»

Мы в тебя, Отчизна, свято верили,
Защищая свой покой и честь.
Но какую мерой мы отмерили,
Утверждая, что Россия есть!

Нас крестили ладожскими волнами,
Тоннами несправедной молвы,
Сталинградскими пайками скромными,
Танками на улицах Москвы.

От того ль зовут тебя великою,
Что, когда час трудный бьет в набат,
Прадеды твои иконоликие
На тебя с надеждою глядят.

И как встарь, встают мужчины смелые,
К ряду ряд, в шеренги и полки.
И как в старь, их Ярославны верные
Смотрят им во след из-под руки.

Так живи, моя Россия звездная!
Заклинаю, милая, живи!
Синью неба, чистотою помыслов
И багряной святостью любви.

Московское лето

Все это в памяти где-то:
Цвет тополиной коры,
Блики заблудшего света
В полупустые дворы.
Панцирь асфальта, согретый
Приторной лаской жары.
Запах московского лета
Августовской поры.
Так же, как в детстве далеком
(А промелькнуло сто лет),
Радио голос из окон,
Горсть васильков на столе..
Я не спешу о высоком,
Мне хорошо на Земле!

Всему виною холода
В Москве не летние,
И парфюмерная вода,
И безбилетие
Туда, где нас давно не ждут,
Сверкнув советами,
Где фотографии сожгут,
Как хлам, с газетами.

Троллейбус под летним дождем –
Мой временный дом на колесах
Ползет не спеша и уносит
Меня в мою женскую осень –
Троллейбус под серым дождем.

Наталья Шишкарева

*родилась в 1962 году.
Окончила Московский
энергетический
институт. Автор книги
стихов «Маникюр».
Публиковалась
в журналах
«Литературная
учеба», альманахах
«Литературные
страницы», «Русь
моя», в коллективных
поэтических сборниках.*

Их скоро не будет совсем –
Московских «олений» рогатых,
Лирических, синих, пузатых...
Привет Окуджаве крылатый –
Их завтра не будет совсем.

Лишь город под летним дождем
Останется неузнаваем.
Веселая тряска трамвая,
Спешащего в металлолом, –
И грусть узнавания в нем.

Апрельский дождь

Что ж так много печали
Обвалилось с небес?
Москвичи одичали,
Восемь месяцев без

Солнца, теплого света –
их прогноз на «потом» –
Ждут отчаянно лета,
Укрываясь зонтом.

Льетса, хлещет снаружи
Злобный дождь ледяной.
Переполнены лужи
Мокрой, мутной хандрой.

И воды по колено –
Но уже все равно...
Неужель во вселенной
Так же сыро, темно?

* * *

Люди в метро с чемоданами – вот примета –
Значит, в Москву наконец прикатилось лето.
Смуглые, томные, юркие, с южным взглядом.
Вдруг понимаешь, как мало для счастья надо.
Рядом другие, их взгляд за морями бродит,
Вялые, бледные и рассеянные на входе

(Их чемоданы – пока еще тяжким грузом)
Едут с надеждами к рифам, волнам, медузам.
А у меня впереди – тоннель без света,
В офисе у экрана проходит лето...
Утром однажды приду и с судьбой поспорю,
Вместо таблиц на заставку поставлю море.
В воздухе офисном сразу повеет бризом.
Вдруг Фортуна оценит мой дерзкий вызов?!

* * *

Как мало в моей Москве
Осталось безлюдных мест.
Вот разве метро у храма
Владимирской архитектуры,
Громадного, как Хеопс,
Стоящего без любви...
Бесснежный пустырь вокруг,
Отсутствие прихожан...
Ну, разве что интурист
Глаза вскинет вверх и: «Ах!»,
Отщелкивает фасад
И, ежась, бежит в метро –
Там шахматный старый пол
Агрессией не истерт,
И там же, 12 лет
назад,
я узнала про счастье.

* * *

На хриплых ветрах стоит
Рождественская ель.
Величественный пейзаж
И райская немота...
Безлюдие для Москвы –
Подарок, а не порок.
И я получаю подарок,
Без праздников и именин,
На утренний променад
Ежедневно.

МОСКОВСКОЕ ДОЛГОЛЕТИЕ

Подробная информация о проекте
«Московское долголетие» и адреса
ближайших центров московского долголетия

mos.ru/md

+7 (495) 870-44-44

КРУПНЕЙШИЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ, ДОСУГОВЫЙ И ОЗДОРОВИТЕЛЬНЫЙ ПРОЕКТ ДЛЯ СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ

Старт проекта – 2018 год

Более **500 000** участников

Более **100** ЦЕНТРОВ МОСКОВСКОГО
ДОЛГОЛЕТИЯ

3 000 ПЛОЩАДОК ПО ВСЕМУ ГОРОДУ

Более **5 000** КЛУБОВ ПО ИНТЕРЕСАМ

Более **13 000** ГРУПП ДЛЯ ЗАНЯТИЙ
С ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМИ
ПРЕПОДАВАТЕЛЯМИ

Свыше **100** ЭКСКУРСИОННЫХ МАРШРУТОВ
ПО ИСТОРИЧЕСКИМ МЕСТАМ МОСКВЫ

В «Московском долголетии» москвичи старшего возраста ведут яркую, насыщенную и активную жизнь: занимаются спортом, танцами и йогой, участвуют в показах мод и даже снимаются в сериалах, изучают языки и исполняют самые заветные мечты

Занятия

Для тела

Для души

Для ума

**ВЫБИРАЙТЕ ТО,
ЧТО ПОДХОДИТ ИМЕННО ВАМ!**

16+

Проект Мэра
**МОСКОВСКОЕ
ДОЛГОЛЕТИЕ**

МОСКВА ДОЛГОЛЕТНЯЯ

Над выпуском работали:
Черненко Л.В., Семенышева А.Б., Власова Е.В.

В сборнике использованы фотографии, предоставленные авторами материалов, редакцией газеты «Московское долголетие» и фото из открытых источников.

Подписано в печать: 20.11.2023.
Формат 60×90/16. Бумага мелованная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 13.
Тираж 4 500 экз.
Заказ 03051-23

По заказу проекта "Московское долголетие".
Не для продажи.

Отпечатано:
ОАО «Подольская фабрика офсетной печати».
142100, г. Подольск, Революционный пр-т, 80/42.
Тел. 8 (4967) 69-97-22, 8 (4967) 69-97-29
E-mail: zakaz@pfop.ru

